

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Тюменский государственный нефтегазовый университет»
Научно-исследовательский институт прикладной этики

В. И. Бакштановский
Ю. В. Согомонов

ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА: ЛАБОРАТОРИЯ НОУ-ХАУ

Том 1

**ИСПЫТАНИЕ ВЫБОРОМ:
*игровое моделирование как ноу-хау
инновационной парадигмы прикладной
этики***

Тюмень
ТюмГНГУ
2009

УДК 174.03
ББК 87.75
Б 19

Рецензенты:

профессор, доктор философских наук Р. Г. Апресян
доцент, кандидат социологических наук М. В. Богданова

Бакштановский, В. И.

Б 19 Прикладная этика: лаборатория ноу-хау. Том 1. Испытание выбором: игровое моделирование как ноу-хау инновационной парадигмы прикладной этики [Текст] : монография / В. И. Бакштановский, Ю. В. Согомонов.– Тюмень : ТюмГНГУ, 2009. – 292 с.

ISBN 978-5-9961-0150-4

В своей новой книге авторы развивают инновационную парадигму прикладной этики, сосредоточившись на обосновании и демонстрации ее ноу-хау. Идея о том, что ноу-хау – способ существования этой парадигмы, конкретизируется в разработанных и внедренных в практику авторских технологиях проектно-ориентированного этического знания: этического проектирования, этической экспертизы, этического консультирования, этического моделирования и т.д.

Содержание первого тома: концептуальные основания игрового моделирования и мастер-класс, посвященный одной из самых новаторских технологий – этико-прикладным играм, рассматриваемым в качестве модели освоения ситуаций морального выбора.

УДК 174.03
ББК 87.75

Оригинал-макет В. И. Бакштановской. Художник М. М. Гардубей. В подготовке выпуска участвовали: М. В. Богданова, Е. Богданова, Г. Е. Жуганов, И. А. Михайлова, А. П. Тюменцева.

ISBN 978-5-9961-0150-4

© В. И. Бакштановский,
Ю. В. Согомонов, 2009
© Государственное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Тюменский государственный
нефтегазовый университет», 2009

Federal education agency
State educational institution
of high professional education
“Tyumen State Oil and Gas University”
Applied Ethics Research Institute

V.I. Bakshtanovsky
Yu.V. Sogomonov

APPLIED ETHICS: KNOW-HOW LABORATORY

Suppl. 1

EXAMINATION BY CHOICE:
game-modeling
as applied ethics
innovation paradigm
know-how

Tyumen 2009

Оглавление

Глава вводная. Ноу-хау – способ существования инновационной парадигмы прикладной этики	7
<i>Оправдание темы</i>	<i>7</i>
<i>Апробация темы</i>	<i>15</i>
<i>Конкретизация темы</i>	<i>24</i>
Раздел первый	
Игровое моделирование как ноу-хау освоения ситуации морального выбора	32
Глава 1. Основания концепции этико-прикладных игр	33
1.1. <i>Метафизика игры</i>	<i>33</i>
1.2. <i>«Хомо моралес» как «хомо люденс»</i>	<i>43</i>
Глава 2. Этико-прикладная игра как модель освоения ситуации морального выбора	50
2.1. <i>Игра?</i>	<i>51</i>
2.2. <i>Игра праксиологическая?</i>	<i>60</i>
2.3. <i>Игра этическая?</i>	<i>68</i>
2.4. <i>Панорама этико-прикладных игр</i>	<i>71</i>
Раздел второй	
Этико-прикладные игры: «мастер-класс»	89
Глава 3. Конструирование новых социальных технологий: альтернативные выборы народных депутатов в эпоху Перестройки	92
3.1. <i>Проблемная ситуация и сценарный замысел практикума «Окружное предвыборное собрание» ...</i>	<i>92</i>
3.2. <i>Стенографические фрагменты практикума с краткими комментариями</i>	<i>97</i>
3.3. <i>Результаты практикума</i>	<i>112</i>

Глава 4. Диагностика этноэкологического конфликта и проектирование его политического решения: «освоение без отчуждения»	120
4.1. <i>Проблемная ситуация и идея проекта</i>	120
4.2. <i>Диагностика ситуации: этап меритократической и демократической экспертизы</i>	129
4.3. <i>Сценарная разработка практикума</i>	141
4.4. <i>Между «что происходило» и «как происходило»: технологии ведения игры с краткими комментариями</i>	144
4.5. <i>Результаты игры</i>	178
Глава 5. Партия в ситуации выбора: моделирование стратегий неотложных изменений ...	190
5.1. <i>Проблемная ситуация и идея-гипотеза проекта</i>	190
5.2. <i>Предварительная экспертиза</i>	195
5.3. <i>Сценарная разработка практикума</i>	199
5.4. <i>Фрагменты технологии ведения игры с краткими комментариями</i>	205
5.5. <i>Результаты практикума</i>	231
Глава 6. Прогнозирование потенциала институционального освоения ценностей гражданского общества в ситуации старта рыночных реформ	236
6.1. <i>Проблемная ситуация, заказ на экспертизу, концептуальная позиция, рабочие гипотезы</i>	236
6.2. <i>Сценарный замысел</i>	243
6.3. <i>Фрагменты игровой деятельности экспертных структур с краткими комментариями</i>	247
6.3.1. <i>«Технические условия» к характеристике ведения игры</i>	247

6.3.2. Игровая площадка, установка на игру, правила игры	248
6.3.3. «Регион N» накануне «Дня X»: технология ведения игры в алгоритме «плановых возмущений»	252
6.3.4. «Регион N» в ситуации «День X»: технология ведения игры в режиме взаимодействия управляемой экспертной структуры со структурами самоорганизующимися	259
6.3.5. Заключительная рефлексия участников игры	279
6.4. <i>Результаты игры:</i> <i>рабочие гипотезы в «зеркале» экспертизы</i>	285
Заключение. Обществу. «До востребования»	291

Глава вводная
**Ноу-хау – способ существования
инновационной парадигмы прикладной этики**

*Волк не может нарушить традиций;
Видно, в детстве – слепые щенки –
Мы, волчата, сосали волчицу
И всосали: нельзя за флажки! ...
Я из повиновения вышел –
За флажки – жажда жизни сильнее!
Только сзади я радостно слышал
Удивленные крики людей...*

В.Высоцкий. Охота на волков

Оправдание темы

РЕШЕНИЕ о работе над этой монографией нарушило наши давние планы: в 2009 году мы намечали выпустить второй том «Ойкумены прикладной этики»¹. Речь должна была идти о *новом освоении* таких «территорий», как этика бизнеса, политическая этика, этика воспитания, этика успеха, этика гражданского общества и т.п. Первые шаги в этом направлении мы предприняли в период начала 90-х ушедшего века – середины первого десятилетия нового века².

¹ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Ойкумена прикладной этики: модели нового освоения. Том первый. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2007.

² См., напр.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в политическую этику. Москва-Тюмень: Философ. общ-во СССР, Ин-т проблем освоения Севера СО АН СССР; Они же: Игра по правилам (политическая этика в гражданском обществе). М.: Знание, 1991; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Честная игра: нравственная философия и этика предпринимательства / Т.1. Игры рынка. Т.2. Торговец в Храме. Томск: Изд-во Томского университета, 1992; Они же: Выбор будущего: к новой воспитательной деонтологии. Томск: Изд-во Томского университета, 1991; Они же: Этика политического успеха (в соавторстве с В.А.Чуриловым). Москва-Тюмень, 1997; Они

Легче всего было бы объяснить предпринятый поворот незаметно подошедшим тридцатилетним юбилеем первой этико-прикладной игры «Аттестация морально-деловых качеств руководителя».

Можно было бы объяснить такой поворот и двадцатилетним юбилеем «Самотлорского практикума-1», трехдневной этико-прикладной игры, в формате которой в г. Нижневартовске была проведена конференция «Нравственная жизнь, нравственно-воспитательная деятельность, “воспитание воспитателей”».

Или двадцатипятилетним юбилеем первой научно-популярной работы нашего направления: «Этика как практическая философия: традиционные образы и современные подходы».

Однако наиболее сильным мотивом изменения планов оказалась необходимость актуализации очевидной для нас (и далеко не очевидной для профессионального сообщества исследователей, разработчиков учебных программ, авторов учебных пособий и преподавателей прикладной этики) идеи, что ноу-хау – способ существования прикладной этики. Именно эту идею мы стремились продвинуть в процессе последних наших выступлений на конференциях и в работе над проектом «Парадигмы прикладной этики: экспертиза ситуации в этико-прикладном знании и приглашение к рефлексивному самоопределению». И именно степень (не)востребованности этой идеи многообразными парадигмами прикладной этики (даже если это реальное многообразие не стало предметом специальной рефлексии), наглядно определяющая перспективы традиционного и инновационного потенциала «практической философии», обусловила тему новой монографии.

же: Гражданское общество: новая этика / Монография. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2003; Они же: Гражданское общество: этика публичных арен / Монография. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2004; Этика профессии: миссия кодекс, поступок. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2005 и др.

НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ симпозиум «Биоэтика науки и технологий: проблемы и решения» (Киев, октябрь 2008 г.) мы представили доклад «Самоопределение биоэтики к парадигмам прикладной этики». Это была первая попытка обратиться к коллегам, развивающим одну из самых известных сфер прикладной этики.

Прежде всего мы стремились обратить внимание участников симпозиума на связь идеи самоопределения биоэтики с ситуацией *множественности* парадигм прикладной этики. И подчеркнули, что в большинстве современных учебников по этике – и в известных нам работах по биоэтике – доминирует трактовка практичности этического знания как *аппликации* этико-философского знания к морально значимым проблемам различных сфер человеческой деятельности. И уклонение ряда исследователей от работы с понятием «прикладная этика» ради понятия «практическая этика» не случайно. Например, у П. Сингера речь идет о практическом применении достижений *моральной философии*. У Дж. Кэллахан, наоборот, прикладная этика интерпретируется лишь как аппликация классических нормативно-этических теорий к практическим моральным проблемам (например, потенциала концепции Канта применительно к дискуссиям о моральности добровольных абортов).

Важный тезис нашего доклада: самоопределение биоэтики к множеству парадигм прикладной этики может определить *интервал эффективности* в идентификации биоэтики и как *практической*, и как *прикладной*. Тем самым биоэтика, оставляя за собой весь потенциал аппликации этического знания, обретет и потенциал *собственно* прикладной этики. В последнем случае велика роль *восхождения* к биоэтике моно- и междисциплинарных наук, с одной стороны, развития моральных практик, в том числе «гражданского взаимодействия профессионалов и непрофессионалов» («людей с улицы»), – с другой.

ОРГАНИЗАТОРЫ Международной научной конференции «Сахаровские чтения 2008 года: экологические проб-

лемы XXI века» (г. Минск) предложили нам выступить с докладом, в котором бы определялось место экоэтики в структуре прикладной этики. Однако мы выступили с контрпредложением – предпринять попытку отрефлексировать саму «очевидную» идентификацию экологической этики как *прикладной*. Заявленная тема доклада: «Очевидна ли идентификация экологической этики как *прикладной* при многообразии парадигм прикладной этики?».

Такая тема предполагала, что намерение оспорить «очевидное» не может не показаться иррациональным. Ведь во многих работах возникновение прикладного этического знания связывается именно с возникновением биоэтики и экологической этики. Во всяком случае, такой версии придерживается большинство исследователей, авторов учебных программ и учебных пособий на советском и постсоветском пространстве.

Но мы исходили из тезиса, что степень иррациональности уменьшится, если наконец принять во внимание существование разных парадигм прикладной этики. Более того, кажущаяся иррациональность намерения отрефлексировать идентификацию экологической этики как этики *прикладной* уменьшится еще заметнее, если попытаться сконструировать определенную матрицу *applied*-аудита идентификации экологической этики и попытаться применить ее к анализу «повестки дня» исследовательской и учебной деятельности этого направления.

К сожалению, амбициозное намерение «озвучить» доклад не осуществилось: «из-за синей горы набежали другие дела».

ОРГАНИЗАТОРЫ Международного научного семинара «Экологическая этика» (Вильнюс, февраль 2009) предложили нам выступить на пленарном заседании с докладом о *практичности* экологической этики.

Это предложение привлекло нас, во-первых, еще одной возможностью «аудита» распространенных в литературе представлений об этико-прикладной природе экологической

этики, нередко идентифицирующих последнюю в качестве прикладной *без* достаточной рефлексии на тему природы *приложения*. Во всяком случае, без рефлексии зависимости возможных видов и КПД практичности экологической этики от того, в рамках какой из *множества* парадигм прикладной этики она развивается. На наш взгляд, такого рода «аудит» давал возможность побудить исследователей и разработчиков экологической этики к самоидентификации и самоопределению относительно той или иной парадигмы прикладной этики, к прогнозированию последствий такого самоопределения.

Во-вторых, это предложение привлекло нас ситуацией *публичного* предъявления потенциала развиваемой НИИ ПЭ ТюмГНГУ *инновационной* концепции этико-прикладного знания³, важные элементы которой – критический анализ традиционного понимания идеи *практичности* этики и разработка *ноу-хау приложения* в сфере этики.

В своем докладе мы сосредоточились на одном из признаков такого ноу-хау – различении *практичности* этики и собственно *приложения*, природа которого предполагает весьма строгие ответы на алгоритмизированное вопрошание «*что? – к чему? – каким образом? – зачем?*»⁴.

Пафос этого выступления заключался в том, чтобы показать недостаточность *уже принимаемых* частью профессионального сообщества аргументов инновационной парадигмы – как, например, несводимость идеи практичности этики к *аппликации* этико-философского знания на морально значимые ситуации. Или к активно продвигаемой методологии ситуационного анализа. Или даже к идее «выращивания» прикладной этики из практического опыта, так сказать, креации «снизу». Все это скорее *модернизация* традиционной роли этики как «практической философии». Нам важно было декларировать позицию, согласно которой *ин-*

³ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в прикладную этику. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2006.

⁴ Там же. Гл. 3.

новационность в понимании практической роли этики предполагает целенаправленную ориентацию этического знания на роль «непосредственной производительной силы» относительно той или иной профессиональной или *над*профессиональной практики. «Производительной силы», обеспечиваемой инновационными технологиями приложения.

И, наконец, показать, что ноу-хау нашей парадигмы прикладной этики совсем не сводится к неким специальным методикам, приемам, техникам, как это иногда интерпретируется либо ввиду предвзятости, либо из-за поверхностного восприятия. Наше ноу-хау – модус вивенди *миссии приложения*, то есть такой практической устремленности этики, которая проявляется в подчинении задачи *познания* нормативно-ценностных систем («малых систем») задаче их *развития* через разработку и применение проектно-ориентированного этического знания. В такого рода знании *проектирование* процесса формирования конкретного вида прикладной этики доминирует над процессом *стихийным*. А само проектно-ориентированное знание предполагает изобретение технологии *сотрудничества-соавторства* исследователей, работающих в сфере этико-прикладного знания, и профессионалов из сфер знания, обеспечивающих полноценный КПД такого сотрудничества⁵. В свою очередь, полноценность сотрудничества – условие и процесс технологизации «внедрения» его результатов.

ВЫСОКОЕ доверие оказали развиваемому нами направлению прикладной этики организаторы Международной научной конференции «Облики современной морали» в МГУ, посвященной юбилею А.А. Гусейнова (март 2009 года).

В эпиграф своего пленарного доклада «Прикладная этика: инновационный сценарий развития» мы вынесли цитату из манифеста группы «Этический поворот»: «*Нас ин-*

⁵ См. с этой точки зрения: Прикладная этика: «КПД практичности» / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. // Ведомости. Вып. 32, специальный. Тюмень: НИИ ПЭ, 2008.

тересует прикладная этика. Мы не знаем, что такое прикладная этика. Мы хотим в этом разобраться».

Ориентированный на это заявление алгоритм нашего доклада предполагал выдвижение трех тезисов: (а) «*инерционный* сценарий развития прикладной этики рискован»; (б) «какую из парадигм вы предпочитаете, такую *практичность* этики и получаете»; в) «*инновационный* сценарий связан с особым смыслом прилагательного “прикладная”»; две реплики коллегам: (а) отдающим приоритет создания прикладной этики зарубежным авторам, (б) скептически вопрошающим «нужно ли называть это именно “прикладной этикой”?»; тест: «Критерий идентификации разных видов этики как прикладных: что? к чему? зачем? каким образом?»; диагностику обнадеживающих трендов в прикладной этике: (а) программа щадящей самокритики авторов доклада, (б) динамика развития иных парадигм; напутствие группе «*Этический поворот*».

В этом докладе мы прежде всего настойчиво предлагали участникам конференции свою идею о двух сценариях развития прикладной этики. Первый из них – *инерционный*, «сырьевой», экстенсивный, по сути – пассивный сценарий, предполагающий продолжение движения по накатанной за последние годы «сырьевой» трассе, т.е. за счет расширения предметного поля прикладной этики и, прежде всего, благодаря освоению достижений наших зарубежных коллег.

Второй – способный преодолеть инерционный сценарий, не дожидаясь пока этот «сырьевой» ресурс иссякнет, – *инновационный*, формирующий прикладную этику как высокотехнологичное знание. В рамках этого сценария речь идет не столько о *расширении* ойкумены прикладной этики, сколько о *новом* ее *освоении*. Новом – относительно потенциала парадигмы этики как «практической философии» в освоении «малых нормативно-ценностных систем»; относительно смысла прилагательного «прикладная» примени-

тельно к существительному «этика»⁶.

Этот сценарий мы предлагали, обращаясь как к сидящим в зале авторам и актерам первого сценария, так и к тем коллегам, которые склонны – как минимум – рефлексировать инновационный сценарий и – более того – уже проявили открытость к обновлению сценария инерционного. И, разумеется, к поколению «этического поворота».

Практически повторяя многократно опубликованную нами идею прикладной этики как *проектно-ориентированного* этического знания, мы подчеркивали, что речь идет о создании специализированного, теоретически и технологически (ноу-хау) обеспеченного этического знания, ориентированного на конкретный проект. Прикладная устремленность проектно-ориентированного знания, проявляющаяся в подчинении *познания* «малых систем» задаче их *развития* через конструирование инфраструктуры «малых систем»; разработку технологий связи этического знания с моральной практикой; этических документов, институций экспертизы, принятия и исполнения решений (этических офисов фирм, этических комиссий ассоциаций и т.д.). Важное «техусловие» изобретения *проектно-ориентированного* этического знания – формирование стиля проектной деятельности, предполагающего *моральное творчество субъекта*⁷.

Неожиданное сокращение регламента выступления обрело и нас, и аудиторию лишь на демонстрацию слайда, на котором в качестве атрибутивного признака инновационной парадигмы этико-прикладного знания декларировались *фронестические* технологии приложения, этическое ноу-хау этой парадигмы, определяющие эффективность инновационного сценария. Слайд представлял разработанные и

⁶ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Ойкумена прикладной этики: модели нового освоения. Том первый.

⁷ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Прикладная этика: идея, основания, способ существования // Вопросы философии. 2007. № 9.

внедренные в практику технологии: *этического проектирования, этической экспертизы, этического консультирования, этического моделирования и т.д.*

Дискуссии на пленарном заседании, в секционных выступлениях и в кулуарах показали нам, что намерение продвинуть в актуальный дискурс этического сообщества идеи инновационного сценария требует специально сосредоточиться на потенциале ноу-хау нашей парадигмы.

Апробация темы

ВПОЛНЕ конкретным подтверждением необходимости такого сосредоточения оказались материалы проведенного в рамках проекта «Парадигмы прикладной этики» опроса экспертов⁸, так или иначе вовлеченных в этико-прикладную проблематику: исследователей-этиков; преподавателей различных сфер прикладной этики; теоретиков и практиков профессий и надпрофессиональных видов деятельности, продуцирующих проблемы прикладной этики.

Задачи опроса: экспертная оценка классификации основных парадигм прикладной этики, которая предложена здесь в качестве *способа диагноза* ситуации; самоидентификация и/или самоопределение с помощью нашей классификации относительно парадигмы прикладной этики, в которой участник проекта работает как исследователь, разработчик, преподаватель и т.д.; характеристика *технологии приложения* в разделяемой им парадигме – *ноу-хау*, с которыми она связана.

Обращаясь к экспертам, прежде всего к тем, кто ранее не был вовлечен в постоянную дискуссионную активность нашего направления, мы подчеркивали, что на новом этапе жизни прикладной этики за характеристикой «современные подходы» – применительно к метафоре об этике как «практической философии» – стоит уже не одинокое направле-

⁸ См.: Парадигмы прикладной этики / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. // Ведомости. Вып. 35, специальный. Тюмень: НИИ ПЭ, 2009.

ние, развивающееся в ситуации активного скепсиса академической среды, но «большой скачок», породивший *множество* парадигм. На основе (а) самоидентификации их авторов / сторонников, (б) и/или с помощью нашей собственной классификации мы предлагали зафиксировать *по меньшей мере* пять версий-образов прикладной этики: «этика открытых проблем», «практико-ориентированная этика», «аппликативная этика», «организационная этика», «проектно-ориентированная этика».

В анкете для экспертов говорилось, что, конечно, и без работы по самоидентификации и самоопределению уважаемые коллеги могут и дальше работать в сфере прикладной этики, оставив теоретико-методологические поиски тем, кому это полагается по академическим обязанностям. Однако анализ ситуации дает нам основания для гипотезы, что при всей условности этой классификации за многообразием парадигм важно увидеть их различие по критерию *инерционности-инновационности* в отношении к традиционной характеристике этики как «практической философии». Этот критерий оформляется в два соответствующих сценария развития прикладной этики.

Тем самым этическое сообщество имеет дело с *проблемной* ситуацией. В рамках *инерционного* сценария трудно преодолеть две тенденции, выражающиеся в *банализации* природы прикладной этики. Одна из них (проявляется в сфере этического теоретизирования), на наш взгляд, упрощает *феномен приложения*, отождествляя *практическую* этику и *этику прикладную*. Другая (проявляется в практике разработки прикладных этик в рамках самопознания ряда профессий и/или в профессионально-этической рефлексии специальных научных дисциплин) – упрощает *феномен морали*. Рискованный момент развития первой из этих тенденций: стремление удержать этическую идентичность прикладных этик оборачивается затруднением в сфере собственно *приложения*, реально замещаемого *аппликацией* морально-философского знания на практические ситуации.

Рискованный момент развития второй тенденции: стремление к прагматичности профессионально-этических проектов нередко оборачивается их *параморальностью*.

Значимость экспертного опроса покажем здесь лишь в двух аспектах.

Первый аспект – возможность вывода о новом самоопределении этического сообщества, вытекающего уже из суждений экспертов относительно *актуальности* проекта.

* Одно из оснований в пользу такого вывода – сходные замечания двух участников проекта. «До приглашения в этот проект я особенно не задумывался над парадигмами прикладной этики», – пишет А.А. Дульзон. «До этого момента мне не приходилось задумываться о различных парадигмах прикладной этики и об основаниях их классификации. Хотя, казалось бы, сами условия возникновения прикладной этики, ее формирование на основе всевозможных “поли-”, “мульти-”, присущих эпохе Позднего Модерна, должны были спровоцировать размышления о различных образах прикладной этики», – пишет М.М. Рогожа.

* Другое основание – в оценках экспертами *ситуации* в прикладной этике. Оценках разных, но сходящихся в заключении о своевременности проекта.

Как полагает А.А. Сычев, «экспертный опрос “Парадигмы прикладной этики”, проведенный НИИ ПЭ, – это не столько попытка описания состояния современного этического знания, сколько показатель выхода исследований в прикладной этике на качественно новый уровень развития. В какой-то мере сам проект исследования является показателем того, что отечественное этико-философское знание оставило позади период заимствований и комментариев и вступило в период саморефлексии и инновационного развития».

* Своеобразную переключку с этой оценкой мы видим в сравнении нашего «диагноза-прогноза» о двух сценариях развития прикладной этики «с программой *новых фронтов*, поскольку речь идет о новых вызовах и очередной

(впрочем, скорее перманентной?) проблемной ситуации в области прикладной этики» (Л.А. Фадеева).

В то же время Г.В. Лазутина видит актуальность проекта скорее в незавершенности процесса становления отечественной прикладной этики: «еще идет процесс ее самоопределения как самостоятельной области этики, а следовательно, решаются прежде всего задачи накопления наблюдений. Систематизация их и глубокое осмысление пока не имеют более или менее признанных результатов. Поэтому есть все основания говорить о том, что предложенный в анкете “веер представлений” о прикладной этике вполне адекватен состоянию этико-прикладного знания».

Востребованность такого «веера» подчеркивает Н. Васильевне: «“Большой скачок”, появление множества парадигм этики, детерминировал эклектику и невозможность ни понять их, ни договориться о понятиях и критериях разделения парадигм. Можно порадоваться за инициаторов данного проекта, пытающихся “разложить по полочкам” множество парадигм».

* Еще одно основание для вывода, что проект «Парадигмы прикладной этики» инициировал и проявил новое самоопределение этического сообщества – заголовки экспертных текстов. Оглавление выпуска 35 «Ведомостей» дает возможность увидеть:

– факт явного перехода профессионального сообщества в отношении притязаний прикладной этики на собственное место в этическом знании: от банальной смены позиции – с «ереси» на «кто же этого не знает» – к пониманию роли инновационных парадигм (А.А. Сычев. «...В ситуации “пролиферации теорий” основой становятся наиболее оригинальные, далеко отстоящие от общепринятых идей»);

– тезис о необходимости уточнения амбиций парадигм (Н.А. Хафизова. «...Сама этика становится технологией, или речь идет о технологиях обновления и применения этического знания на практике?»);

– предложения в стратегию развития прикладной этики (Р.Г.Апресян. «...Мы лучше могли бы понять прикладную этику, не расследуя концепции, а анализируя реальный интеллектуальный опыт прикладной этики в ее дисциплинарных осуществлениях»; Л.А. Фадеева. «...Уместнее говорить о необходимости разработки инновационных начал и методов наряду с традиционными, которые еще себя не исчерпали»);

– условия реализации инновационного сценария (Е.В. Беляева. «...Если прикладная этика предложит инновационные пути осмысления нравственных ситуаций, граница между общей практичностью этики и ее прикладными формами увеличится естественным путем»);

– предупреждения по поводу последствий притязания конкретных парадигм в дискуссиях о «самой правильной» из них (А.В. Прокофьев. «...В стремлении только одну из позиций в этом споре исключительным образом связывать с “прикладной этикой” сложно увидеть что-то иное, кроме монополизации термина»).

Второй аспект – непосредственно связан с темой монографии. Речь идет о пункте анкеты, в котором экспертам предлагалось ответить на вопрос: «в какой парадигме прикладной этики вы работаете (как исследователь, разработчик, преподаватель...)?», описать *технология приложения* в разделяемой вами парадигме: «с каким(и) ноу-хау она связана? чем они отличаются от традиционных способов связи философской этики с практикой?». Завершающий вопрос: «или вы легко обходитесь без рефлексии на эту тему?».

При всей сложности разделения исследовательской, консультативной и преподавательской деятельности в практике участников проекта, все же сгруппируем их «вложения» в банк технологий прикладной этики следующим образом.

* Одна группа «вложений» связана с исследовательской деятельностью в сфере прикладной этики.

– Ссылаясь на свои прежние публикации «и в связи с обсуждением “парадигм прикладной этики”», Р.Г. Апресян подчеркивает: «развитие прикладной этики непременно должно основываться на использовании методологии ситуационного анализа».

– В то же время А.А. Сычев отмечает: «Ситуационный анализ, конечно, не является единственной технологией приложения. Вполне адекватными являются все технологии, позволяющие проанализировать спектр возможных вариантов действий: мысленный эксперимент (особенно из области “теории игр”), моделирование, проектирование, различные игровые методики (в том числе ролевые), идеализация и т.д. В этом отношении необходимо отметить несомненные достижения в разработке методов приложения в трудах Научно-исследовательского института прикладной этики ТюмГНГУ».

– Ю.В. Казаков рассказывает об одном из своих инновационных проектов в сфере журналистской этики – «Экспертно-консультационный центр “Медиаэтика”». В ходе этого проекта «в пяти регионах были выстроены экспериментальные экспертно-консультационные центры. Тематические семинары с журналистами и преподавателями в рамках этого проекта отличались от других тем, в том числе, что групповому исследованию, т.е. определенным образом технологизированному и структурированному анализу непосредственно в семинарских аудиториях, подвергались специальные “этические” экспертизы конфликтных текстов, “выловленных” системой мониторинга проекта. Нужно признать, что этот метод оказался высокоэффективным: и в том, что касалось мониторинга и экспертизы текстов, и по части того, как воспринималась аудиториями конструкция “мнение эксперта”. Такого внимания журналистов к своим текстам, но и такого внимания к основам профессиональной этики, как на семинарах этого проекта, автору ни до, ни после видеть не приходилось».

– «Теряясь» перед понятием «ноу-хау» «в применении к этике и моральной практике», но полагая уместным говорить «о новых моментах в этической теории и моральном опыте», А.А.Гусейнов называет «только самые очевидные»: «а) соединение теории и опыта, когда теория становится одним из сознательно фиксированных составляющих в процессе выработки решения, а реально осуществляющийся моральный выбор оказывается способом теоретизирования, по крайней мере значимым теоретическим аргументом, общей посылкой силлогизма поступка; б) осуществление взвешивания мотивов и самого выбора в форме общественного и публичного рационального дискурса; в) коллективно-индивидуальная форма принятия решения, когда решение является совместным при сокращении индивидуальной ответственности каждого в отдельности; г) более полное, чем в случае нормативной этики, совпадение субъекта и объекта морального требования».

– Называя парадигму исследовательской группы «Этический поворот» деятельностной, П.А. Сафронов поясняет: «для меня прикладная этика является способом оформления научного, образовательного и, говоря шире, гражданского активизма. Активизм реализуется в сообществах, совместно работающих над определенным числом проектов. К этой работе постоянно на добровольной основе привлекаются лица, не связанные непосредственно с ядром сообщества; в ней также активно используются информационные технологии. Как уже было сказано, в такой ситуации прикладная этика является не условием, а эффектом определенным образом построенной деятельности. Соответственно, речь может идти не о технологии приложения прикладной этики, а о технологии “порождения” сообществ».

На данном этапе наиболее эффективной технологией создания сообществ мне кажется формат малых (до 10 человек) исследовательских групп, не связанных формальной иерархией, однако имеющих определенную внутреннюю специализацию. Группа определяет для осуществления

фиксированный набор проектов, проводит подготовительную работу, запускает пилотные “версии” событий и инициирует создание других групп, после чего может быть “распущена”. О “традиционных” способах связи философской этики с практикой я ничего не знаю. “Ноу-хау” изложенного здесь подхода можно суммировать в следующих ключевых словах: “практика”, “сообщество”, “проект”, “события”».

* Другая группа «вложений» связана с преподаванием прикладной этики.

– Полагая «рефлексию на тему *ноу-хау* прикладной этики своевременной и продуктивной», Е.Н. Викторук пишет о своих наработках в этой области, связанных «с созданием банка кейсов по этике бизнеса и этике и аксиологии науки, которые выполняются в совместной работе с обучающимися в системе дополнительного образования и аспирантами».

– Идентифицируя себя, в первую очередь как преподавателя, Т.В.Мишаткина рассказывает о *технологиях приложения* в педагогическом процессе. «В зависимости от ситуации и специфики “малой системы” это могут быть и рациональный анализ ситуаций морального выбора, и “case study”, и этическое моделирование (кстати, в учебном процессе приближающееся к “case study”), и этическая экспертиза, особенно уместная при анализе конкретных ситуаций в экологической этике и биоэтике, и ситуационные и деловые игры, и консультирование (например, в деятельности биоэтических комитетов)».

– Уклоняясь от трактовки *ноу-хау* как инноваций, имеющих коммерческую ценность, и используя этот термин «в более широком значении, как “секрет производства”, стимулирующий новационную составляющую деятельности», И.Л. Зеленкова «свои скромные “инновационные заслуги”» связывает «с созданием и реализацией на практике комплексной теоретико-методической модели преподавания

этики. Именно она выступает в качестве достаточно новационной “технологии приложения” совокупности всех моих представлений в области этического знания».

– Н.А. Хафизова в своей преподавательской деятельности в основном использует ситуационный анализ: «с другими технологиями я, собственно, не знакома, и было бы интересно их освоить на практике, но технология ситуационного анализа меня устраивает в учебных целях. Она позволяет мне создавать условия для освоения категории философской этики, для понимания специфики той или иной прикладной этики на примере конкретной ситуации, для выработки навыков принятия ответственного морального решения и прививания вкуса к моральному творчеству».

Представляется, что даже в кратком обзоре суждений экспертов по поводу технологий прикладной этики важно отметить доброжелательно-скептические и доброжелательно-заинтересованные суждения участников экспертного опроса относительно ноу-хау нашей парадигмы.

Выделим, во-первых, суждение А.А. Скворцова: «Авторы, используя сложные формулировки, желают выразить простую мысль: прикладная этика может предлагать ценные практические решения для реализации в различных профессионально ориентированных областях, но только делать это, используя не привычное этическое знание, а специальное, проектно-ориентированное, и даже придавать своим выводам статус научно-практических изобретений.

Никто не спорит – это было бы замечательно, но хотелось бы узнать о примерах подобных изобретений» (курсив наш. – В.Б., Ю.С.).

Выделим, во-вторых, фрагмент рефлексии Т.В. Мишатиной: «Речь идет о “производительной силе”, “обеспечиваемой инновационными технологиями приложения, научно-практическими изобретениями”. А какими они должны быть? В чем они заключаются? Здесь, наверное, и сказыв-

вается моя собственная ограниченность рамками “инерционного сценария” и требующая выхода за эти рамки.

Ставят в тупик и предлагаемые для данной парадигмы алгоритмизированные вопросы. Часть из них (*что? – к чему? – зачем? – во имя чего?*) понятны и сами собой разумеются. А вот вопрос “*каким образом?*” и, главное, ответ на него – погружают (меня, во всяком случае) в состояние прострации. Я еще могу понять, что “за счет производства этико-прикладного знания, методологический арсенал которого оснащен этико-философскими и этико-социологическими средствами познания императивно-ценностных подсистем общества”. Но вот в чем заключается потенциал “проектно-ориентированного знания и *фронестических технологий приложения*”, а также, какими могут быть этические ноу-хау – затрудняюсь ответить.

Если это рациональный анализ ситуаций морального выбора, этическое проектирование, этическое моделирование, этическая экспертиза и консультирование, – тогда согласна, это, действительно, технологии продвижения прикладного знания, которые способствуют “исследованиям и целенаправленным преобразованиям в “малых системах”» (курсив последнего абзаца наш. – В.Б., Ю.С.).

Полагаем, что обе цитаты вполне могли бы стать эпиграфами к нашей монографии. Весь ее текст и дает ответы как на пожелание представить «примеры подобных изобретений», так и на вопрос о том, являются ли рациональный анализ ситуаций морального выбора, этическое проектирование, этическое моделирование, этическая экспертиза и консультирование технологиями нашей парадигмы.

Конкретизация темы

Ставя во введении задачу предварительной характеристики всех технологий нашего направления, начнем с сюжета из экспертного опроса «Парадигмы прикладной этики».

Один из экспертов, приглашенных в наш проект, не сразу согласился принять в нем участие. Обратившись к про-

грамме-анкете, коллега *«впал в ступор*: назвать данный текст анкетой достаточно затруднительно. Это совсем не анкета, а дискуссионные материалы. Материалы, требующие осмысления и серьезной работы. Скорее речь идет о подготовке статьи, доклада, какой-то иной и весьма серьезной рефлексии. И если бы вопрос изначально был поставлен в такой плоскости, было бы проще понять, что требуется от "респондента"».

Разумеется, в этом *ступоре* виноваты мы. Обратившись к коллегам, ранее не встречавшимся с практикуемой нашим направлением технологией экспертизы, мы должны были сформулировать конкретные «техусловия» работы экспертов. В том числе и относительно *формата* экспертного текста, чтобы он не сводился, например, к сверхлаконичному алгоритму «вопрос – ответ» или к статье в научный журнал, или к «заметкам на тему».

Тем более важно было предварить анкету описанием нашего понимания роли и техники экспертного опроса, а не надеяться на то, что и то, и другое многократно описано на уровне техники и продемонстрировано публикацией материалов целого ряда наших экспертиз.

Уже поэтому в вводной главе, предваряющей первый том монографии, мы должны напомнить, что в нашем опыте разработана и внедрена в практику система технологий этико-прикладного знания:

этическое проектирование (например, корпоративной институции профессионально-этической экспертизы «Экспертно-консультационный центр “Медиаэтика”» – в соавторстве с Ю.В.Казаковым, или этической комиссии профессиональной ассоциации журналистов в «несудебном», консультативном формате – в соавторстве с А.К.Симоновым);

этическое конструирование (например, конвенции профессионального сообщества журналистов, миссии-кредо и профессионально-этического кодекса университета, документа «Этические приоритеты госслужащих» – в соавторстве с рабочей группой Тюменской областной думы);

этическая экспертиза (общественная, гражданская, один из примеров – экспертиза проекта этнонациональной политики в регионе);

этическое консультирование ассоциаций и организаций (например, рефлексии ценностных ориентиров технологий гражданской активности НКО, таких как общественная экспертиза, переговорная площадка, гражданские экспедиции, гражданский контроль, общественные дебаты, общественные слушания и т.п. – совместно с Гражданским форумом Тюменской области; нефтегазового университета в ситуации его самоопределения);

этическое моделирование (серия этико-прикладных игр, применяемых в большинстве наших проектов);

технология *управленческого воздействия* на нравственно-воспитательную деятельность (на примере трудового и учебного коллективов);

технологии учебного (в рамках синтетической технологии «этический практикум») и исследовательского «кейстади» (самопознание образовательной и журналистской корпораций).

Существенная методологическая предпосылка развития технологий этико-прикладного знания – освоение *идеи фронезиса*. Неоднократно декларированная и описанная в своем практическом воплощении эта идея нуждается, тем не менее, в постоянной актуализации.

Так, например, в своей реплике по поводу нашей парадигмы, включенной в число парадигм, предложенных для самоопределения участникам рассмотренного в предшествующем параграфе экспертного опроса, А.А.Гусейнов пишет: «По мнению авторов, они своей позицией ответили на “алгоритмизированные вопросы о специфике этико-прикладного знания”: что? к чему? каким образом? зачем? Честно признаться, я слегка робею перед понятием “алгоритмизированных” вопросов. Если, однако, под ними понимается систематическая совокупность вопросов, нацеленных на всестороннее и строгое выявление предмета прикладной

этики, то здесь не хватает, по крайней мере, еще одного, быть может, самого главного вопроса: *кто?* Кто вырабатывает проектно-ориентированное знание, создает и реализует “фронестические технологии”? Не заслуживают ли авторы данного подхода упрека, который они адресовали авторам подхода предыдущего: нет ли и здесь (хотя и в менее явной форме) “элиминирования статуса индивида как субъекта морального выбора”? Если даже статус индивида может быть и не элиминируется, то сам автономный индивид, похоже, исчезает».

ТРИ КОНТРРЕПЛИКИ.

1. Не исчезает ли автономный индивид как субъект морального выбора?

Один из важных аргументов в пользу идентификации разрабатываемых нашим направлением технологий как *этических* связан с заложенным в них потенциалом *испытания выбором*. Проявляясь в каждой из технологий прикладной этики, этот потенциал особенно нагляден в игровом моделировании, являющемся в нашем опыте элементом и экспертизы, и консультирования, и проектирования, и образования и т.д. Этико-прикладные *игры* – способ включения лиц и групп, принимающих решение, в *ситуацию морального выбора*, стимулирующую этическую рефлексию.

2. Кто вырабатывает и реализует фронестические технологии?

Напомним, что в материалах экспертных опросов «Самолиторский практикум – 1,2», одним из участников которых был А.А.Гусейнов, мы опубликовали свои тезисы под заголовками «Фронезис-1» и «Фронезис-2». И это было далеко не случайное название наших публикаций – в них давался четкий ответ на заданный нам через два десятка лет «самый главный вопрос: *кто?* Кто вырабатывает проектно-ориентированное знание, создает и реализует “фронестические технологии”?». Цитируем статью «Фронезис-2»: «Диалогическая, “понимающая” природа фронезиса не допускает упрощенного толкования отношений типа “консультант

– клиент”... Гуманитарная экспертиза и консультирование (так мы вынуждены называть наше направление на этапе его становления, слишком жестким был отпор идее прикладной этики со стороны академического сообщества нашего направления.⁹ – В.Б., Ю.С.) – это особая культура взаимодействия позиций теоретика и практика. Здесь обе стороны в поиске подлинных ситуаций для анализа и решения, в выработке конструктивных подходов, в проведении их в жизнь приобретают статус равноправных участников, соавторов».

Идея фронеzisа – один из гносеологических и социокультурных идеалов этико-прикладного знания, не только профилактирующий риск его технократической интерпретации при освоении методологии проектно-ориентированного знания, но и дающий основание для интерпретации технологий приложения этического знания как *этического ноу-хау*. В целом освоение идеи фронеzisа в прикладной этике – знание-умение в сфере морали, ориентированное на индивидуальность приложения, – проявляется и в *мягком теоретизировании*, и в мудрости индивидуального морального выбора, и в технологиях связи первого со вторым. Идея фронеzisа эвристична не только в процедуре применения нормы к конкретной ситуации, в чем, кстати, весьма успешна модель этики как «практической философии», но и в разработке технологий прикладной этики. Так, например, фронеzистична технология этической экспертизы и консультирования, снимающая противоречие между абстрактным знанием и собственно практическим умением: диалогическая, «понимающая» природа фронеzisа предполагает не только передачу «готового» результата научного исследования для «внедрения», но совместный (эксперта и субъекта, принимающего решение) поиск решения проблем.

⁹ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Прикладная этика: рефлексивная биография направления. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2007.

3. Что касается конкретных субъектов, которые являются авторами этих технологий. Реальная персонификация их авторства, а точнее – соавторства, демонстрируется практически в каждой из наших книг, посвященных разработке и воплощению ноу-хау прикладной этики: будь то проект «Моральный выбор журналиста» или «Этика среднего класса», или «Самоопределение университета».

И сам А.А.Гусейнов как постоянный участник наших проектов, например, одного из самых ранних – этико-прикладной игры «Аттестация морально-деловых качеств личности» (Школа молодых этиков в Тбилиси), или совсем недавнего «Экспертиза концептуальной модели этического кодекса университета», или самого последнего – экспертного опроса «Парадигмы прикладной этики» – реальный соавтор фронестических технологий.

О СТРУКТУРЕ монографии.

* Как ясно из открывающего эту книгу оглавления, первый том монографии посвящен одной из самых инновационных технологий нашей парадигмы прикладной этики – этико-прикладным играм.

Обосновывая первое место технологии этико-прикладных игр в структуре монографии, отметим, что, во-первых, в эту технологию интегрированы все другие наши технологии; во-вторых, этико-прикладные игры – лучший аргумент в пользу тезиса об испытании моральным выбором как базовой идеи прикладной этики; в-третьих, в этико-прикладных играх наиболее наглядно представлен субъект наших технологий, в том числе через описание процесса и результата деятельности целевой научно-практической бригады; наконец, в этико-прикладных играх зримо проявлен эффект проектно-ориентированного этического знания как «непосредственной производительной силы».

* Во втором томе мы планируем представить потенциал технологии этического проектирования в ситуациях саморегулирования профессиональных корпораций.

Предварительные темы глав.

Институализация саморегулирования профессиональной корпорации в технологии «реально-должного»: моральный выбор журналиста.

Проектирование ориентиров профессионально-этической идентичности: самоопределение университета в ситуации утраты идеи-миссии.

Профессионально-этический кодекс как императивно-ценностная декларация: самообязательство университетских профессионалов

* В третьем томе мы планируем представить технологию этического консультирования в двух ее вариантах.

1. Консультирование институций гражданского общества и государственных организаций:

- консультирование самоидентификации институтов гражданского общества: «Будь лицом...!»;

- консультирование работы над этическими документами: самопознание госслужащих.

2. Этический консилиум «Обществу. До востребования»:

- этический консилиум «“Двадцать лет спустя”: современная моральная ситуация в России»;

- этический консилиум «На пути к гражданскому обществу: “рынкофилы” и “рынкофобы”»;

- этический консилиум «Этика успеха как национальная идея».

* Следующий том – ноу-хау в концептуальном освоении ойкумены прикладной этики:

- традиционные «территории» ойкумены прикладной этики: алгоритм *нового* освоения (политическая этика, журналистская этика, этика образования, экологическая этика, этика предпринимательства, этика профессии);

- новые «территории» ойкумены прикладной этики: опыт первого освоения (этика гражданского общества, этика успеха, этика среднего класса, этика воспитания.) Здесь мы предполагаем обстоятельно описать технологии эксперт-

ных интервью на материалах проектов «Жизнь в профессии» и «Городские профессионалы».

Авторы искренне разделяют свои достижения с реальными соавторами наших проектов: соисполнителями исследовательских проектов, чьи тексты представлены на страницах создаваемых в рамках нашего направления журналов «Этика успеха», «Тетради гуманитарной экспертизы», «Ведомости» НИИ ПЭ; участниками экспертных опросов, проблемных семинаров, фокус-групп, деловых игр, проведенных в Тюмени, Ханты-Мансийском автономном округе, Москве и т.д.

Авторы благодарны И.В.Бакштановской, М.В.Богдановой, Е.Богдановой, И.А.Ивановой, И.А.Михайловой, Г.Е.Жуганову, А.П.Тюменцевой за подготовку этой книги к изданию.

Раздел первый

Игровое моделирование как ноу-хау освоения ситуации морального выбора

Тайны природы морального выбора и тайны игрового космоса имеют достаточно много общего, чтобы обеспечить потенциалу игрового моделирования высокую степень адекватности в роли ноу-хау инновационной парадигмы прикладной этики.

Именно такая адекватность дает нам основание объединять многообразие конструируемых и применяемых этой парадигмой игр в класс *этико-прикладных игр* – игр, *квалифицируемых в качестве ноу-хау прикладной этики*.

Диапазон интереса нашего направления прикладной этики к потенциалу игрового моделирования варьирует от исследования «метафизики игры» в ее этической интерпретации до разработки техники игровой фронестики в освоении ситуаций морального выбора.

Диапазон конкретных этико-прикладных игр включает важнейшие территории «ойкумены» прикладной этики: политическая этика, этика образования, этноэкологическая этика, этика менеджера, деловая этика, этика журналистов и т.д.

Диапазон ситуаций морального выбора в масштабе общественной нравственности: нравственная жизнь эпохи развитого социализма; пренатальная ситуация этоса гражданского общества и правового государства в эпоху Перестройки; начальный этап формирования нравственности «общества свободной близости и свободного антагонизма» в постсоветскую эпоху.

Диапазон *заказчиков* конкретных этико-прикладных игр: трудовые коллективы Тюменского нефтегазового комплекса, оргкомитет международной конференции; правительство России, агентство печати «Новости», окружной комитет

партии, окружной совет народных депутатов, московская и тюменская школы менеджеров, городская администрация; региональный союз журналистов, педагогический колледж, Тюменский нефтегазовый университет и т.д.

Диапазон запросов: весь спектр направлений сотрудничества науки и практики.

Все эти условия создавали необходимость и возможность эффекта коэволюции: с одной стороны, испытания потенциала конкретных этико-прикладных игр, с другой – развития методологии диагностического, прогностического и проектного подхода к общественной нравственности в режиме диалога субъектов морального выбора.

И все же никуда не уйти от трезвой оценки: этико-прикладные игры сегодня – все еще «неосознанная *необходимость*». Необходимость моделирования ситуаций выбора в масштабе общественной морали как средства гуманизации практики принятия общественно значимых решений; освоения новых ситуаций нравственной жизни, креации морали – творческого применения нравственных норм в конкретных ситуациях и формирования новых норм для ситуаций не стандартных; средства развития знания-умения (фронестика) в решении ситуаций выбора.

И все еще неосознанная *возможность*: трактовки игры как одной из основных форм человеческого существования; вида человеческой деятельности, способного воспроизводить все другие ее виды благодаря двуплановости, эффекту взаимодополнительности «условного» и «серьезного»; интеграции самовыражения и результативности, правил и свободы, импровизации и организованности.

Глава 1

Основания концепции этико-прикладных игр

1.1. Метафизика игры

КАЗАЛОСЬ бы, обратившись три десятка лет назад к потенциалу *игрового движения*, чтобы продвинуть форми-

рующуюся парадигму прикладной этики, можно было не только легко присоединиться к одному из лидирующих направлений, но и «застолбить» свое собственное. Достаточно было найти еще не освоенный предмет приложения – мораль и «синтезировать» несколько известных приемов игротехники.

Однако слишком далеки были (и есть!) друг от друга игровое движение и концептуализирующие его версии игровой методологии, с одной стороны, и философия игры – с другой, а если и намечалась рефлексия «основ», то скорее «задним числом», по итогам уже задействованного метода «проб и ошибок».

Разные направления игрового движения вполне обходились без соотнесения практикуемых ими версий игровой методологии с метафизикой игры, но исследование и разработка этико-прикладных игр благодаря *предмету* моделирования – ситуациям *морального выбора* – должны были пойти иным путем. Путем проектируемой коэволюции процесса конструирования конкретных этико-прикладных игр – и концептуализации этой технологии, опирающейся на этическое освоение метафизики игры.

Именно *проектируемой* коэволюции: достигнув определенных результатов в создании серии игр, трудно было удержаться от вывода о самодостаточности «внедренческой» деятельности, в потоке нескончаемых заказов и «самозаказов» сосредоточиться на концептуальных основаниях. Но без такого сосредоточения слишком велик был риск редукционизма, сводящего образ Человека к известным «форматам»: «гомо фабер», «гомо политикус» и т.п. Не увидев в человеке фундаментальные черты «гомо моралес», – можно было превратить поиск предпосылок метода этико-прикладных игр в микс фрагментов из педагогических, организационно-управленческих, психологических и других подходов, с неизбежностью обедняющих и потенциал этико-прикладных игр, и потенциал «гомо моралес».

«ИГРОВОЙ космос» – термин, используемый уже в античности. «Хомо люденс» – «новояз», введенный современным культурологом И.Хейзингой, так и назвавшим одну из своих книг¹. Что общего между этими терминами, разделенными веками?

В «Толковом словаре» В.Даля термину «игра» посвящены две страницы убористого текста, вместившие самые разные значения: игра с огнем и игра судьбы; развлечение; игра природы; исполнение роли в пьесе; играть руководящую роль; играть в жизнь и играть с людьми и т.д. Разумеется, для современного исследователя источником является не только словарь В.Даля, который никак не мог предугадать содержания современных словников, тезаурусов, справочников по кибернетике и психологии, экономике, политологии, педагогике и т.п.

А современные исследователи и разработчики включают в перечень видов *игровой деятельности* игры военные и детские, экономические и спортивные, театральные и управленческие, обучающие игры, клоунаду и т.п. В специальных классификациях выделяются игры *естественные* (игры животных и детей) и *искусственные* (игры имитационные и спортивные, деловые и дидактические и т.п.). В рамках последних игровая методология наиболее известна в виде деловых игр, применяющихся как средство имитации процесса принятия решений в искусственно организованных ситуациях выбора управленческого, политического, экономического, экологического, педагогического и прочих планов.

Понятно, что чем больше различных отраслей знания и исследователей с различными методологическими подходами подключаются к процессу познания игровой методологии (и, тем самым, к освоению «игрового космоса»), тем более разнообразными становятся определения, позиции, выводы.

При этом *метафизика* игры слишком редко становится

¹ Huizinga I. Homo Ludens. Hamburg, 1956.

предметом внимания исследователей и разработчиков. Более того, концептуально оформленной «метафизики игры» в известной нам научной литературе нет. И если «игровое движение» до сих пор может как-то обходиться без обращения к этой теме, то концептуализация природы этико-прикладных игр не продуктивна вне попытки выведения своих оснований из этически интерпретированной «метафизики игры».

Прежде всего этико-прикладному исследованию феномена игры предстояло определиться в отношении современных философских, культурологических, антропологических концепций, включивших категорию игры в *высшую иерархию*. Так, например, игра рассматривается Е.Финком в качестве одного из пяти основных феноменов человеческого существования – наряду с трудом, любовью, смертью, господством².

При этом автор особо выделяет *экзистенциальную подлинность* игры. «Игра охватывает не только себя, но и четыре других феномена. Содержание нашего существования вновь обнаруживается в игре: играют в смерть, похороны, поминовение мертвых, играют в любовь, труд, борьбу», – пишет он. Подчеркивая, что «здесь мы имеем дело вовсе не с какими-то искаженными, неподлинными формами данных феноменов человеческого бытия, их розыгрыш – вовсе не обманчивое действие, с помощью которого человек вводит других в заблуждение, притворяется, будто на самом деле трудится, борется, любит». Такую «неподлинную модификацию, лицемерную симуляцию подлинных экзистенциальных актов часто, но неправомерно, зовут “игрой”. В столь же малой степени это игра, в какой ложь является поэзией. Ведь произвольным все это оказывается только для обманывающих, но не для обманутых. В игре не бывает лживой подтасовки с намерением обмануть», – утверждает Е.Финк.

² См.: Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблемы человека в западной философии. М., 1988. С.360.

А завершает рассуждение мыслью, имеющей прямое значение для понимания игры как «двупланового поведения». По его мнению, «игрок и зритель игрового представления знают о фиктивности игрового мира. Об игре в строгом смысле можно говорить лишь там, где воображаемое осознано и открыто признано как таковое», и «это не противоречит тому, что игроки иногда попадают под чары собственной игры, перестают видеть реальность, в которой они играют...» (с. 391).

Для характеристики *оснований* концепции этико-прикладных игр целесообразно, во-первых, сконцентрировать внимание на тех «метафизических» подходах к феномену игры, которые пытаются связать (или, наоборот, развести) категории «игра» и «свобода выбора». Важно, во-вторых, выделить во всем многообразии концепций видов и форм игровой деятельности кросс-подход к трактовкам игры как «play» и как «game»: благодаря такому кроссу в природе *игры* можно обнаружить аналоги природы *морали* – с присущей последней диалектикой норм-стимулов и норм-рамок, с определяющим природу морали конфликтом между нормами как движущей силой морального выбора, с ее вечной проблемой совмещения категорического и условного императивов.

Предмет нашего особого интереса – тенденция сближения концепций М.Бахтина и Й.Хейзинги, способствующая – по принципу дополнительности – формированию гибкого симбиоза «play» и «game». Характеризуя эту тенденцию, М.Эпштейн отмечает, что «критике подвергается как жесткая упорядоченность социума, так и стихийность чисто природного существования. Игра развивается на границе общественной и природной сфер, не совпадая ни с одной из них. Достойный человека удел, оберегающий и отграничивающий его как от натуральной серьезности животного, так и от официальной серьезности чиновника, обретается только в игре, а это и есть собственно область культуры»³.

³ Эпштейн М. Парадоксы новизны. М., 1988. С.277.

Вероятно, не столько успех «психодрам» Дж. Морено, сколько эта тенденция создавала условия освоения противоречивой природы морального выбора в единстве характеризующих его признаков бремена («серьезного») и счастья («радости»).

Во всяком случае, попытка концепции этико-прикладных игр опереться на «метафизику игры» предпринималась нами вполне осознанно.

Среди наиболее трудных задач реализации такой попытки – различение игры как феномена культуры и понятия науки, понимание природы *прикладной* игры в ее отношении к «чистому» игровому феномену, наконец, сосредоточенность на поиске того, что позволяет синтезировать их вопреки соблазну абсолютного различения.

Для понимания трудности этого поиска значимо следующее суждение Ю. Левады: «За последние десятилетия получили бурное развитие (в основном теоретическое) “прикладные игры” – экспериментальные, деловые, учебные, военные и пр., они заведомо конструируются для исследовательских или практических, т. е. неигровых, целей... Но такие конструкции или программы по существу не являются играми в интересующем нас социокультурном смысле этого слова: это логические или математические модели некоторых элементов игровых структур»⁴. Взвешивание справедливости-несправедливости этого суждения, определение интервала его истинности во многом определяют понимание природы именно этико-прикладных игр.

ОБРАТИМСЯ к потенциалу тех исследований метафизики игры, которые акцентируют нравственно-развивающий потенциал игровой деятельности.

Отнесение игры к основным экзистенциальным феноменам, характеристика игры как исключительной возможности человеческого бытия («...ни животное, ни бог иг-

⁴ Левада Ю.А. Игровые структуры в системах социального действия // Системные исследования. Методологические проблемы. М., 1984. С. 275.

рять не могут», – полагает Е.Финк), предполагает критическое отношение к обыденным, будничным толкованиям игры, препятствующим постановке вопроса о ее бытийной сущности. На этом пути обычно подчеркиваются имманентные игровому действию цели.

Герменевтический подход привел Х.Г.Гадамера к выводу, что «субъект игры – и это очевидно в тех случаях, когда играющий только один, – это не игрок, а сама игра. Игра привлекает игрока, вовлекает его и держит». За этим утверждением автора стоит его представление об общей черте, которая свойственна отражению сущности игры в игровом поведении. «Всякая игра, – пишет Гадамер, – это становление состояния игры. Очарование игры, ее покоряющее воздействие состоит именно в том, что игра захватывает играющих, овладевает ими. Даже если речь идет об играх, в которых стремятся к выполнению самостоятельных задач, существует риск, что игра может “пойти” или “не пойти”, что удача всегда может сопутствовать игроку или уходить и возвращаться, что и составляет всю привлекательность игры. Тот, кто таким образом искушает судьбу, на деле становится искушаемым», – заключает Гадамер⁵.

Не слишком ли категорично звучит такая характеристика игры? Особенно в той ее версии, которую мы находим у Е. Финка: «Если мы играем ради того, чтобы за счет игры достичь какой-то иной цели, если мы играем ради закалки тела, ради здоровья, приобретения военных навыков, играем, чтобы избавиться от скуки и провести пустое, бессмысленное время, – тогда мы упускаем из виду собственное значение игры»⁶. Нет ли здесь «другой крайности», когда из-за противостояния вульгарным или просто прагматическим версиям вольно-неволью абсолютизируется самоценность игры? Иначе говоря, не разорвана ли при таком подходе связь между «метафизикой» и «физикой»?

⁵ Гадамер Х.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 152.

⁶ Финк Е. Цит. соч. С.365.

Риск такого разрыва есть, однако, как нам представляется, в собственно метафизическом видении игры мы имеем дело не столько с абсолютизацией «метафизики» игры, сколько с намерением подчеркнуть приоритетный аспект. Действительно, для нравственного развития личности обучение на игровом тренажере менее значимо, чем катарсис. И потому вполне понятен скепсис исследователя, увидевшего в игре «не просто калейдоскоп игровых актов, но прежде всего основной способ человеческого общения с возможным и недействительным», а потому и в игровом удовольствии – «не только удовольствие в игре, но и удовольствие от игры, удовольствие от особого смещения реальности и нереальности»⁷, скепсис философа в отношении к «использованию игры», «приспособлению» ее к интересам какого-либо дела.

Вслушаемся в аргументы, за которыми стоит далеко не «зряшное отрицание». «Считается, что игре воздается сполна, если ей приписывается биологическое значение какой-то еще пока безопасной, лишенной риска тренировки и отработки будущих серьезных дел нашей жизни... Именно в педагогике обнаруживается значительное число теорем, низводящих игру до предварительной пробы будущего серьезного действия, до маневренного поля для опытов над бытием. При таком понимании игры ее польза и целительная сила усматриваются в том, чтобы в направляемой и контролируемой детской игре предвосхитить будущую взрослую жизнь и плавно через игровой маскарад подвести питомца ко времени, когда лишнего времени у него не останется: все поглотят обязанности, дом, заботы и звания. Оставляем открытым вопрос, исчерпывается ли подобным пониманием игры ее педагогическая значимость? И вообще – ухватывается ли хотя бы приблизительно», – фиксирует свой двойной скепсис Е.Финк⁸. Но он же и «закрывает» свой риторический вопрос, отвечая на него отказом отводить иг-

⁷ Финк Е. Цит. соч. С.396.

⁸ Там же. С.365.

ре *только* лишнее время и прямо связывая игру и свободу.

Надо ли удивляться тому, что люди низводят основные феномены своего бытия – и не только игру, но и любовь, и труд – до их поверхностного содержания? Надо ли удивляться, что философ пытается противостоять такому редукционизму, даже если он делает это сверхполемически? Важнее «пробиться» к его решающим аргументам – о связи игры и свободы.

Будничное представление об игре стремится противопоставить игру и серьезность жизни, трактуя игру как отдых, паузу, праздник и т.п. Делу – время, игре – свободное время... Парадоксальный вопрос задает Е.Финк сторонникам такого представления: «Играем ли мы потому, что у нас есть свободное время, или же у нас есть свободное время как раз потому, что мы играем?»⁹. Не считая такую постановку проблемы простым «переворачиванием», автор дает вполне строгую характеристику связи игры и свободы: «Мы говорим, что у нас есть свободное время, поскольку и пока мы играем. Свобода времени теперь означает “не пустоту”, а творческое исполнение жизни, а именно осуществление воображаемого творчества, смысловое представление бытия, в известной мере освобождающее нас от свершившихся ситуаций нашей жизни»¹⁰.

С очевидностью напрашивающийся здесь вопрос о реальности такого освобождения находит у автора вполне логичный – для его исходных позиций – ответ. «Такое освобождение, конечно, не реально и не истинно, мы не избегаем последствий своих поступков. Человеческая свобода не в силах перескочить свои последствия. Но у нас есть выбор, в сделанном выборе со-установлена цепочка следований. В игре у нас нет реальной возможности действительно возвращаться к состоянию перед выбором, но в воображаемом игровом мире мы можем все еще или снова быть тем, кем мы давно и безвозвратно перестали быть в реаль-

⁹ Финк Е. Цит. соч. С. 396.

¹⁰ Там же. С. 399.

ном мире»¹¹.

Знатоки диалектико-материалистической теории человеческой свободы! Затаив дыхание, удержите критический порыв. Все равно предъявленные автором взгляды богаче, эвристичнее в целом, чем те моменты его позиции, которые требуют полемики. Зафиксируем и то, и другое для дальнейшей работы, сказав себе здесь, что метафизика игры не дает нам «низвести ее до ...». Впрочем, конкретно-научные исследования игры забывают – или не успевают? – «возвысить ее до...». Вряд ли это реальное противоречие можно просто ликвидировать. Важнее не забыть о нем.

В то же время важно видеть и *пределы достоверности* тех подходов в жанре «философии игры», которые недостаточно учитывают эффект *противоречивости* игровой деятельности, ее двуликости. В нашей литературе в этой связи уже предпринимались попытки критики «новой этики», построенной на «игре в жизнь». Был проведен анализ ряда работ, в которых «игровой момент жизни как важный перекресток моральных ценностей абсолютизируется и тем внутренне опустошается, морально обесценивается»¹². Нельзя не услышать – как нельзя и переоценивать – предупреждение о развитии неморальной «людологии», которая, в отличие от нравственно обогащенных исканий создателей философии игры (Гадамера, например), «превращает культуру в сферу функционирования некоего духовного уровня и жизненных ориентаций, смотрящего на мир как на игровую площадку, а на людей как на временных партнеров или соперников»¹³.

И все же более всего нас должна занимать проблема освоения «метафизики игры» на том уровне предмета, где доминирует «физика»: разве не в понимании соотношения игры и *дела*, роли игры в *деле*, сторонников этико-приклад-

¹¹ Финк Е. Цит. соч. С. 399.

¹² См.: Титаренко А.И. Антиидеи. М., 1984. С. 280-297.

¹³ Апинян Т.А. Игра в контексте современной буржуазной философии // Философские науки. 1988. № 9. С.68-69.

ного интереса к исследованию игры ждут наибольшие трудности? Как разрешить не поддающееся никаким умолчаниям и хитростям противоречие между самоценностью игровой деятельности, самодостаточностью ее нравственно-развивающего начала, с одной стороны, – и конфликтующей с этим началом рациональной природой игрового моделирования в политической, предпринимательской, образовательной, профессиональной и др. видах деятельности – с другой. Но прежде чем попытаться рассуждать в этом направлении, обратимся к другому основанию концепции этико-прикладных игр, обозначенному в названии следующего параграфа.

1.2. «Хомо моралес» как «хомо люденс»

Декларировав в первых строчках преамбулы к разделу 1 тезис об общности тайн природы морального выбора и игрового космоса как предпосылке адекватности потенциала игрового моделирования роли ноу-хау прикладной этики, попытаемся развить этот тезис.

Очевидно, сам по себе процесс «скрещивания» изобретенного Хейзингой «новояза» с древним «хомо моралес» еще не является свидетельством возникновения новой парадигмы?! И все же *гипотезу* об общей «тайне» природы морали и природы игры выдвинуть таким способом вполне возможно. Переиначив известное выражение «понять природу игры – значит понять природу детства», скажем, что, поняв природу игры, можно глубже проникнуть в тайну природы нравственной жизни. Определенная общность их тайны – и в известной незаинтересованности основного мотива, и в самоценности развивающегося процесса, и в роли «правил честной игры», и в значимости «играючи» достигнутого прагматического результата.

С нашей точки зрения, основанием для актуализации идеи о *перекличке* характеристик «хомо моралес» и «хомо люденс» (и, в определенном смысле, характеристик других субъектов морали: профессии, группы, организации, обще-

ства) работает представление и о жизненном пути человека, и о деле, которому он служит, в их нравственных координатах – как тотальной ситуации выбора, риска, ответственности. Нравственная жизнь действительно предстает в своем разворачивании как драма, в которой человек (и другие субъекты морали) оказывается (точнее, должен быть) и автором, и актером избранного им самим жизненного сценария, автором и актером игры, имя которой – жизнь. А главное – ответ на вопрос: можно ли играть не фальшиво, не манипулировать, а выращивать в игре свободные решения? Могут ли люди уйти от взаимного цинизма кукловодов и марионеток и *играть* так же нравственно, как и нравственно *жить*? Может ли игра служить свободе, быть ею, *оставаясь в границах морали*?

Да, от принципиальной разницы игры и «не-игры» никуда не деться. И наш *положительный* ответ на эти вопросы опирается на тщательный анализ аргументов, выдвигаемых *против* характеристики «хомо моралес» как «хомо люденс». Взвесим же основной набор этих аргументов, прямо или косвенно нагруженных отрицательным нравственным смыслом. При этом контраргументы классиков научной мысли не должны вытеснять суждения наших современников, содержащие непосредственные и актуальные диагнозы и прогнозы.

Стремление к истине и справедливости требует прежде всего напомнить о трезвом скепсисе Хейзинги по поводу особых моральных надежд человечества на игру. В заключительных абзацах своей книги он писал, что человеку, у которого «закружится голова от вечного коловращения понятия “игра – серьезное”, опору взамен ускользнувшего логического следует искать в этическом»¹⁴. Нет, он не противопоставляет игру серьезному так, чтобы видеть моральное содержание лишь за последним. «Когда человеческая мысль обогатит все сокровища духа и испытает великолепие его могущества, на дне всякого серьезного суждения

¹⁴ Хейзинга И. Цит. соч. С. 200-201.

она обязательно найдет осадок проблематичного. Любое высказывание решающего суждения признается собственным сознанием как неокончательное. В том пункте, где суждение колеблется, умирает понятие абсолютной серьезности. Место старинного “Все есть суета сует” занимает, видимо, позитивно звучащее “Все есть игра”¹⁵.

А что же дает «обращение к этическому»? Здесь, как нам кажется, автор совмещает два подхода, один из которых – скорее проблематизация для будущих критиков его концепции, рассматривающих игру как мифологему. «Игра, – пишет Хейзинга, – как таковая,... лежит вне сферы нравственных норм. Сама по себе она ни добра, ни дурна».

Но разве не более адекватной его подходу была бы квалификация игры по критерию «и добра, и дурна»?! Тем более, что далее следует адекватное заглавию знаменитой книги суждение: «Если, однако, человек должен решить, предписано ли ему действие, на которое толкает его воля, как серьезное или разрешено как игра, тогда его совесть немедленно предоставляет ему мерило. Как только в решении действовать заговорит чувство истины и справедливости, жалости и прощения, вопрос теряет смысл. Малой капли сострадания достаточно, чтобы поднять наши поступки над различениями мыслящего духа. Во всяком нравственном сознании, которое основывается на признании справедливости и милосердия, вопрос “игра или серьезное”, который в конце концов остался нерешенным, навсегда умолкает»¹⁶.

Нам представляется, что здесь автор, хотя и не возлагает на игру особых надежд, но и не признает ее абсолютного имморализма, не давая достаточных оснований толковать феномен игры как лишь уязвимый в нравственном отношении.

Еще раз: важно *понять* настороженность в отношении попыток «приложить» игровой феномен к процессу иссле-

¹⁵ Хейзинга И. Цит. соч. С. 206.

¹⁶ Там же. С. 206.

довательского познания и практического освоения морали, взгляд на игру прежде всего как на деятельность, смысл которой «нагружен» отрицательными значениями.

И действительно, понятия «игра» и «мораль» противоположны, если принять за первым лишь негативный морально-психологический смысл – неискренности, лицемерия, суррогата близости и т.д. Именно против такой трактовки игры направлена, например, книга Эриха Берна, ставящего цель научить людей в процессе общения меньше «играть», а больше быть самими собой, искать «подлинной интимности и подлинной свободы»¹⁷. Совсем не случаен и негативный смысл выражения типа «политические игры», нельзя забыть стереотип «политика – грязная игра».

На фоне потенциальных контраргументов нашей гипотезе поставим вопрос в иной плоскости: а можно ли играть иначе? Не манипулировать, не злодействовать, играть именно для того, чтобы не стать жертвой бесов, пешкой в чужих играх. Возможно, моральный потенциал «хомо люденс» в благородном смысле этой характеристики снимает дилеммы ответственности и свободы, пользы и самовыражения? Снимает (или хотя бы минимизирует их противоречие) при более конструктивном подходе к связи игры и морали: мораль не является ни альтернативой «игре», ни беспредельным тождеством «серьезного»; включая в себя и условное, и серьезное, без каждого из этих моментов мораль неизбежно вырождается либо в догматизм, либо в релятивизм.

Наши аргументы в пользу такого рода подхода следующие. «Хомо моралес» несет в себе черты «хомо люденс», во-первых, потому, что человек есть субъект свободного выбора с его риском и индивидуальной ответственностью, а во-вторых, потому, что человек как субъект морального выбора *играет* с моральными правилами. Человеческая деятельность с этой точки зрения выступает как

¹⁷ Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М., 1988.С.50.

свободная игра нравственных правил, а тайна свободы заключается в познании и преобразовании законов жизненной игры.

Риск здесь – не крохоборческая ставка в беспроблемном состязании, а осознанная необходимость принять объективную неопределенность ситуации выбора и ответственность за самоопределение в меняющемся, но вечно противоречивом мире ценностей. Мораль как способ освоения мира развивает в самой себе игровую культуру как «технология» этого освоения. Столкновение традиций и инноваций (когда новое приходит в облике зла); возможность реализовать должное лишь насущными, а поэтому очень часто неадекватными средствами («меньшее зло»); конфликт ценностей и норм внутри одной системы морали или между разными нормативно-ценностными системами; атрибутивный риск морального выбора *неопекаемого* человека – все это поле игрового творчества «хomo моралес».

Неразрывная связь нравственной культуры с «правилами игры» очевидна. Правила игры как условие такой культуры – правила подлинной игры – не являются, разумеется, сами по себе тождественными, например, правилам игры в шахматы; ибо человек, соблюдающий такого рода правила, еще не проявляет себя именно как *моральный* субъект, скорее он всего лишь праксиологически точен. Но подлинная моральная культура не может существовать вне правил игры, игрового поведения в целом.

Приведем в доказательство два типа аргументов. Первый – из книги «Хомo люденс». Й.Хейзинга, не употребляя собственно моральных категорий, говорит о связи культуры и правил этически достоверно: «Подлинная культура не может существовать без определенного игрового содержания, ибо культура предполагает известное самоограничение и самообладание, известную способность не видеть в своих собственных устремлениях нечто предельное и высшее, но рассматривать себя внутри определенных, добровольно принятых границ. Культура все еще хочет *играться*

– по обоюдному соглашению относительно определенных правил».

При этом автор подчеркивает: «подлинная культура требует всегда и в любом аспекте *a fair play* (честной игры); *a fair play* есть ничто иное, как выраженный в терминах игры эквивалент порядочности. Нарушитель правил игры разрушает саму культуру. Для того, чтобы игровое содержание культуры могло быть созидющим или развивающим культуру, оно должно быть чистым. Оно не должно состоять в ослеплении или отступничестве от норм, предписанных разумом, человечностью или верой. Оно не должно быть ложным сиянием, которым маскируется намерение осуществить определенные цели с помощью специально взращенных игровых форм»¹⁸.

Второй вид аргументации – из, казалось бы, «чужой» для морали сферы. Дело в том, что практически прямое подтверждение общности тайн игры и морали обнаружили исследователи, посвятившие свою работу принципам отражения *экономической* действительности в деловых играх. Опираясь на положение Л.С.Выготского «для игры существенно свое личное внутреннее правило... внутреннее самоограничение и самоопределение» и на концепцию диалога в работах М.Бахтина, авторы исследования М.М.Крюков и Л.И.Крюкова удачно соотносят проблему *преодоления* правил со свободой выбора: «Степень свободы оказывается зависящей от заключенной в игровых правилах перспективы их имманентного усовершенствования, которая предстает перед игроком как возможность выбора, возможность приложения творческой энергии, воплощения устремлений личности. При удачных правилах такая перспектива почти бесконечна. Стало быть, только от игрока зависит окончательно, в каком направлении и “насколько” он улучшит правила, и поэтому он действительно свободен»¹⁹.

¹⁸ Хейзинга И. Цит. соч. С. 205.

¹⁹ Крюков М.М., Крюкова Л.И. Принципы отражения экономической действительности в деловых играх. М., 1988. С.12.

Интересно то, что не принимая распространенные трактовки игры как исчерпывания свободы выбора исключительно в рамках правил, авторы отмечают, что игровая свобода возникает именно на границах правил и личности играющего. И, что особенно важно, выполнение правил, перестав быть целью, становится условием «развертывания внутренних способностей носителя поведения»²⁰.

В специальной литературе, посвященной игровому феномену как в метафизическом, так и игротехническом аспектах, почти все авторы связывают природу игры с *преодолением правил*, фиксируя в этом сходство игры и творчества. В подходе процитированных выше авторов привлекает тезис «специфика игры заключена в преодолеваемом предмете – специально сконструированных и сознательно принятых правилах», а преодолеваются эти правила посредством внутреннего диалога, самоограничения и самоопределения²¹. Привлекает потому, что возможность выбора, заложенная в игровой свободе, несет в себе нравственный смысл – если за самим фактом наличия альтернативных ситуаций, стратегий, правил стоит диалог нравственных позиций, ценностей, идеалов, норм.

Итак, развивая культуру «хomo ludens», мы тем самым развиваем и культуру «хomo moralis». Моральный выбор как свободная игра с нормами и правилами, добровольно принятыми и столь же добровольно преодолеваемыми в процессе морального творчества вплоть до создания новых норм и правил, переживание и обогащение чувства свободного выбора в борьбе с правилами или в процессе создания новых правил – таковы общие моменты в «тайне» игры и морали, которые в своем взаимодействии и составляют «тайну» свободы.

²⁰ Крюков М.М., Крюкова Л.И. Цит.соч. С.12.

²¹ Там же.

Глава 2

Этико-прикладная игра как модель освоения ситуации морального выбора

Цель этой главы – исходя из концептуальных *оснований* этико-прикладных игр, представленных в главе 1, предпринять характеристику *природы* этико-прикладных игр, которые в нашей парадигме прикладной этики рассматриваются как технология освоения ситуаций морального выбора.

Трудности предпринимаемой здесь характеристики обусловлены двумя обстоятельствами. Во-первых, ни достижения немногочисленных исследователей метафизики игры, по своей классической традиции чаще всего равнодушных к «деловой», *праксиологической* «прозе», ни успешное развитие различных ветвей «древа» игрового движения, вполне лояльных к *делу*, но не ставящих в качестве предмета проблему принятия *морального* решения, не заменяют специального поиска ответов на вопрос о природе этико-прикладных игр.

Во-вторых, исследование природы этико-прикладных игр – как и их конструирование – сопровождается сильным «сопротивлением материала», обнаруживающимся уже при первой попытке *определить* такие игры. В восприятии всех трех «составляющих» природы этико-прикладных игр как их участниками, так и читателями соответствующих репортажей или исследовательских и учебных работ, подстерегают стереотипы обыденного, интуитивно-очевидного «улавливания» содержания каждой из них и их сочетания. Не случайно многие конструкторы *деловых* игр и авторы соответствующих публикаций предупреждают о распространенном отторжении словосочетаний из «серьезных» и «несерьезных» понятий, характерном не только для здравого смысла,

но даже для профессионального мышления¹.

В качестве приема поиска ответов на вопрос о природе этико-прикладных игр мы избрали последовательную характеристику трех ее «составляющих»: «игра», «праксиологическая», «этическая». При этом сознавая риск упустить *тайну* этико-прикладных игр, которая формируется, живет скорее в пограничных зонах взаимодействия этих «составляющих», в процессе их «искрящего контакта», «вольтовой дуги».

Итак, в каком смысле этико-прикладная игра, *квалифицируемая в качестве ноу-хау прикладной этики*, является: а) *игрой*, б) *игрой праксиологической*, в) *этической игрой*?

2.1. Игра?

Если этико-прикладная игра имеет *игровую* «составляющую», значит, она относится к одному из видов игровой деятельности, многогранного игрового феномена в жизнедеятельности общества, группы, индивида. Одна из сущностных черт игры – способность воспроизводить все другие виды человеческой деятельности, интегрируя при этом самоценность процесса игры, самовыражение внутренних сил личности – и результативность игровой деятельности; «условность» – и «серьезность»; правила – и свободу; импровизацию – и организованное поведение.

Разумеется, эта сущностная черта игровой деятельности атрибутивна и для этико-прикладных игр, вводя их во вполне оформившееся *игровое движение*. Моделируя прежде всего ситуации *морального* выбора, возникающие при этом альтернативы и соответствующие позиции, оценки, решения, поступки, этико-прикладные игры основаны на игровом поведении участников в соответствии с *организованной* ситуацией и закладываемыми в игровой сценарий *позициями (ролями)*.

¹ См.: Управленческие имитационные игры. София, 1983.

Этико-прикладная игра предполагает исполнение ролей как способ *представления себя «со стороны»*, действие по набору принимаемых – и осваиваемых – участником игры *правил*, характеризуется воспроизведением и импровизацией моделируемой деятельности под влиянием *состязательных стимулов* и т.п. Как и другие виды игровой деятельности, этико-прикладная игра характеризуется *вариабельностью* условий, правил, оценок и решений; предлагает участникам игрового моделирования условную реальность как *способ прожить все, возможные в данной ситуации, «сценарии» выбора*.

Благодаря *присвоению* всех этих инвариантных признаков игровой деятельности, этико-прикладная игра обладает высоким потенциалом развития морального творчества, формирования культуры морального выбора, «воспитания выбором».

Чтобы конкретизировать характеристику *игровой* «составляющей» этико-прикладных игр, обратимся к достижениям специалистов различных направлений игрового движения. Характерно, что большинство современных исследователей фиксируют «игровой бум» в теории и практике и отмечают конституирование понятия «игра» в качестве одной из наиболее емких и эвристически богатых категорий универсального, общенаучного плана. В то же время ряд работ пронизан скепсисом по поводу возможности однозначного определения игрового феномена и создания общей теории игры (не говоря уже об общей «метафизике»). Этот скепсис подкрепляется указаниями на разнообразие конкретных проявлений игрового феномена и, одновременно, на его сложность². Авторы одной из монографий вопрошают: «Стоит ли за всем этим многообразием какое-либо реальное единство, какая-либо специфика деловой игры как таковой?»³.

² См.: Добринская Е.И., Соколов Э.В. Свободное время и развитие личности. Л., 1983.

³ Крюков М.М., Крюкова Л.И. Принципы отражения экономической

Действительно, сложность понятия «игра» велика. В гнезде признаков, прямо или косвенно характеризующих данный феномен, кроме указанных в главе 1 (условность, самовыражение, двуплановость, внеутилитарность, освоение мира, самоутверждение, имитация, моделирование, импровизация, конкуренция, риск, испытание потенциалов, роль, эмоциональность, самообновление и т.п.), мы находим: непреднамеренное самообучение, функциональное упражнение, способ становления новых форм деятельности, «умение уметь», эвристическая деятельность, эвристическое мироотношение, производственная деятельность, метод решения реальных проблем, моделирование действительной ситуации и т.д.

Легче всего абсолютизировать расплывчатость самого феномена и чрезмерную многогранность выражающих эту расплывчатость характеристик, уклонившись на таком основании от попыток теоретизирования в сфере игровой деятельности. Рациональнее – пойти путем освоения достигнутых исследователями результатов, отбирая их здесь по критерию, вытекающему из задачи понимания игровой «составляющей» этико-прикладных игр.

Эффективным способом анализа полученных исследователями результатов может быть «классификация классификаций», сравнительный анализ предложенных различными концепциями попыток классифицировать все многообразие игрового феномена. И мы имеем возможность опереться на целый ряд работ, в которых предложены разнообразные классификации игровых подходов⁴.

действительности в деловых играх. М., 1988. С. 7.

⁴ См.: Айламазьян А.М., Лебедева М.М. Деловые игры и их использование в психологическом исследовании // Вопросы психологии. 1983. № 2; Левада Ю.А. Игровые структуры в системах социального действия // Системные исследования. Методологические проблемы. М., 1984; Розин В.М. Методологический анализ деловой игры как новой области научно-технической деятельности и знания // Вопросы философии. 1986. № 6; Проблемно-деловая игра как метод

В рамках такого анализа уместно вновь обратить внимание на выделение игр «естественных» и «искусственных». Дело в том, что, даже различаясь в трактовке разных исследователей⁵ – одна из привлекательных версий представлена в названиях основных типов игр как «импровизированных» и «организованных»⁶, – классификация игр по такому критерию, как «естественные» – «искусственные», вносит определенный порядок в хаос «игрового космоса», организует представления о сферах проявления «хomo ludens».

Конечно, внимательный анализ схемы⁷, на которой к «естественным» отнесены игры животных и игры детей, а к «искусственным» – игры результативные и игры детские, сразу же обнаружит условность такой классификации: ведь искусственные игры развились из игр естественных. Однако в определенном интервале такое разделение весьма плодотворно, ибо отражает действительную специфику связи каждого из этих типов игр с культурой общества: часть игр, например, детские и спортивные, имеют длительную историческую традицию и уже стали элементами культуры, а игры, например, управленческие созданы искусственно, конкретными авторами и еще не вошли в культуру общества как неотъемлемый ее признак⁸.

Эффект классификации по типам «естественные» – «искусственные» обогащается при ее совмещении с классификацией игр по критериям игр «импровизированных» (речь идет об играх свободных, не связанных никакими ус-

управления общественным развитием. Саратов, 1989; Геронимус Ю.В. Игра. Модель. Экономика. М., 1989; и др.

⁵ См.: Азаров Ю.П. Игра. Размышления о нравственном воспитании // Новый мир. 1983. № 6; Ефимов В.М., Комаров В.Ф. Введение в управленческие имитационные игры. М., 1980; и др.

⁶ См.: Эпштейн М. Парадоксы новизны. М., 1988.

⁷ Арстанов М.Ж., Пидкасистый П.И., Хайдаров Ж.С. Проблемно-модельное обучение: Вопросы методологии и технологии. Алма-Ата, 1980. С.55.

⁸ Там же. С.56.

ловиями и правилами) – «организованных», игр по правилам (игра внутренне организована гораздо больше, чем сама жизнь, ценна же не свобода самовыражения, а выигрыш)⁹. С помощью признаков, конкретизирующих эту кросс-классификацию, можно дать более полную характеристику признаков «искусственных» игр, выявляя в них элементы игр «естественных».

В литературе предложены характеристики вида *деловых* игр, которые выделяются, например, по характеру моделируемых ситуаций, природе игрового процесса, способам передачи и обработки игровой информации, динамике моделируемых процессов¹⁰. Обзор можно подытожить замечаниями по поводу классификаций как таковых: не следует «упиваться» их «простотой», целесообразнее отнестись к ним как к средству приближения к тайне игры.

При освоении всего многообразия классификаций нельзя упустить сверхзадачу: определение координат для этико-прикладных игр. Что для этого требуется? Выделение для них особого и самостоятельного места на «древа» игр? Дополнение «древа» новой ветвью?

Мы ориентируемся на трактовку игры как *деятельности*, выделяя наиболее значимые для познания природы этико-прикладных игр черты *игровой деятельности*. Это не просто, ибо современная литература, посвященная игровому феномену, не содержит единодушной позиции по поводу *деятельностной* природы игры.

В специальной литературе рассматриваются такие вопросы, как структура и функции игровой деятельности (от их решения зависит характеристика игры и как формы жизнедеятельности, и как средства развития); представления о связи игры с другими видами деятельности; особые контакты игрового ареала с общением и творчеством и т.п. Мы же ограничимся здесь анализом наиболее перспективных мо-

⁹ Эпштейн М. Парадоксы новизны. С. 247.

¹⁰ См.: Арстанов М.Ж., Пидкасистый П.И., Хайдаров Ж.С. Проблемно-модельное обучение. С. 51-52.

ментов, обеспечивающих эвристический результат деятельностного подхода к исследованию природы игры и, соответственно, *игровой составляющей* этико-прикладных игр.

В ряду видов человеческой деятельности игра будет представлена здесь прежде всего с точки зрения ее интенсивного воздействия – прямого и косвенного – на формирование *ситуации свободы выбора*. Эта ведущая черта игровой деятельности базируется – кроме собственного вариативного потенциала игры, т.е. особых отношений игрового феномена с «возможностями», отношений, обоснованных уже метафизикой игры, – на способности игры *воспроизводить все другие виды человеческой деятельности* и достигаемого в процессе реализации такой способности фронестического «*умения уметь*»¹¹. Все эти моменты имеют непосредственное отношение к процессу возникновения, конституирования и развития этико-прикладных игр, ибо в свернутом виде содержат совокупный потенциал этого ноу-хау инновационного направления прикладной этики.

Однако само по себе освоение результатов деятельностного подхода к игровому феномену не может быть *прямо* использовано для развития этико-прикладных игр из-за неразработанности представлений о наиболее значимых для приложения к *ситуациям морального выбора* атрибутов игровой деятельности.

Можно предположить, что среди множества разноплановых аргументов в пользу выделения *свободоразвивающего* потенциала игровой деятельности в освоении ситуаций морального выбора приоритетное место занимает, например, способность игры драматизировать диалог конфликтующих структур (позиций, норм, смыслов, правил и т.п.), задавать соперничеству-сотрудничеству участников игры ситуацию экстремальной борьбы с задачей (и, конечно, с условными носителями тех или иных способов ее решения). Но важна и способность игры организовывать особые

¹¹ См.: Устиненко В.И. Место и роль игрового феномена в культуре // Философские науки. 1980. № 2.

испытания разных версий *праксиологии свободы*, ставить участников в обстоятельства, когда декларируемые цели проясняются с помощью предъявляемых для реализации этих целей средств (например, социальных технологий).

Однако более эффективна попытка выделить интегрирующий момент потенциала игровой деятельности, формирующего сознание (и поведение) свободного выбора. Таковым, на наш взгляд, является аргумент уже названного выше признака игры – *двуплановости* игровой деятельности, синтезирующей «условное» и «серьезное» в сознании и поведении участника игры.

Высказанная в культурологических публикациях идея двуплановости игры наиболее известна в отечественной литературе в версии Ю.М.Лотмана: «Игра подразумевает одновременную реализацию (а не последовательную смену во времени) практического и условного поведения. Играющий должен одновременно и помнить, что он участвует в условной (не подлинной) ситуации, и не помнить этого»¹².

В некоторых исследованиях деловой игры выдвинута версия, согласно которой двуплановость игры не является атрибутивной хотя бы потому, что само понятие двуплановости «до сих пор не удавалось практически применить»¹³. Авторы этой точки зрения полагают, что прикладной статус рассматриваемой проблемы «обеспечивается» представлением об игре как «процессе имманентного преодоления добровольно принятых правил» (с.12). Они считают, что этот подход предпочтительнее для построения и проведения игр, тем более, что, с их точки зрения, «принципы двуплановости и имманентного преодоления почти равносильны».

Каковы аргументы? Трактовка правил как основного источника игровой условности. Авторам представляется очевидным, что пребывание одновременно в двух сферах оз-

¹² Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970. С.80.

¹³ Крюков М.М., Крюкова Л.И. Принципы отражения экономической действительности в деловых играх. С.15.

начает «пребывание на их границе. Из того, что двуплановость – это особая установка сознания (помнить... и не помнить), задающая внешнее поведение, вытекает наличие внутреннего самоограничения и самоопределения. Отсюда следуют остальные особенности преодоления правил (двуплановость – принцип отношения к правилам), ибо они – единственный источник условной сферы в игре» (с.14).

Собственный опыт авторов цитируемой монографии по разработке экономических деловых игр дает основания доверять избранному ими предпочтению. Ориентированность их версии соблазняет и к привнесению ее в концепцию этико-прикладных игр. Однако природа этико-прикладных игр не позволяет осуществить простое «заимствование».

С каждой попыткой определить природу этико-прикладных игр мы убеждались, что ориентир поиска содержится в решении проблемы «условного» – «серьезного». Полагаем, что, назвав эту проблему стержнем игровой деятельности, мы можем именно на этом основании предположить, что в этико-прикладных играх «серьезный» элемент – не то или иное «дело» (моделируются ли, например, политический конфликт, этническая ситуация или моральные проблемы профессии). Само это дело становится серьезным – в *моральном* плане – лишь в том случае, если игра содержит высокий смысловой контекст, *смысл* дела.

Тем самым мы уже с большим основанием можем повторить сформулированную выше гипотезу: одна из особенностей этико-прикладных игр заключается в сочетании прагматических и аксиологических, экзистенциальных аспектов моделирования, сочетании, которое позволяет «хomo ludens» стать субъектом *духовно-практического освоения мира*. Этико-прикладные игры не тождественны любому подвиду деловых игр потому, что, например, выполняя свою экспериментальную роль (в этом, как уже говорилось ранее, все деловые игры имеют общее назначение – подготовку к реальному освоению ситуации, решению проблемы), они приносят *пользу* еще и в том, что помогают осваи-

вающему конкретный вид человеческой деятельности субъекту освоить *смысл* этой деятельности. И такое сочетание в качестве специфики этико-прикладных игр становится возможным благодаря именно двуплановости игровой деятельности.

В заключение этого фрагмента главы попытаемся предложить для дальнейших исследований ряд соображений, анализ которых непосредственно переведет характеристику *игровой* «составляющей» этико-прикладных игр в характеристику ее *праксиологической* «составляющей».

* Проблема соотношения «условного» и «серьезного» связана с измерением игр по критерию «естественное» – «искусственное». А здесь, в явной или неявной форме, и скрывается вопрос о гуманитарности-негуманитарности потенциала методов игрового моделирования.

Гуманитарна ли «игра в бисер»? Гуманитарна ли игра типа «game», т.е. игра по правилам, которые служат лишь нейтральной технологией, пригодной для любых целей? Может, гуманитарна лишь игра типа «play» – как «чистая радость»? И как избежать дилеммы морального утопизма и прагматизма? «Хитрее» всего было бы сконструировать игру, синтезирующую «play» и «game»? Но где критерии, мера и способы такого синтеза?

* Принципиальность того или иного подхода к соотношению «естественного» и «искусственного» в игре обнаруживается, например, при анализе идеологии организационно-деятельностных игр, развиваемых школой Г.Щедровицкого. Представляется, что безоглядное использование идей и техник этого направления, по-нашему мнению, имеет тенденцию рождать среди активных последователей *школы* «инженеров человеческих душ».

* Тайна определения этико-прикладных игр и скрывается именно в соперничестве-сотрудничестве идеологии самоопределения «естественников» и идеологии интенсивной подготовки к выбору посредством игрового моделирования у сторонников «искусственного». В противоречивом воз-

действии «естественного» и «искусственного» этико-прикладные игры находят возможность проектировать *ситуацию* свободы, доверяя моральному субъекту собственно процесс суверенного выбора.

2.2. Игра праксиологическая?

Праксиологическая (первоначально мы пользовались прилагательным «деловая») «составляющая», казалось бы, самый легкий предмет в общей характеристике этико-прикладных игр. И она вполне может показаться таковой, если, исключив любые попытки проблематизировать отношение «игры» и «серьезного», воспользоваться заголовками репортажей о деловых играх: «Игра в рабочее время», «Игра в жизнь», «Деловые игры в деле», «Игровая работа» и т.п. Игра здесь считается *деловой* в том смысле, что – в отличие от игр спортивных, карнавальных, учебных, досуговых и т.д. – ориентирована прагматически на «игру взрослых в свою работу», на приложение игрового подхода к производственной деятельности.

Однако для этико-прикладных игр такая «простота» в определении второй «составляющей» не подходит. Определение морального выбора как предмета этико-праксиологического исследования¹⁴ указывает нетождественность характеристик «деловая» и «этико-праксиологическая», соответственно – на особые отношения игровой культуры и прикладной этики именно в этой «составляющей».

НАЧНЕМ с общего для различных видов деловых игр противоречия: как «приложение» к «делу» совмещается с основной идеей метафизики игры о свободном характере игровой деятельности, ее ценности как деятельности *развивающей*, а не *производящей*? Это противоречие давно уже сформулировано в специальной литературе по педагогическим играм в виде дилеммы: «Либо дать ребенку возможность играть свободно – и он не научится тому, чему

¹⁴ См.: Бакштановский В.И. Согомонов Ю.В. Введение в прикладную этику. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2006.

хотим мы его научить, – либо вмешиваться в его игру, ставя перед ним цель, – и мы тем самым испортим игру, а ребенок перестанет учиться». Камо-Кру сформулировал это довольно четко: «Игрой нельзя манипулировать, так как она не готовит ребенка к выполнению какой-либо конкретной задачи, а обеспечивает общее развитие человека»¹⁵.

Это противоречие имеет глубокое содержание. Опять возникают вопросы о соотношении естественного и искусственного, о свободе субъекта осуществлять выбор между участием в игре и отказом от нее. Но здесь важнее тема *полезности* игры, *эффективности* ее результатов с точки зрения «дела», ради которого такого рода направление игры развивается.

Является ли игра *деловой*, если «на выходе» не планируется какой-либо предметный продукт (проект, программа, решение и т.п.)? А если итогом игры окажется лишь формирование «умения уметь»? Становится ли игра *деловой* лишь в том случае, если ее участники исполняют *те же самые* роли, что и в реальной деятельности, или это не обязательное условие? Вопросы эти – в таком общем виде – для современной литературы, посвященной игровому феномену, звучат достаточно риторически. Например, после публикации упомянутой в главе 1 книги Э.Берна «Игры, в которые играют люди...» кажется, что совсем легко выделить именно деловую «составляющую» – через противопоставление игрового моделирования реальных проблем не только «играм в бисер», но и фальшивым имитациям, лицемерным контактам, неискренним манипуляциям и прочим суррогатам. Но, во-первых, кто доказал безопасность деловых игр с точки зрения манипуляторства? И, во-вторых, разве «игре в бисер» противоположны не весьма разные *виды* Дела и *смыслы* Дела?

Применим для анализа многообразия деловых игр два критерия. Первый из них – предмет моделирования, ожи-

¹⁵ Буске М.М. Что заставляет нас играть? Что заставляет нас учиться? // Перспективы. 1987. № 4. С.90.

даемый результат игры. Пытаясь классифицировать цели различных деловых игр, В. Розин отмечает три ведущих типа. Первый тип – деловая игра используется главным образом с целью изменения «профессионального сознания и понимания» ее участников. «Предполагается, что в ходе игры играющие начнут по-новому видеть и понимать интересующие их и организаторов игры проблемы и затруднения, способы и пути их решения, отношения с другими специалистами и т.п. ... Тем самым деловая игра выступает как инструмент (способ) выявления границ существования профессионального сознания», – заключает автор. Второй тип – деловая игра используется с «целью исследования в широком смысле тех или иных объектов и систем». При этом «исследование может проводиться как в рамках научного познания, так и с другой целью – для проектирования, инженерной деятельности, управления, обучения, художественного конструирования и т.п.». Третий тип – «деловая игра используется с целью решения в игровой форме собственно деловых профессиональных задач, стоящих в различных областях деятельности... Именно в этом – третьем случае – наиболее ясно народно-хозяйственное значение применения деловых игр»¹⁶.

Нетрудно увидеть, что в этой классификации прагматизм никак не доминирует: деловая «составляющая» предстает здесь как выражение любого вида человеческой деятельности, и лишь в третьем типе акцентируется критерий полезности игры как признак ее принадлежности к виду игр «деловых».

Ворвавшись в практику игрового движения, «организационно-деловые», «проблемно-деловые», «практические деловые игры»¹⁷, объединяемые целью решать *реальные*

¹⁶ Вучков Ю. Искусство жить. М., 1989. С.86.

¹⁷ См.: Пригожин А.И. Игровой подход в управленческом консультировании нововведений // Проектирование и организация нововведений. М., 1987; Попов С.В., Щедровицкий П.Г. Конкурс руководите-

проблемы (и тем, явно или неявно, противостоящие «просто деловой игре», имитационным и учебным играм), обострили вопрос о *полезности* игры, о критериях эффективности того Дела, благодаря которому в их название входит соответствующая «составляющая». Конкретная индивидуальная польза каждому участнику? Польза самого процесса игрового поиска? Долгосрочная инвестиция (как, например, от высшего гуманитарного образования)? Разрешение реальной проблемы (выбран директор, запрещено освоение новой территории, приостановлено строительство дамбы, создана организация по спасению озера...)?

В любом случае речь идет о необходимости специального внесения в систему мотивации участников игры такой цели соперничества (друг с другом, с проблемой), как выигрыш, польза. Тем самым в любом из этих видов деловой игры сталкивается еще одна «пара» основных черт игровой деятельности: «утилитарность» – «неутилитарность».

Авторы работ о деловых играх не очень увлекаются исследованием этой темы. Однако – пусть это не покажется формальным парадоксом – эвристичные подходы и конкретные решения проблемы «утилитарности» – «неутилитарности» игровой деятельности обнаруживаются именно в тех исследованиях, которые рассматривают игру как деятельность *неутилитарную*.

Так, содержательные моменты для выявления в игре продуктивного аспекта имеются в характеристике «организованных» игр через сравнение их с играми «импровизированными»: первые не сохраняют своего игрового (читай – самооценного) характера до конца, ибо в них имеется победитель и выигрыш; такие игры итогом своим принадлежат к «серьезному состоянию мира», состоянию, «которое именуется борьбой»¹⁸.

лей. М., 1989; Проблемно-деловая игра как метод управления общественным развитием. Саратов, 1989; и др.

¹⁸ Эпштейн М. Парадоксы новизны. С. 255.

Количество аргументов (и их убедительность) в пользу выделения в игровой деятельности продуктивного аспекта нарастает по мере перехода от анализа игр естественных к играм организованным. Без учета природы последних (в том числе такого их подвида, как управленческие имитационные игры) трудно познать природу игр в целом. Именно охват всего игрового ареала, в том числе инноваций в нем, должен внести существенный эвристический эффект в решение проблемы «утилитарности» – «неутилитарности».

Анализ трактовки игры лишь как самоценной деятельности – деятельности неутилитарной (такая трактовка широко распространена, и без ее критического разбора нельзя развивать метод, в названии которого одной из составляющих является «праксиологическая»), позволяет подчеркнуть прежде всего односторонность данной трактовки, когда ею пытаются исчерпать природу игрового феномена. Более эвристичной представляется попытка охарактеризовать данную черту игры посредством акцентирования ее самоценности в многогранном, широком и гибком представлении об игре, которое не допускает исключения каких-либо видов игрового феномена, относясь к каждому из них как к элементу целого.

Необходимые аргументы для предпочтения такого подхода обнаруживаются в современной философской, управленческой, педагогической литературе. Наряду с трактовкой игры как «непосредственного творчества», которое имеет «процессуальный и преходящий характер», т.к. не фиксируется в конкретном виде, развивается и представление о высокой значимости именно результата игровой деятельности, важности объективации игрового процесса в определенной продукции, о «серьезном» эффекте игры и т.п.

Согласно такого рода представлениям в философском подходе, самоценность игры не отменяет значимости ее результата¹⁹. А вот, например, разработчики дидактического вида игры считают результативность основополагающим

¹⁹ Демин М.В. Природа деятельности. М., 1984. С. 98.

принципом игры: итоги такого рода игр служат объективной основой оценки результатов обучения²⁰. Кстати, этот принцип в игре отражает не только осознание игровой деятельности как предметной, но и обуславливает принцип соревновательности, выражающий мотивы участия в игре.

ПЕРЕХОДЯ ко второму критерию анализа всего многообразия деловых игр, приходится зафиксировать очередное противоречие: «практические деловые игры» выделяют себя из игрового движения посредством исключения условности ситуаций и проблем, которые являются предметом игры. Сохраняется ли в этом случае уже не деловая, а игровая составляющая, в которой обязательна условность?

Во всяком случае, мотив такой модификации деловой игры понятен: учебные деловые игры, имитирующие реальные или воображаемые ситуации для отработки навыков принятия решений в сходных обстоятельствах, это – как отмечает А.И.Пригожин – «дорогая цена условности». Дорогая уже потому, что делает разыгрываемую ситуацию чужой, а решение, принятое в ней (каким бы верным оно ни было), обрекает на «вечное невоплощение»²¹. Понятна и логика этого направления, развивающего в качестве собственной части игры *реализационный процесс* и пытающегося вырастить в участнике игры *субъектность*, стремление выбрать себе на игре роль и деятельность, которые будут развиты в жизни.

Но все же, в чем заключается условность практической деловой игры? Попробуем прямо связать более высокий уровень условности игровой ситуации с аналогичным уровнем практичности результатов игры, используя для этого аргументы современных методологических исследований. Как показал в своих работах В.Розин, в деловых играх, «как правило, исследуются не обычные состояния и характери-

²⁰ Арстанов М.Ж., Пидкасистый П.И., Хайдаров Ж.С. Проблемно-модельное обучение. С.88.

²¹ Пригожин А.И. Игровой подход в управленческом консультировании нововведений. С.61.

стики объекта, а, так сказать, парадоксальные и вырожденные конфликты, монстры, гипертрофированные и полярные типы, логически мыслимые, но не наблюдаемые случаи и т.д.»²². Именно на этом основании автор рассматривает деловые игры как форму научно-художественного мышления.

ИТАК, становление метода этико-прикладных игр в *русле* общего для всех деловых игр подхода далеко не случайно. Столь же не случайно и стремление выявить специфику этико-прикладных игр через постепенную, но непреклонную модификацию *деловой «составляющей» в праксиологическую*.

Подкрепим этот тезис напоминанием, что только в своем наиболее развитом историческом состоянии мораль способна преодолевать антагонизм категорического и условного императивов и тем самым культивировать *этическую праксиологию*. Фундаментальная возможность сочетания двух императивов в развитой моральной системе и порождает этико-праксиологический эффект как в исследовании морального выбора в целом, так и в моделировании соответствующих ситуаций посредством этико-прикладных игр.

Прикладная этика становится таковой не только потому, что выбирает в качестве одного из своих предметов какой-либо вид человеческой деятельности (политика, предпринимательство, экология, профессия и т.п.), но и благодаря выявлению в каждом из них возможности и необходимости включения «императива умения» в структуру морального выбора и тем самым придания этому императиву нравственного статуса.

Игровое моделирование в этико-прикладных играх обращено к каждому из двух «рубиконов» морального выбора. Оно эффективно лишь в том случае, если экспертиза, консультирование, проектирование «собственно» аксиологического аспекта моделируемой ситуации проводятся в про-

²² Розин В.М. Методологический анализ деловой игры как новой области научно-технической деятельности и знания. С.68.

цессе испытания этого аспекта через анализ целесредственного отношения. В этом – особая функция праксиологической «составляющей» этико-прикладных игр.

Особую роль такой подход играет в связи с тем обстоятельством, что современный игровой космос – не будем пока оценивать его тенденции в моральных терминах – все более становится игрой на выживание, акцентируя игру-борьбу в ущерб игре-сотрудничеству. Нравится это или нет, но освоение игровой культуры и осознание ее роли в современном мире требуют познания правил игры-борьбы, без которых вряд ли можно достичь успеха в смещении акцентов в пользу правил игры-сотрудничества. Игра как модель борьбы и сотрудничества – актуальное поле интереса для развития праксиологической «составляющей» этико-прикладных игр.

«Правила игры» в этом случае выполняют далеко не служебную роль. Они отражают правила жизни и, что не менее важно, выступают в качестве «воспитателя» самой жизни. Во-первых, игра как вид деятельности ценна для того, кто осваивает правила жизни игровым способом – развитием чувства доброй воли, ибо ее смысл состоит «в добровольном подчинении всех игроков правилам игры, в добросовестном и честном выполнении ими этих правил, в добровольном общении и разъединении людей на этой основе». Во-вторых, «искусство игры требует не только физических и интеллектуальных навыков, но и мастерства применения правил. Хороший игрок использует в игре с противником не только свои телесные и духовные силы, но и правила игры»²³. В-третьих, праксиологические правила – это рационализированная форма существования правил нравственной жизни.

Если Д.Карнеги и авторы подобных работ дают весьма практичные сборники праксиологических правил успешной жизни, то праксиологическая «составляющая» этико-прик-

²³ Ефимов В.М., Комаров В.Ф. Введение в управленческие имитационные игры. С. 96.

ладных игр – это активизация моральной рефлексии по поводу *смысла* этих правил и, благодаря игровому потенциалу, способ освоения *содержания* этих правил успеха в «лабораторных условиях». Трактую творчество Карнеги как праксиологическую моралистику, мы рассматриваем этико-прикладные игры и как способ связи *этики успеха*²⁴ с практикой; способ, отличающийся признаками и эффектом игрового моделирования с его инновационным потенциалом как в сфере исследования, так и в сфере «воспитания выбором».

2.3. Игра этическая?

«Собственно» этическая составляющая? А что осталось на ее долю после того, как первые две «составляющие» этико-прикладных игр «просвечивались» именно через призму *морали*?!

Представление об этой «составляющей» опирается на подход этико-прикладного знания к специфике взаимодействия этики, морали и воспитания; к особенностям деятельности субъекта морального выбора; к феномену взаимопроникновения этической теории и моральной практики в процессе морального творчества. Такой подход определяет возможности этико-прикладных игр выступать в роли организатора сотворчества этики, морали, воспитания в нравственном развитии личности.

Напоминая о приведенной выше характеристике экстремальности игровой ситуации – обнаженной и гипертрофированной нравственной конфликтности, – подчеркнем, что «воспитание выбором» в этико-прикладной игре стимулируется максимизацией (за счет условности ситуа-

²⁴ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Российская идея успеха: введение в гуманитарную экспертизу (научно-публицистический доклад) // *Этика успеха: Вестник исследователей, консультантов и ЛПР*. Вып.10, специальный. Тюмень-Москва: Центр прикладной этики и Финансово-инвестиционная корпорация «Югра», 1997.

ции, например, «Суд будущего») не только набора альтернатив, позиций, ценностей, но и норм-рамок и норм-целей. Такая максимизация практически исключает возможность «пройти мимо», уклониться от ответственности, в том числе ответственности собственно *моральной*.

В отличие от роли участника «чисто» имитационной или «чисто» реализационной игры, роль участника этико-прикладных игр определяется мерой субъектности выбора как целостного акта поступка, а не только ролью субъекта послеигрового действия. Дело в том, что любое действие во время этико-прикладных игр, самоопределение к любой позиции, ситуации, команде уже моделируют ситуацию морального выбора: моральную позиционность, моральную конфликтность, моральное творчество и т.д.

Тема моральной позиционности (конфликтности) представляется стержневой для характеристики этической «составляющей». Без мотивации свободного выбора, самоопределения к той или иной позиции участники игры просто не примут предлагаемого им статуса, статуса морального эксперта, игра потеряет для них смысл игры как таковой²⁵. Разумеется, моральная позиционность не противопоставляется здесь традиционно отрабатываемым на разного рода деловых играх предметно-профессиональной позиционности, организационно-ведомственной конфликтологии и т.п. Более того, поскольку редки «чистые» этико-прикладные игры, постольку и этические конфликты, ситуации морального выбора в целом присутствуют на таких играх скорее в ткани других позиционных интересов или их конфликтов. Отличие же состоит в том, что этико-прикладные игры моделирует конфликт моральных субъектов, а не только профессиональных ролей.

²⁵ Амонашвили Ш.А. Игра в учебно-познавательной деятельности младших школьников // Перспективы. 1987. №1. С.85; Ефимов В.М., Комаров В.Ф. Введение в управленческие имитационные игры. С.75.

Потенциал этической «составляющей» наглядно проявляется с точки зрения взаимодействия различных видов игрового движения, взаимообогащения и взаимокритики разных игровых подходов и игровых культур. Этическая «составляющая» задает потенциал метода этико-прикладных игр и для нравственного обеспечения (экспертизы и консультирования) целей и средств иных видов деловых игр.

Часто ли разработчики деловых игр рефлексируют этические проблемы своего метода? Некоторые из них озабочены психологическими аспектами игры («распредмечивание», «мотивация», «выход из игры» и т.д.), считая обязательным участником авторской команды игры психолога. Но не выносятся ли за скобки внутренняя проблема игрового феномена, остающаяся и в рамках деловой игры: «лицемерность поведения», «бисерность статуса», «манипуляционный соблазн» и т.п.? Как учитывается содержащийся в игре момент несвободы?!

Уверенность практиков, самостоятельно разрабатывающих игры, уместно, на наш взгляд, подстраховать не только специальными монографиями и методическими разработками конкретных видов игрового движения, но и активизацией рефлексии о *смысле* игры, который не должен быть сведен к «примерке», «тренингу» и прочим утилитарным предназначениям. Игровая методология несет в себе ген технократичности-манипуляторства в отношении к мотивам участия в игре, апологетического отношения к ценности моделируемых проектов, программ, решений и т.п.

Этико-прикладные игры содержат потенциал ценностного контроля, экспертизы и профилактики возможной диверсификации метода деловых игр в различных сферах управления и обучения. Иначе широкий фронт деловых игр в сегодняшней управленческой практике, в подготовке кадров и т.п. может обернуться трансформацией «игры для пользы дела» в «бюрократические игры». Этическая «составляющая» способна обеспечить выявление скрытых целей такого рода «бюрократических игр», постановку и реализацию

действительно гуманных целей обучения, проектирования, воспитания, выбор соответствующих им средств, критику прагматической «технологии управления».

Любая деловая игра – обоюдоострое оружие. Относится эта констатация и к собственно этико-прикладным играм, которые не только «сопровожают» моделирование каких-либо сфер человеческой деятельности, но прямо «работают» на различные сферы ойкумены прикладной этики. Сверхзадача этической «составляющей» – развитие культуры морального выбора при решении любой проблемы, этико-праксиологическая экспертиза любого из моделируемых социально-технологических элементов и т.п. Этическая «составляющая» в таком случае стремится испытать любую инновацию на достоинство выбора в мире идеалов и ценностей, целей и средств; стимулирует попытку уже в модельных обстоятельствах проявить скрытые конфликты, определить готовность субъекта к их разрешению, передать ему прецеденты справедливых решений и т.д.

Еще раз о роли *внутри*этического ресурса в развитии потенциала метода этико-прикладных игр. Инновационность игрового метода нередко связывают с внеэтической сферой – с организационной теорией, системным подходом, инноватикой и т.п. Эту связь не следует ни преуменьшать, ни преувеличивать. Однако основной резерв совершенствования этико-прикладных игр содержится в самом этико-прикладном знании. В том числе – в его *фронестичности*, отражающей особую связь этико-прикладного знания со своим предметом, реализующейся в диалоге прикладной этики с субъектом морального выбора.

2.4. Панорама этико-прикладных игр

Идентифицируя этико-прикладные игры как ноу-хау инновационного направления прикладной этики, мы опираемся на опыт двух десятков игр, часть которых многократно тиражировалась. Первая из этико-прикладных игр была сконструирована в 1979 году. Последняя – на время работы

над этой монографией – в 2005 году. Четыре игры обстоятельно представлены в разделе 2, а здесь мы ограничимся эскизами ряда других игр, представляемых в хронологическом порядке.

2.4.1. «Аттестация морально-деловых качеств личности»

Доминирующая функция этой игры, предназначенной для системы профессионально-нравственной подготовки руководителей, – учебная. Моделируемый объект – процедура должностной аттестации. Предмет этико-прикладной разработки – методика характеристики морально-деловых качеств личности как исходного момента аттестации. Ситуационная задача, организующая игровое моделирование, основана на очерке писателя А. Борова «Пробивной человек», опубликованном в «Литературной газете». Персонаж очерка – молодой, инициативный, предприимчивый главный инженер автобазы – Петухов, деловые качества которого воспринимаются частью трудового коллектива как конфликтующие с общепринятыми нормами морали. Алгоритм игры предполагал работу ее участников, исполняющих роль членов аттестационной комиссии, с игровой ситуацией в два этапа: «интуитивный» (без участия научных консультантов) и «научно обоснованный».

Испытание выбором, являющееся атрибутом этико-прикладных игр, заключалось в необходимости для «членов аттестационной комиссии» принять решение о выдвижении главного инженера на должность директора, так или иначе определившись с этической квалификацией такой конфликтной черты профессии *делового человека*, как предприимчивость.

Модификации игры в практике тиражирования: «Профессионально-нравственная аттестация руководителя трудового коллектива», «Характеристика морально-деловых качеств специалиста», «Оценка морально-деловых качеств личности». Сфера применения: трудовые коллективы Тю-

менского нефтегазового комплекса, школы менеджеров в Тюмени и в Москве, советско-болгарская конференция по проблемам прикладной этики.

Первоначальная публикация, целостно описывающая идеологию и основные элементы технологии игры – 1979 год. В новой редакции – 1986 год. Фрагментарно игра описана в работах: В.И. Бакштановский. Этика как практическая философия: традиционные образы и современные подходы (М.: Знание, 1983); В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов. Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью (Томск: Изд-во ТГУ, 1986); в сборнике «Теория и практика управления нравственным воспитанием в трудовом коллективе» (Новосибирск: Наука, 1982); в коллективной монографии «Нравственная жизнь человека: искания, позиции, поступки» (М.: Мысль, 1982), и др.

2.4.2. «Профессионально-нравственный кодекс трудового коллектива»

Доминирующая функция этой игры – этическое проектирование. Моделируемый объект – практика разработки «кодексов трудовой чести», «заповедей коллективов коммунистического труда» и т.п. Предмет этико-прикладной разработки – проект *профессионально-нравственного* кодекса. Алгоритм игры предполагал работу ее участников над проектом кодекса в два этапа: «интуитивный» (без участия научных консультантов) и «научно обоснованный», предполагающий подключение консультантов с момента разбора первой редакции кодекса. При этом предполагалась дискуссия самих консультантов на тему «Контркодекс».

Испытание выбором, являющееся атрибутом этико-прикладных игр, заключалось в необходимости самоопределения к трем моделям нормотворчества. Бюрократический документ, сосредоточенный на регламентации жизни коллектива (вплоть до включения в кодекс должностных

обязанностей, сценариев проведения памятных дат и праздников, перечня стимулов и санкций и т.п.), при этом навязанный коллективу «сверху». Текст, разработанный заводскими социологами и психологами, «вынесенный на обсуждение». Самообязательство коллектива как результат широкого представительного участия самих членов трудового коллектива в процессе проектирования кодекса как документа профессиональной морали.

Результаты: кодексы тюменских заводов «Электрон», «ТЭМЗ», «АТЭ», объединения «Сибкомплемонтаж» и др.

Первоначальная публикация, целостно описывающая идеологию и технологию игры – 1986 год. Фрагментарно описана в работах: В.И. Бакштановский. Этика как практическая философия: традиционные образы и современные подходы; В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов. Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью; в сборниках: «Теория и практика управления нравственным воспитанием в трудовом коллективе», «Методологические проблемы исследования социалистической морали и нравственного воспитания» (М.: МГУ, 1987); в коллективной монографии «Нравственная жизнь человека: искания, позиции, поступки», и др.

2.4.3. «Кредо руководителя: этические грани социалистической предприимчивости»

Доминирующая функция игры – этическое проектирование. Моделируемый объект – широко практикуемые «памятки для руководителя», широкий спектр документов, касающихся моральных требований к управленческому труду. Предмет этико-прикладной разработки – проект документа «Кредо руководителя» как нормативного выражения его «нравственной философии».

Ситуационная задача: проблематизация «Кодекса Збандута» – директора завода, персонажа из романа В. Попова «И это называется будни». Для алгоритма этой игры характерно усиление первого этапа (критика т.н. «памяток») и

третьего (конструирование «Кредо») и минимизация второго («интуитивного») этапа. Роль бригады экспертов по преимуществу консультационная.

Особенности технологического обеспечения коллективного морального творчества: разработанные авторами игры тексты конкретных ситуаций, построенных на журналистских материалах, посвященных известным руководителям предприятий, находящимся на передовых рубежах освоения Тюменского Севера; этические документы, созданные на других этико-прикладных играх, например, «Кодекс ЛПР», разработанный в ходе выполнения одного из заданий на игре «Аттестация», проведенной в рамках советско-болгарской научно-практической конференции командой завода «Электрон»; материалы на основе методики неоконченных предложений «Рекомендации начинающему руководителю»; оформление игровой площадки в стиле типичного кабинета руководителя, в том числе использование в настенном оформлении фрагментов реальных кодексов, взятых из кабинетов участвующих в игре руководителей; одно из заданий вводится в игру с помощью сценки, разыгрываемой актерами драмтеатра, и т.д.

Испытание выбором, являющееся атрибутом этико-прикладных игр, заключалось в сосредоточенности проектируемого «Кредо» на особенностях работы тюменских хозяйственных руководителей: востребованность деловитости и предприимчивости в условиях «пионерного освоения» нефтегазовых территорий региона, необходимость и способность ради дела идти на риск – и широко известные «истории» ряда хозяйственных руководителей, показывающие частоту поражения на этом пути.

Первоначальная публикация, целостно описывающая идеологию и технологию игры – 1986 год. Фрагментарно описана в работах: В.И.Бакштановский. Этика как практическая философия: традиционные образы и современные подходы; В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов. Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятель-

ностью; в сборниках: «Теория и практика управления нравственным воспитанием в трудовом коллективе», «Методологические проблемы исследования социалистической морали и нравственного воспитания» (М.: МГУ, 1987); в коллективной монографии «Нравственная жизнь человека: искания, позиции, поступки», и др.

2.4.4. «Самотлорский практикум-1»

Эта трехдневная игра – первая попытка инициативного движения этического сообщества приложить потенциал знания о морали к современной практике, работая в формате этического форума, технологизированного методами гуманитарной экспертизы – экспертного опроса и игрового моделирования.

Доминирующая функция игры – модельное испытание гипотезы о гуманитарной экспертизе как ключевой технологии этико-прикладного знания.

Мотив проведения научно-практической конференции в формате игры: критическое осмысление опыта первого десятилетия развития метода этических деловых игр. Успешность применения некоторых игр породила застойную тенденцию – тиражирование найденного; напрашивалась аналогия с судьбой первых этапов освоения тюменских ресурсов нефти и газа: отношение к глубинным возможностям игрового подхода напоминало сверхинтенсивную эксплуатацию нефтяниками Самотлорского месторождения. На фоне новой общественной ситуации перед авторами метода этико-прикладных игр встали новые вопросы. «Тянет» ли наличный банк этических деловых игр на идею *воспитания выбором*? Реально ли отражен в наработанном опыте современный акцент этико-прикладных исследований на экспертно-консультативную функцию? Отвечает ли методология и игротехника этических деловых игр новым достижениям в философии игры, потенциалу новых направлений движения?

Испытание выбором как ноу-хау этико-прикладных игр: не только самоопределение участников игры к инновационной для этического знания концепции гуманитарной экспертизы, но *проживание* потенциала этой концепции в решении предложенных им конкретных практических ситуаций, требующих этического консультирования.

Результаты игры: (а) воздействие на ситуацию, приведшее к «выращиванию» нововведения, – как заказов, так и самой модели гуманитарной экспертизы и консультирования. Такого рода практичность игры была не менее важной, чем предпринятое в ее ходе консультирование конкретных ситуаций; (б) стимулирование создания нового «поколения» этико-прикладных игр. Самокритика авторов метода, их самоопределение в игровом движении привели к изменению представлений о месте ученых в *целевой научно-практической бригаде* – игровой команде, к более точному пониманию места гуманитарной теории в процессе развития игрового способа консультирования. Передача ряда задач по разработке игр практикам привела к тому, что ученые-этики смогли уделять основное внимание задаче «встраивания» этической доминанты в процессе моделирования управленческой деятельности. Такое участие в разработке игры не дает другим представителям игровой команды разработчиков – практикам – замкнуться на технологических аспектах моделируемой деятельности; позволяет настойчиво вводить любую, самую передовую, управленческую технологию в социокультурный контекст; соединять организационные поиски с мировоззренческими исканиями, «испытывать» технологию на гуманистичность. Этическая доминанта оказывается здесь не столько количественным, сколько качественным «контрольным пакетом» акций игровой команды.

Первоначальная публикация, целостно описывающая идеологию и технологию игры, – 1987 год. Фрагментарно описана в работах: *Самотлорский практикум-1* / Под ред. В.И.Бакштановского. Москва-Тюмень, 1987; *Самотлорский*

практикум-2 / Под ред. В.И.Бакштановского. Москва-Тюмень, 1988.

2.4.5. «Выбор»

(Выборы секретаря первичной партийной организации)

В разработке этой игры испытывалась, развивалась и конкретизировалась технология соотнесения социально-нравственных и процедурно-организационных аспектов выборов руководителя. Краткое название игры – результат инициативы практиков, стремящихся задать игре смысл, выходящий за пределы разработки управленческой процедуры.

Выборы руководителя партийной организации (как, впрочем, и выборы руководителя хозяйственного, советского и т. д.) – моделировались в духе технологии *воспитания выбором*. Воспитания трудной этикой борьбы: за создание самой ситуации выбора, развитие соревновательных начал, испытание нравственной ценности избираемых средств борьбы, реализацию победившего курса и т. п.

Этим, прежде всего, отличается этико-прикладная игра от заявивших себя в то время *организационно-деятельностных игр*, посвященных выборам директора РАФа, Штаба ЦК ВЛКСМ на БАМе и т. д.

Акцентируя мировоззренческую, ценностную сторону модели выборов, разработчики обеспечили ее соответствующими игровыми заданиями. Одно из них – «Контрвыборы». Это задание требовало в самом начале игры провести анализ аргументов и фактов, выдвигаемых против широкой практики выборов руководителей. В специально подобранных разработчиками игры материалах были отражены и трезво-скептические настроения против новаций, которые принимались «на ура», а «сходили со сцены» молча; и аргументы против «бюрократических игр в выборы», когда в новые одежды наряжаются старые методы (например, выборы «из того, что дают»), и демагогических «социальных игр». Участникам игры были представлены аналитические

обзоры социологов, содержащие сравнительные оценки отзывов самих руководителей «за» и «против» выборности.

Еще один аспект потенциала «испытания выбором»: сосредоточенность на этико-праксиологической теме благодаря заданию на консультирование ситуаций, связанных с мотивацией на успех. Здесь были важны два аспекта: преодоление стереотипа «стыдно выдвигать самому себя» и морально-психологическая защита проигравшего.

Игра фрагментарно описана в работах: Самоглоторский практикум-2; В.И.Бакштановский, Е.П.Потапова, Ю.В.Согомонов. Выбор будущего: к новой воспитательной деонтологии. Томск: Изд-во ТГУ, 1991.

2.4.6. «Гуманитарная экспертиза арктической политики»

Эта игра разработана и проведена в рамках международного проекта «Арктическая политика: человеческое измерение», посвященного экспертизе концепции сбалансированного развития. Многообразным версиям сбалансированного развития Севера предстояло отстоять себя аргументами морального обоснования и оправдания не только перед альтернативными императивами типа «закон-тайга» или «человек человеку и природе – Друг», но и перед результатами реконструкции стоящих за этими версиями ценностей.

Модельность ситуации – игровое проживание ситуации *завтрашнего дня как сегодняшнего*. Игра предполагала существование условного Советского арктического центра — неправительственной структуры, объединяющей на общей платформе усилия заинтересованных организаций, для которых Арктика – объект познания и практической деятельности. Центр действует на основе международного сотрудничества с аналогичными центрами других арктических стран (в игре участвовали руководители Центра Северных исследований Мак'Джилльского университета Канады). Центр находится в стадии становления и обретения своего лица.

Участникам игры предлагалось принять участие в конкурсе проектов спасения Арктики, подвергаемых акцентированной гуманитарной экспертизе. В процессе игры участники сформировали команды – временные творческие коллективы для подготовки проектов. Для предварительной ориентации и организации этой работы командам были предложены направления («утопии») проектного поиска, выявленные в пилотажном исследовании, при опросах общественного мнения и экспертов.

Алгоритм игрового поиска требовал самоопределения участников к предложенным на экспертизу проектам. Однако в сценарии игры был заложен драматизирующий момент. Мерное течение работы по аргументации и обоснованию каждой командой своей позиции внезапно нарушилось. В ответ на изложение утопии «Прогрессоры», делящей народы Арктики на «отсталые» и «цивилизованные», одна из участниц игры – представитель именно этих, якобы «отсталых», народов – выражает свое категорическое несогласие с проектом и требует его безотлагательного осуждения. Для оценки сложившейся ситуации слово было предоставлено специалистам-энтографам как присутствующим на игре, так и подключенным посредством междугородного «телефонного моста».

Второй день игры начался с предъявления проекта «Декларации об основных ценностях и принципах советской арктической политики». Если на первом этапе игры ее участники моделировали позиции членов временного научного коллектива – сторонников той или иной «утопии», то на втором этапе они примерили «маски» различных инстанций – субъектов арктической политики («ведомства», «науки», «коренные народности», средства массовой информации» и др.), которые сначала проявили свои критерии в оценке декларации, а затем попытались сблизить свои подходы в режиме «круглого стола».

Завершилась игра попыткой достигнуть согласия всех субъектов сторон относительно основных ценностей и принципов арктической политики.

Игра фрагментарно описана в работе: В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов. Введение в политическую этику. Москва-Тюмень, 1990.

2.4.7. «Успех» и «Канатоходец»:

цикл игр в Московской школе менеджеров

В рамках этого цикла были обновлены две игры прежнего цикла: «Профессионально-нравственная оценка деятельности руководителя» и «Кредо руководителя: этические грани социалистической предприимчивости». Девиз первой из них (новое название «Успех») представлял собой жесткую альтернативу: аттестация менеджера – орудие манипуляций бюрократической системы или нравственная поддержка управленческой карьеры? Девиз второй (новое название «Канатоходец») – строки из песни В.Высоцкого «Должно быть, ему очень нужно пройти / четыре четверти пути». Отметим, что в этом девизе отражена проблема морального выбора, фиксирующая не только проблему *выбора поступка*, но смыслоопределение человека в отношении своего жизненного пути, призвания, Дела.

Две игры представляли собой именно цикл: персонаж первой из них, «главный инженер С.В.Петухов», написал заявление о приеме в школу менеджеров, мотивируя его стремлением участвовать в конкурсе, а не быть назначенным, и полагая, что школа менеджеров повысит его конкурентоспособность. «Слушатели школы менеджеров» обсуждали представленное им «Кредо С.В. Петухова».

Объединяла обе игры в цикл идея культивирования этики делового успеха как нравственного стержня деловых качеств *менеджера*. Цикл выводил участников игр на различение нового типа руководителя и хозяйственного руководителя времен административно-командной системы. Поэтому в набор игровых ситуаций включались сюжеты из

производственной литературы, отражающей прежний тип руководителя, и из актуальной публицистики, посвященной новому типу руководителей.

Один из мотивов обновления прежней версии *первой* из игр цикла – развертывание процесса демократизации общества, развитие практики выборности руководителей. Другой мотив – критический самоанализ опыта разработки и внедрения первой версии этой игры, развитие доктрины гуманитарной экспертизы и консультирования. В новом варианте игры приоритет был отдан не проектировочной или обучающей, а экспертно-консультативной функции игры в отношении практикуемых в кадровой политике процедур должностной аттестации. Этическая критика управленческой практики и консультирование тех элементов процедуры должностной аттестации, которые можно и нужно культивировать в этическом смысле, прежде всего процедуры моральной оценки, определили изменение алгоритма обновленной игры.

В игру было включено задание «Контраттестация», призванное: а) проблематизировать тему игры, поставив под вопрос саму допустимость и возможность аттестации нравственных качеств; б) испытать на эффективность один из документов практикуемой должностной аттестации – характеристику, особенно ее правомерность и полезность в отношении оценки нравственного облика личности; в) стимулировать разработку и освоение участниками игры этических ограничений к процедуре аттестации («не судите...»), осознание интервала ее целесообразности; г) инициировать заботу о защите прав аттестуемого. По результатам выполнения этого задания командам предлагались на рассмотрение уточнение предмета оценки – культура профессионально-нравственных решений руководителя и дополнение традиционной оценки «с трех сторон» (от параллельных по должности коллег, «сверху» и «снизу») самооценкой аттестуемого: без «самосуда» моральная оценка не может адекватно выполнять свое назначение.

Исходная игровая ситуация, дающая информацию и интригу для имитации процедуры аттестации, была обновлена. Роль персонажа, подлежащего аттестации, избавлена от некоторой одномерности – варианты его поведения разыгрываются уже на первом этапе алгоритма. Персонажу вменяется обязанность самозащиты, разыгрывается и роль общественного защитника. Участникам игры предлагалось прожективное задание: «как бы сложилась судьба персонажа в том коллективе, где работаете Вы?».

Обновление игры «Кредо» было стимулировано не только расширением практики выборности руководителей, но и распространяющейся тенденцией критики корпуса руководителей, отождествляющей его с бюрократической системой в целом. Уже поэтому было переработано задание «Контркредо», в процессе решения которого участникам игры предстояло сформулировать тезисы нравственного оправдания профессии руководителя, помочь зарождающемуся корпусу менеджеров манифестировать как свою ответственность за все справедливое в общественной критике вчерашней (и еще сегодняшней) практики управленческой деятельности, так и сделать открытым профессионально-нравственный кодекс предприимчивости, кодекс этики успеха (и тем усилить самоконтроль и контроль со стороны общества над управленческой деятельностью).

Реалистичность сценарного материала к обновленной игре была повышена благодаря использованию результатов ответов экспертов на вопросы второй анкеты «Самолторского практикума-2», связанные с проблемой социалистической предприимчивости.

2.4.8. «Утро после выпуска»

Эта игра – один из этапов проекта «Новое поколение выбирает успех?», заказанного Педагогическим колледжем № 2 г. Тюмени. Цель игры: испытание степени готовности выпускного курса к самостоятельному выбору в сфере образовательной деятельности.

Сценарий предполагал предоставление каждому участнику возможности освоить идею педагогического успеха через ее «примеривание на себя». Для этого создавались необычные для студентов колледжа обстоятельства. Два вида таких обстоятельств организуют два этапа адаптации выпускника к школе: обстоятельства адаптации новичка к организации и педколлективу, во-первых, и адаптация к разным социопедагогическим практикам – во-вторых.

Исследовательский аспект игрового «испытания выбором» игры: (а) «узнают» ли участники игры в своих собственных решениях и действиях, связанных с различными этапами игрового самоопределения, проблему педагогического успеха – или же «растворят» и «утопят» ее в традиционных темах педагогики? (б) востребуют ли и студенты, и преподаватели, вовлекаемые в нестандартную ситуацию самоопределения, *собственно консультативную* функцию знания и опыта, непосредственно характеризующую культуру выбора, – или же продемонстрируют нигилизм молодости, с одной стороны, патернализм зрелости – с другой?

Ожидаемые трудности в реализации *игровой* природы испытания выбором: во-первых, захотят ли и смогут ли участники игры отождествить себя со своим колледжем, с педагогической профессией, с миссией выпускника? во-вторых, не продемонстрируют ли они высокую культуру «двойного стандарта», *не* идентифицируя внутренне свой жизненный и профессиональный выбор с тем *выбором моральным*, идея которого заложена в игру, и *лишь* «подыгрывая» – и наивным исследователям, и ожиданиям своего начальства? Тогда *игра* выродится в «игрушку», в фальшивку, в симуляцию с помощью легко надеваемых масок.

На первом этапе алгоритма игры ее участникам было предложено определить свои предпочтения к одному из типов профессиональных педагогов, условно названных «люди порядка» и «люди игры». Предполагалось, что свое исходное положение на игровом поле, выражающее принадлежность к одной из учебных групп педколледжа, участники

изменяют, создав новые команды – в соответствии с ответом на вопрос «с каким из этих двух типов учителей вы предпочли бы сотрудничать в школе?».

Второй этап игрового самоопределения непосредственно опирался на материалы предваряющего игру интервьюирования. Сформированный на первом этапе алгоритма игры состав команд должен был проэкспертировать два достаточно типичных образа выпускника (какими они «сложились» при обработке результатов интервью) с более или менее определенными педагогическими философиями. Условно эти типы были названы «уверенный» и «колеблющийся».

Третий этап алгоритма был прямо выведен на ключевые понятия темы этики педагогического успеха. В основе игрового задания – самоопределение к позициям и аргументам участников диалога «О Первом и Последнем в классе» – лежал одноименный текст С.Л.Соловейчика, написанный им для Вестника «Этика успеха».

Следующий этап содержал задание, которое преломляло тему игры через необходимость самоопределения к двум педагогическим этосам, один из которых («заповеди правой руки») выражал систему ценностей успешного, сильного, квалифицированного учителя традиционной советской школы, а другой («заповеди левой руки») – систему ценностей учителя российского инновационного (альтернативного) движения.

Пятый, последний, этап алгоритма игры носил проективный характер. Его участникам, работающим в составе команд, сложившихся на предыдущем этапе, предстояло смоделировать свое «Утро после выпуска».

Наконец, командам предстояло составить проект, содержащий программу идеальной школы – «на месте» той, в которую возвращается «выпускник колледжа».

Результат: проживание в игровом режиме ситуаций начального этапа вхождения выпускника в профессию проявило две основных модели педагогического успеха, суще-

ствующие в профессионально-нравственной культуре нового поколения педагогов.

При этом анализ игры дал возможность скорее отвести жестокие подозрения относительно реализации *игровой* природы испытания выбором, чем поддержать их.

Игра описана в коллективной статье «Утро после выпуска: опыт игрового моделирования моральных ситуаций педагогического успеха», опубликованной в ж. «Этика успеха. Вестник исследователей, консультантов и ЛПР». Выпуск 8 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.А.Чурилова. Тюмень-Москва, 1996. № 8.

2.4.9. «Общественный Фонд гражданской экспертизы»

Эта игра – завершающий этап практикума «Профессионализм современного журналиста: сервисное ремесло на информационном рынке или гражданственность высокой профессии?».

Цель игры: испытание гипотезы, согласно которой *гражданственность журналистики предполагает культуру освоения потенциала современных гражданских технологий*.

Способ испытания: «примерка» одной из таких технологий – общественной экспертизы – методом игрового моделирования конкретного случая из журналистской практики.

Игровая ситуация: деятельность *условного* общественного Фонда гражданской экспертизы. Миссия Фонда – защита профессионализма СМИ от журналистов-непрофессионалов, которые подрывают доверие общества к профессии.

Проживание ситуации происходило в режиме «экспертиза экспертизы» на примере одной из акций *прототипа* Фонда – реального Центра медиаэтики под руководством Ю.В. Казакова.

Алгоритм работы участников игры, организованных в группы «Аудитория», «Журналисты», «Редакторы», состоял из трех этапов.

Первый: всем группам раздается текст статьи «Просто Сергей» из газеты, посвященной юбилею местного губернатора. *Фрагменты текста:* «Коллектив газеты присоединяется к поздравлениям в адрес С. Мы, со своей стороны, желаем ему оставаться героем наших публикаций, пусть внимание со стороны журналистов к его деятельности продолжает оставаться таким же пристальным... Мы считаем, что 50 лет – далеко не время для подведения итогов. Так что, С., ждем от вас покорения новых высот. Вам это под силу!». Задание: оценить текст из ролевых позиций каждой группы.

Второй этап алгоритма: участникам игры предлагается текст «заявки на экспертизу», подготовленный группой условного Фонда, занимающейся мониторингом прессы. В процессе мониторинга эта группа выделила статью «Просто Сергей» и отправила ее на экспертизу специалисту по медиаэтике.

В заявке сформулированы *основания для профессионально-этической экспертизы:* обнаружение признаков сервильной журналистики; предположение, что автор и издание на «юбилейной волне» преодолели границу допустимого стандартом «вытянутой руки» в отношениях прессы к власти. Заявка формулирует *вопросы экспертам*, в том числе: «Дает ли публикация основания говорить о недопустимом сокращении прессо-властной дистанции?». Задание группам: Заслуживает ли статья «Просто Сергей» специального заказа на экспертизу? Разделяете ли вы содержание заказа?

Третий этап алгоритма – обсуждение текста экспертного заключения, подготовленного в ответ на заказанную экспертизу.

Результат игры «схвачен» в характерных суждениях ее участников в отношении как конкретного экспертного заключения, так и потенциала технологии общественной экспертизы:

* «Текст экспертного заключения подтверждает необходимость экспертизы. Эксперт отметил в статье смешение

функций журналистики и пиара. Сказал и о манипуляции как приеме. Эти особенности статьи эксперт заострил не зря. Благодаря экспертизе, мы пытаемся дистанцировать цех от тех, кто так себя ведет. Это инструмент цеховой защиты».

* «Эксперт показал недоработки, дыры в нашем этическом кодексе. Уже поэтому экспертиза нужна: может быть, благодаря прецеденту какие-то бреши в кодексе будут закрыты. С другой стороны, если говорить об общественной экспертизе в целом, то у нее должны быть свои пределы. Иначе нельзя исключить ситуации, когда кто-то от имени “общества” скажет, что газету надо закрыть. А ведь у общества есть другие инструменты: бойкот газете, призыв не покупать ее, обращение к рекламодателям с просьбой не размещать рекламу. И это законные средства».

* «Гражданские технологии, о которых здесь говорили, нужно применять на практике. Эти технологии – один из способов развития самосознания и журналистов, и общества в целом».

* Ведущий игры: «Жаль, что не хватило времени на тему кодекса для самих экспертов, в целом кодекса для гражданских технологий. Дело не только в том, чтобы убедить скептиков, уверенных, что гражданская экспертиза не обязательна (“и так все ясно!”), но и в том, чтобы предвидеть ловушки этих технологий. Например, ловушку самозванства. Возможно, это одна из задач следующего практикума».

Игра описана в кн.: Тетради гуманитарной экспертизы (6) / Отв. ред. В.И. Бакштановский. Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 2005.

Раздел второй

Этико-прикладные игры: «мастер-класс»

ПЕРВОЕ предварительное замечание – о ситуации, в которой были разработаны и проведены большинство этико-прикладных игр, представленных в этом разделе: они состоялись в эпоху Перестройки. Востребованность технологии «испытания выбором» в той ситуации вполне понятна, если говорить о Перестройке с большой буквы, воспринимаемой как ситуация морального выбора для каждого из нас и общества в целом.

Наконец-то появилась возможность быть не только актерами, но и авторами жизненного сценария, выбирать не только средства для достижения каких-то неведомых нам целей, но и формировать сами эти цели, осознав возросшую степень свободы и ответственности за социальные и моральные решения. Надо ли говорить, что роль эта во многом *новая*.

Идея Перестройки, предполагающая и перестройку политического этоса государственного социализма¹, была обусловлена осознанием политической элитой (по крайней мере, ее влиятельной частью) всей глубины кризиса, в котором оказалась дряхлеющая авторитарная система, согласием с непреложной потребностью отыскать выход из данного кризиса, преодолеть состояние затянувшегося застоя, стагнации. Отсюда – потребность в политических инновациях, культивирование ценности выбора.

В то же время идея «перестройки» (с маленькой буквы), обусловленная догмами идеологизированного мышления, предполагала не столько решительный – или, для начала, хотя бы частичный – демонтаж режима, разрушение изжив-

¹ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. Тюмень-Москва: Центр прикладной этики, 1997.

шей себя системы, сколько ее *спасение*. Такой замысел ориентировал на осторожную терапию, ограничение круга реформ, способных устранить препятствия для дальнейшего существования данной системы (хлестко, хотя и неадекватно названной тогда же «административно-командной»).

Не следует думать, будто у позиции умеренного самореформирования системы и ее политического этоса вообще не было никаких шансов хотя бы на временный и относительный успех, что она может быть квалифицирована лишь как радикальный утопизм. Как в материально-организационных, так и в идеолого-политических структурах общества уже накопились неофициальные, неформальные отношения типа бюрократического рынка, теневой экономики, опыт политических обменов, торга, компромиссных соглашений различных элит между собой и с массами, нецензурированного рынка культуры, не говоря уже об общих достижениях модернизации – пусть и патомодернизации – страны. Однако политическая элита использовала этот шанс скорее в гибридной форме, что отразилось в политической риторике тех лет. Вспомним понятия: «демократический социализм», «рыночный социализм», «плюрализм мнений», «разделение властей», «правовое государство», «свободные выборы», «самоуправляющиеся предприятия» и т.п.

Удивительно скоро обнаружилось, что «прививка» капиталистической, либеральной «розы» к отечественному «дикчу» не получилась, что система государственного социализма исчерпала свой исторический ресурс, что, не покидая ее пределов, нельзя одним только декретным способом вывести страну из глубокого кризиса, что задержки в продвижении к новым рубежам нельзя исчерпывающим образом объяснить контрреформистским сопротивлением ряда правящих структур или сделать то же самое, ссылаясь на патерналистский менталитет масс. «Процесс пошел», но совсем иначе, чем предполагали партийные реформаторы.

ВТОРОЕ замечание. В большинстве глав этого раздела представлена работа технологий прикладной этики в ситу-

ации *обновления* политического этоса. *Ограниченного* обновления – правящая партия стремилась реформировать его, не произведя принципиальных смещений в самой социально-политической системе общества. Так какую же, кроме историко-биографической для нашего направления, роль может сыграть проблематика этого раздела?

Описывая отобранные для него этико-прикладные игры, мы, по мере возможности, пытались выйти за рамки «случаев», подчеркивая *универсализм* ноу-хау прикладной этики. Полагая, что потенциал игрового моделирования может и должен быть востребован и «двадцать лет спустя». Отсюда сосредоточенность на сценировании игр под поставленные задачи, на предваряющих игру экспертных опросах и технологии моделирования ситуаций, алгоритме сценария и формировании игровых заданий, и, по возможности, краткие репортажи с самих игр.

ТРЕТЬЕ замечание. Открывая раздел, посвященный этико-прикладным *играм*, следует напомнить, почему некоторые из наших акций игрового моделирования назывались в те годы «практикумами».

Один из мотивов – термин «игра» не всегда принимался официальными заказчиками проектов, общественным мнением, да и непосредственными участниками такого рода акций. Другой мотив – собственно игровому моделированию нередко предшествовали экспертные опросы, например, в проектах «Партия в ситуации выбора» и «Освоение без отчуждения», а в последнем случае – и изучение общественного мнения. В этом смысле собирательное название «практикум» было вполне оправданно.

ПОСЛЕДНЕЕ замечание. «Повидав несколько деловых игр, разработанных В. Бакштановским и В. Чуриловым, постоянно сталкивался с одной профессиональной трудностью – они плохо поддаются описанию. Это не “круглый стол” и не дискуссия, а целое действие, где многое, если не все, держится на нюансах, мизансценах, деталях, подробно расписанных в сценарии. Здесь, как нигде, кстати известная

формула “лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать”», – писал журналист В. Дымарский по поводу одной из этико-прикладных игр. И самим разработчикам таких игр эта трудность хорошо известна. Но ничего другого не остается, как каждый раз преодолевать ее с минимальными потерями в представлении читателя. Разве что в данной работе у нас есть облегчение: здесь мы не *описываем* игры, а представляем их в формате, ориентированном на фронестическую передачу знания-умения всем, кто востребует наш опыт.

Глава 3

Конструирование новых социальных технологий: альтернативные выборы народных депутатов в эпоху Перестройки

Справка: Практикум «Окружное предвыборное собрание» был проведен в 1989 году в г.Ханты-Мансийске, в ряде городов Ханты-Мансийского автономного округа, в Тюмени, Москве.

Авторы идеи и сценария практикума:

В. Бакштановский, Ю. Казаков, В. Чурилов.

Основной ведущий – В. Чурилов.

3.1. Проблемная ситуация и сценарный замысел практикума «Окружное предвыборное собрание»

В первые годы Перестройки одним из поприщ политической борьбы стало «Окружное предвыборное собрание» – нововведение переходного периода, предусмотренное законом о выборах народных депутатов СССР.

Воспринимая ситуацию как переходную, мы надеялись, что это «изобретение» никогда в будущем не вернется на политическую сцену. Тем не менее в 1989 году оно представляло собой реальный полигон столкновения двух политических культур. Одна из них – подданническая – не желала добровольно уйти в прошлое, а другая – активистская,

партиципационная – была вынуждена уживаться с первой, стремясь путем компромисса обеспечить свое будущее.

Казалось бы, кому могла быть интересна тема «Окружное предвыборное собрание», кроме избиркомов? Организаторы избирательных кампаний участвовали в наших практикумах, московские избиркомы обсуждали снятый на практикуме в АПН видеофильм, и это непосредственно повлияло на ход соответствующего собрания в территориальном округе №1 Москвы.

Но не менее важно то обстоятельство, что это был модельный прецедент попытки внесения этической составляющей политической борьбы. Создание такого прецедента – одна из исследовательских и проектных задач участия специалистов по прикладной этике в *целевой научно-практической бригаде* разработчиков сценария практикума и группе ведущих практикума.

Миссия становящегося направления прикладной этики подверглась особому испытанию в пренатальный период становления демократических институтов. Речь идет о цивилизаторской роли ценностей и норм политической этики в напряженной атмосфере соперничества политических сил (партий и фракций, общественных организаций и неформальных движений, лидеров и масс), о формировании «правил игры» и профилактике «борьбы без правил».

При этом, что особенно важно в отношении такого нововведения, как «окружное предвыборное собрание», становление политической этики предполагало овладение *процедурами*, которые несли в себе как возможности для бюрократии макиавеллистски изощренно манипулировать потенциалом такого собрания, так и, при всей ограниченности демократического содержания этого изобретения, возможности его эффективного использования в целях демократических преобразований. Поэтому в замысле сценария существенное место занимало намерение демистифицировать те моменты процедуры, которые пытались ограничить меру демократической свободы, создав «сито» между изби-

рателями и кандидатами. И, в то же время, наработать позитивные «правила игры», обеспечивающие эффект окружного предвыборного собрания, продуктивность этой технологии политической борьбы, предполагающую, что ее моральный пафос не отменяет необходимости владения «техникой борьбы».

Цель игры заключалась в моделировании нововведения – второго тура избирательной кампании под названием «Окружное предвыборное собрание», которое организуется окружной избирательной комиссией после окончания выдвижения кандидатов в народные депутаты для обсуждения выдвинутых кандидатур и принятия решения о представлении их для регистрации в соответствующую избирательную комиссию. Предметы моделирования: обсуждение участниками собрания регламента собрания; выступления кандидатов в народные депутаты с изложением программ будущей деятельности и их обсуждение участниками собрания; принятие решения о (не)рекомендации их избиркомам.

Двуплановость природы игры – единство «условного» и «серьезного» – должна была помочь всем заинтересованным сторонам политического процесса уже «на тренажере» понять природу нововведения, овладеть его технологией. Иначе говоря, создать ситуацию «проживания» в *условных* обстоятельствах *реальных* ролей, к которым общество тех лет еще не привыкло. Ролей участников политической конкуренции – альтернативных кандидатов в депутаты; групп поддержки, ведущих кампанию как от имени официальных структур, так и от неформальных движений; избирателей, представляющих весь политический спектр общества; организаторов соревновательной избирательной кампании.

Уточнение по поводу «овладения» избирательной технологией «Окружное предвыборное собрание». Разумеется, никому до тех пор не известная процедура не была введена и самим организаторам практикума, поэтому и многие ноу-хау избирательной кампании, ее открытия и изобретения им приходилось совершать как с помощью игровых заданий,

так и «на ходу», вместе с участниками игры. А участвовали в этом эксперименте «на себе» и кандидаты в народные депутаты, и представители клубов избирателей, и, естественно, работники избирательных комиссий всех уровней, и партийные функционеры, и большая группа правоведов, социологов, политологов, психологов, выступающих в качестве консультантов ключевых игровых заданий.

РАЗРАБОТКА основных этапов алгоритма практикума, казалось бы, не требовала от авторов сценария изобретательности. Особенность моделирования на данной игре – следование заданным законом основным этапам процедуры осваиваемого участниками практикума нововведения.

В рамках *первого* этапа алгоритма – моделирования регламента собрания – сценарий программировал публичное решение по вопросу о том, каким должно быть голосование: открытым или закрытым, тайным. Предполагалось, что как на игре, так и в реальной избирательной кампании будут сторонники и первого, и второго вариантов. Вероятная аргументация в защиту первого: (а) тайное голосование затянет процедуру, (б) честнее, если каждый участник открыто заявит свою позицию. Вероятная аргументация в защиту второго варианта: тайное голосование более демократично, никакие внешние обстоятельства не помешают участнику собрания совершить свой выбор.

Сценарий программировал и публичное решение участников собрания по такому, казалось бы, сугубо техническому вопросу, как число голосов, которым может располагать каждый из участников собрания, за сколько кандидатов (одного, двух, пятерых) он может голосовать. Предполагаемый критерий предпочтения, который вносился сценарным замыслом: какой из этих вариантов демократичнее.

В рамках *второго* этапа алгоритма практикума – моделирования ситуации выступлений кандидатов в народные депутаты и их обсуждения участниками собрания – сценарий предусматривал скорее содержательную работу собрания. Например, в качестве игрового задания в сценарий бы-

ла заложена предваряющая выступление кандидатов дискуссия «Какой депутат нам нужен?». Было разработано и задание, связанное с ведением агиткампании в пользу кандидатов в процессе хода собрания. Разумеется, вокруг этого задания предполагалась и процедурная дискуссия. Для испытания «демократической бдительности» участников собрания в сценарии была изобретена и процедура «Визитная карточка депутата», которая могла незаметно подменить процедуру предъявления кандидатами своих платформ.

В рамках *третьего* этапа алгоритма практикума – моделирования ситуации голосования по вопросу о представлении кандидатов в депутаты в избирательные комиссии – участникам собрания надлежало решить процедурные вопросы: о числе кандидатов в регистрационном списке и о числе голосов, которые может иметь каждый участник предвыборного собрания, для этически акцентированного сценария игрового моделирования важно было в рамках обсуждения этих процедур побудить участников практикума к коллективной рефлексии *ценностных оснований* конкретных процедур – и «Окружного собрания» в целом. Демократично ли право участников собрания на «селекцию» кандидатов – отсечение избирателей от всего числа выдвинутых ими кандидатов? Участникам собрания предстояло выдвинуть и взвесить альтернативные варианты, в том числе и предложение отказаться от *отбора* и проголосовать за включение всех кандидатов в избирательные бюллетени. Этот, в общем-то элементарный, вопрос по поводу представительной и прямой демократии следовало изучить с точки зрения всех его этических последствий.

КАК ВИДНО уже из эскиза сценарного замысла практикума, мы не могли себе позволить забыть о задаче испытания *формальной* процедуры окружного собрания на взаимосвязь *этики* и *техники* политической борьбы – прикладная этика получала здесь возможность выйти за рамки «обслу-

живания» конкретного проекта, наработывая универсальное ноу-хау для своего развития.

Соответственно, этическое акцентирование замысла игрового моделирования предполагало рефлексию вопроса, который и до сих пор не потерял актуальности. Не слишком ли много внимания при «проживании» нововведения участники предвыборного собрания уделяют процедурным моментам? Не потеряют ли чувство реальности и не создадут ли иллюзорный мир, в котором азартный и изощренный поиск процедурных альтернатив опустошает душу и волю (где уж тут помнить о духе демократии)? Практикум вполне может пойти легким путем оправданий: и закон технологически не проработан, и у избирателей с кандидатами мало политических навыков... Но можно встать и на более трудный путь. Как совместить «дух» демократии и его «плоть» – четкий процедурный механизм? Средства без цели слепы, но и цели без средств пусты.

3.2. Стенографические фрагменты практикума с краткими комментариями

В течение 1989 года первая попытка провести экспертизу в режиме игрового моделирования была предпринята в Ханты-Мансийске, вторая – в Тюмени и уже в отработанном виде – в Москве (по итогам столичной игры Агентством печати «Новости» был снят видеофильм). Здесь мы попытаемся представить инвариантный процесс игры на основе ханты-мансийской (полная стенограмма) и московской версий игры (сокращенная стенограмма – 50-минутный фильм).

КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛ Агентства печати «Новости». На входе – интервьюер телевидения. Вопрос главному редактору «Московских новостей», Егору Яковлеву: «Имеете ли вы хотя бы какое-то представление о том, что нам сейчас предстоит, что это за игра?». Ответ: «Я еще в отпуске, но решил приехать на игру. Мне несколько раз объясняли в парткоме АПН, что это такое, но я пока не представляю, как это будет. Лучше один раз увидеть, чем несколько раз услышать.

И мне любопытно». Вопрос профессору права Б.П. Курашвили: «Чего вы ждете от этой игры?». Ответ: «От игры жду серьезности». Тот же вопрос Б. Леушину, 1-ому секретарю Вахитовского РК КПСС г.Казани. Ответ: «Альтернативные выборы – дело новое. И есть риск, что партийные бюрократы, используя не вполне ясную процедуру окружного предвыборного собрания, навяжут своих кандидатов. И нам предстоит на игре разработать способы противостояния аппаратчикам».

В холле АПН на телемониторах – трансляция записей актуальных для темы практикума репортажей. Среди них – телесюжет об «интеллигентском» проигрыше друзей В. Коротича, пренебрегших истиной «демократия – это процедура».

На заднике сцены – плакаты: «Игра в демократию?», «Меньше слов, больше дела!», «Ну-Ну!», «Мы не пешки – мы избиратели!», «Демократия!», «Гласность!», «Даешь права!»...

А перед входом в зал, в котором должно быть смоделировано окружное предвыборное собрание в г. Ханты-Мансийске, иная игровая обстановка. По словам из репортажа (в местной газете), участники практикума попадают в «плен» временных агитколлективов: «Голосуйте за нашего кандидата, он выполнит ваши наказы!», «Наш кандидат – прораб перестройки!», «Наш – хороший парень!». Лозунги, транспаранты, с подобными надписями на стенах, в руках агитаторов.

ВЕРНЕМСЯ в конференц-зал АПН. Практикум открывает секретарь парткома АПН, Ю.В. Казаков: «Думаю, все вы согласитесь со мной, что в полосе тех революционных перемен, которые именуется политической реформой, мы как никогда остро нуждаемся в умении думать до начала дела и делать, не боясь ошибиться. В умении альтернативно мыслить, выбирать, в том числе, а может быть прежде всего, выбирать тех, кто будет далее совершать выбор за нас – по нашей доверенности, по мандату народного депутата

СССР. И мы пригласили вас в АПН, чтобы вместе поразмышлять на эту тему, но не в привычной форме (сменяя друг друга на трибуне), а в условиях общественно-политического практикума».

Выступление еще одного из группы ведущих – В.И. Бакштановского: «В наши дни часто звучит выражение “мы учимся демократии”. И это действительно так. Только менястораживает выражение “учимся”: как будто у нас уже есть учителя и они (заранее зная ответ – и он представлен в конце задачника), как талантливые педагоги-методисты, лишь играют со школьниками в поиск. Потому хорошо бы уточнить ситуацию: сегодня мы пришли не в “школу демократии”, а в “лабораторию демократии”. У нас нет готовых решений: ни у авторов этой игры, ни у ее участников – соавторов игры. И нам предстоит в условной форме провести коллективный поиск: как овладевать первыми шагами нашей демократической жизни».

И наконец, *основной* ведущий, секретарь Ханты-Мансийского окружкома КПСС, В.А. Чурилов: «Нам предстоит испытать на себе процедуру окружного предвыборного собрания. Нарботать опыт его проведения. И передать этот опыт другим».

На практикуме в Ханты-Мансийске, первом из серии игр на эту тему, В.А. Чурилов обстоятельно мотивировал его проведение. «“Партия идет на выборы” – такую фразу мы часто слышали от комментаторов зарубежной политики, а у нас все было иначе. Сегодня наша партия действительно идет на выборы. Но умеет ли она выигрывать в открытой борьбе? В борьбе, а не в ситуации беспроеигрышной. Кто научил нас сравнивать политические платформы, формировать избирательные программы, обеспечивать незабюрократизированную работу групп поддержки, выбирать кандидатов из множества возможных? Никто, мы этим никогда не занимались, для нас все это в новинку. Спросите у меня: что я умею? Умею организовать работу партконференции, заорганизовать и сделать нудным пленум, придать партсо-

бранию такую форму, что трудно досидеть до конца и все проголосуют так, как надо. Но в нашей практике еще не было окружных предвыборных собраний, которые должны идти не по канонам демократического централизма, а по закону, канонам, которые еще надо суметь реализовать».

СНОВА возвращаясь в конференц-зал АПН, мы присутствуем при формулировании стартового задания алгоритма игры – процедуры его открытия.

«Вводная»: в окризбирком предварительно было представлено 204 фамилии участников окружного предвыборного собрания. Зарегистрированы на данный момент и присутствуют на собрании 165 человек. Таким образом, собрание правомочно. Открываем собрание?

И сразу же игровая («условно-серьезная») проблематизация: группа «Лестница» (известное по тем временам изобретение молодежной редакции Центрального ТВ) сообщает, что не всех желающих попасть на собрание пропускает милиция. И предлагает не открывать собрание, ввиду не демократичности его статуса.

Но ведущий проблематизирует игру и более серьезными аргументами: «Помимо зарегистрированных участников, в зале присутствуют работники СМИ и представители общественности без права голоса на окружном предвыборном собрании. Предстоит определиться, можно ли разрешить присутствие на собрании граждан, которые в голосовании участвовать не будут?».

Казалось бы, мелкий вопрос. Но развернувшаяся полемика показывает, что за ним – вполне значимое содержание. После весьма горячего обсуждения принимается конструктивная рекомендация в адрес окружной избирательной комиссии о необходимости формировать специальные мандаты и выдавать их как средство удостоверения личности для участия в окружном избирательном собрании. Кстати, факт в пользу тезиса об элементах спонтанности в игре: в сценарной разработке игры этот ход не был предусмотрен. Собрание открывается.

Далее – снова регламентная процедура: определение повестки дня собрания. Правда, она заранее сформулирована законом. Затем голосуются и принимаются предложения о регламенте времени для сообщения кандидатом своей предвыборной платформы, для участия «зала» в ее обсуждении, для ответа кандидата на вопросы (не более одной минуты). Голосуется предложение о составе счетной комиссии. Все более-менее просто.

Но, как было отмечено выше, далее сценарием предусмотрена дискуссия по процедурному вопросу о форме голосования: открытой или закрытой, тайной. Согласно закону о выборах, решение этого вопроса ложится на самих участников собрания. И, как было не трудно предвидеть, на игре проявятся сторонники и первого, и второго вариантов.

По фильму мы видим лишь выступления в пользу варианта 2: «Только тайное!». «Я тоже предлагаю тайное голосование. При открытом голосовании будут брать приоритет групповые интересы. Мы знаем, что каждый кандидат привел с собой команду. А представим себе, что я работник конкретного трудового коллектива. Но мне больше понравилась программа не моего, а другого кандидата. Если я должен буду голосовать открыто и подниму руку за другого кандидата, то рядом сидящие товарищи будут косо смотреть на меня».

А в стенограмме практикума, проведенного в Ханты-Мансийске, читаем, что ведущий все же решил побудить участников собрания отразить оба возможных варианта, добавив к аргументам варианта 2: «В открытом голосовании больше искренности, да и чего нам скрывать?!».

Сценарная разработка этого игрового задания вполне подтвердилась: в защиту варианта 1 было сказано, что тайное голосование затянёт процедуру, что честнее будет, если каждый участник открыто заявит свою позицию. В защиту варианта 2 был приведен один довод – тайное голосование более демократично. Видимо, совсем не случайно большинством голосов на практикумах и ханты-мансийском, и

московском принимается тайная форма проведения голосования.

ВТОРОЙ шаг алгоритма практикума. Участникам окружного собрания хочется перейти, наконец, к чисто содержательным вопросам. Ведь подразумевается, что условием наиболее объективной оценки кандидатов участниками собрания является наличие предвыборных платформ: именно эти платформы должны сориентировать избирателей. Однако ведущий, ссылаясь на необходимость предоставить кандидатам в депутаты возможность подготовиться к выступлениям, организовал предусмотренную сценарием дискуссию: «Какой депутат нам нужен?». Проблематизация дискуссии: «Каждая ли кухарка должна управлять государством? И что будет с государством, если им будут управлять кухарки?».

* Первое выступление в дискуссии. «Я расскажу реальную ситуацию, которую недавно наблюдал. 6 января на собрании трудового коллектива колхоза им. Ленина (в селе Чикало Еравского района Северо-Осетинской ССР) было предложено выдвинуть кандидатом на выборах известного советского ученого-политолога Салтана Дзарасова и главного агронома колхоза Руслана Церикаева. В итоге голосования победил не известный ученый, а местный агроном. Почему? Вот какой диалог состоялся у меня с участником собрания.

«За кого вы голосовали?» – «За Церикаева. Я уверен в том, что он пробивной человек. Если он будет депутатом, он принесет пользу не только колхозу, но и моему району». – «Вы считаете, что депутат должен быть толкачом колхоза в Москве?» – «А как же? Без толкача не бывает».

Возникает вопрос: «Кем же должен быть наш народный депутат? Толкачом, который будет выбивать трубы, гвозди для своего родного колхоза, или политиком, профессиональным политиком?».

* Второе выступление. «Сам вопрос: политик или толкач? сегодня надуман. Дело в том, что народ устал от кра-

сивых политических речей. И когда мы выдвигаем кандидата в депутаты, каждый думает о том, как будет жить и что этот депутат сделает для него».

* Третье выступление. «Вообще спор на тему толкач или политик мне кажется ложным. Кандидат в депутаты должен быть личностью. И главное, что должно ее отличать, – при решении любых, даже самых важных, вопросов эта личность не сможет нанести морального и психологического ущерба окружающим».

* Четвертое выступление. «Мне кажется, что мы отвлекаемся. Дело в том, что говоря об эталоне кандидата, каким хотим видеть этого кандидата, мы делаем упор на личные качества. Это, конечно, важно. Для меня, например, три главных качества – честность, компетентность и инициатива. Но не пострадает ли от нашего увлечения личными качествами кандидатов социальный состав депутатов?»

* Пятое выступление. «Нам нужны такие депутаты, которые способны разработать закон, которые знают, что нужно народу и как это претворить в жизнь через те самые законы».

* Шестое выступление. «Не в том дело, с какого закона он начнет свою работу, а в тех принципах, которых он будет придерживаться».

Кажется, что это задание разработчики игры придумали только для того, чтобы заполнить паузу (пока кандидаты готовятся представить свою платформу). Но благодаря вне регламентному (с точки зрения закона о выборах) заданию участники игры перед тем, как обсуждать платформы кандидатов, получили возможность задуматься о том, каким должен быть кандидат. Им не удалось найти общезначимый ответ. Но и сами предложенные участниками дискуссии альтернативы показательны. А факты «за» и «против» каждой из них избиратели найдут уже после реальных выборов – в деятельности избранных депутатов.

На собрании начинаются выступления кандидатов в народные депутаты.

Кандидат № 1. «Моя платформа заключается в том, что правовое государство должно быть не декларацией, а жизненным принципом, основным принципом нашей общественной и государственной жизни. Дело не в том, чтобы провозглашать законы, а в том, чтобы их реально исполнять. Я за отмену зон для критики. Я за то, чтобы не было необоснованных привилегий ни у одного слоя общества. Я за пересмотр старого законодательства, за его радикальный демократический пересмотр, – чтобы право, законы совершенствовались в духе времени. Я за бескомпромиссное, непримиримое отношение к любым проявлениям бюрократизма, местничества, ведомственности».

Кандидат № 2. «Я предлагаю вам в своем лице народного депутата, создавшего и успешно испытывавшего живой инструмент, разрешающий проблемы, которые мешают вам быть счастливыми, а нашему обществу быть совершенным. Поддерживающая группа доверенных лиц (часть из них сейчас находится в зале) состоит из аналитика, экономиста, юриста, специалиста по строительству, транспорту и социальным вопросам. Став народным депутатом, я дополню эту группу социологом, журналистом, медиком, психологом и режиссером. Во всей своей деятельности я собираюсь заниматься только одним – решением конкретных проблем, которые вы, избиратели, будете ставить передо мной и которые я буду решать с помощью созданного мною комитета. Могу, в частности, их перечислить: проблемы жилья, торгового обеспечения, чистоты окружающей среды, взаимоотношений с неформальными объединениями района, досуга и гуманитарного общения, а также проблема пешеходной и автомобильной перегруженности района и проблема пополнения районного бюджета. Таким образом, голосуя за меня, вы голосуете за гарантии решения проблем, которые не дают вам спокойно жить».

Кандидат № 3. «Моя социально-экономическая и политическая программа сводится к следующему – социалистическая собственность хозяев. Что это значит? Первое –

внедрить повсеместно аренду, акционерные общества, кооперативы, индивидуальные предприятия. Все они работают в едином режиме, режиме кооперативов. Второе – землю тем, кто ее обрабатывает. Развитие долгосрочной семейной и фермерской аренды. Сохранение только тех рентабельных колхозов и совхозов, которые могут давать прибыль и не быть убыточными. Третье – доходы по труду. Снятие всех ограничений на размеры заработков, время работы, совмещение и т.д. Единственный регулятор – прогрессивный налог. Четвертое – республикам и регионам экономическую самостоятельность. Распределить владение государственной собственностью между центром, республиками, краями, областями и местными советами. Каждый из этих владельцев будет выступать арендодателем. Далее. Лучший орган управления тот, без которого можно обойтись. Упразднение отраслевых ведомств, сокращение в условиях самостоятельности предприятий аппаратов управлений всех уровней в пять-десять раз. Почти полная ликвидация платного аппарата общественных организаций. Если вы отдадите голоса за то, чтобы включить меня в список кандидатов в народные депутаты СССР, я буду добиваться в верховном законодательном органе Союза СССР создания фонда развития каждого района, в том числе ленинского и киевского районов. Что означает фонд развития районов? Это 10 – 15% от прибыли предприятий, учреждений и других организаций и всевозможных служб, работающих в районе, в фонд социального развития. Далее – районный исполком, жители района могут путем референдума определить, какую конкретно экономическую и социальную программу они будут решать сами».

Кандидат № 4. «Привлечь ваше внимание к моей предвыборной платформе мне несколько сложнее, чем моим оппонентам. Этому несколько веских причин. Во-первых, я представитель того класса бюрократии, представитель тех 18 миллионов, о которых сегодня говорят на всех страницах прессы. Во-вторых, я сегодня представляю ту отрасль, ко-

торая не решила пока одну из трех (названных на 19-ой партконференции) социальных главных проблем, а именно – товары для народа. Свою короткую предвыборную платформу я разделил бы на три части. Первое – за что я буду голосовать в верховном органе нашей власти, – за ту платформу, которая опубликована в «Правде». В области хозяйственной реформы дополнительно я бы обязательно проголосовал за внедрение межрегионального и, естественно, регионального хозяйственного расчета и за перевод на арендные отношения всех предприятий, организаций и лиц. Второе. Какими формами и методами я бы стал решать проблему насыщенности рынка непродовольственными товарами. Прежде всего – за счет перевода всех предприятий на арендные отношения. Только в легкой промышленности это плюс 20%».

Кандидат № 5. «Мне бы хотелось прежде всего сказать, что моя программа будет касаться моего любимого города. “Город и мы, его жители” – может быть, условно так назвать эту программу. Социальная программа развития города Москвы мне представляется таким образом. Здесь уже говорилось о жилищной проблеме, которая касается любого города, любого большого города, тем более столицы. Проблема любого города актуальна для всех жителей страны. Так что, решая социальную программу Москвы, мы выходим на проблему большого города по всей стране. Голосуя за программу, которую я вам изложил, вы голосуете за нормальную жизнь в нашем городе, за законодательное закрепление программы развития города, поскольку все перечисленные положения ее должны быть законодательно закреплены. Это, с моей точки зрения, представляется единственной прочной гарантией решения вопроса».

Вопросы кандидатам, выступления критиков и групп поддержки. Реплики, эмоциональные выкрики... Равнодушных не было.

Комментируя в видеофильме этот этап игры, один из группы ведущих сказал: «Вы знаете, даже я забыл, что у нас

всего только игра: мне захотелось стать арбитром, высказаться по поводу той или иной платформы. Не забудем, что по условиям игры у кандидатов было всего только 24 часа на подготовку платформ, и с этой точки зрения да не судимы будут они. Конечно, в задании «Платформа» ценнее процесс поиска, сама попытка сформировать платформу, чем результат. И все же я бы хотел обратить внимание на кандидата номер 2. Он, по-моему, открытие как личность, как тип кандидата в депутаты; мне кажется, он предложил нам своеобразное социальное изобретение. Показал метод, с помощью которого будущий депутат будет решать встающие перед ним вопросы. Метод проблемного комитета, мозгового центра. Думаю, что это изобретение пойдет на вооружение реальным депутатам».

ПЕРЕХОДЯ к третьему этапу алгоритма практикума, ведущий предлагает продолжить рассмотрение процедурных вопросов, в данном случае – о числе кандидатов в регистрационный список и о числе голосов, которые может иметь каждый участник окружного предвыборного собрания. И подчеркивает: «Я вновь и вновь обращаю ваше внимание на то, что мы с вами конструируем процедуру, доселе нам неведомую и абсолютно не технологизированную ни законом о выборах, ни последующими инструктивными письмами Центризбиркома».

На практикуме в Ханты-Мансийске представитель группы «Дискуссионная трибуна» обратился к собранию: «Председатель уводит нас от сути. Почему мы должны определять “оптимальное число”, отсеивать кандидатов? Давайте откажемся от предложения председателя сэкономить время участников собрания. Это коварное предложение».

Как уже было сказано выше, особенность практикума в АПН – участие экспертов. И они внесли важный вклад в развернувшуюся дискуссию. Причем не только с формально-правовой позиции, но и с позиции морально-правовой.

Представитель ЦИК. «Я буду краток и конструктивен. По итогам обсуждения окружное предвыборное собрание при-

нимает решение о представлении кандидатов в депутаты для регистрации в окружную избирательную комиссию. К регистрации представляется любое число кандидатов в народные депутаты. Решение принимается большинством голосов участников собрания и считается принятым, если за него проголосовало более половины участников собрания, присутствующих на нем».

Профессор права. «Откровенно говоря, закон не вполне ясен. Сказано – “к регистрации представляется любое число кандидатов в депутаты”. Теперь допустим, что наше окружное избирательное собрание принимает решение представить к регистрации всех пятерых кандидатов. Нужно ли в этом случае каждому из них собирать больше половины голосов для того, чтобы быть зарегистрированным? Из закона этого не следует. Если собрание считает, что представление пяти кандидатов не приведет к каким-то техническим затруднениям в процессе выборов и к путанице у избирателей, то оно тем самым снимает вопрос о том, чтобы ставить на голосование каждого кандидата. Я думаю так: если мы решим, что представляем всех кандидатов, то не нужно голосование по каждой кандидатуре в отдельности».

И сразу же вопрос из зала: «А зачем мы тогда здесь собрались? Если кандидатам не нужна наша 50-ти процентная поддержка, за что они здесь боролись? Нам от вас как от эксперта важно знать, что говорит закон, а не то, что вы считаете демократичным или не демократичным».

В итоге полемики ведущий констатировал, что собрание не поддержало идею об установлении оптимального числа кандидатов (о котором надо было бы договариваться от имени окружного предвыборного собрания и затем вносить его на регистрацию), и предложил действовать пунктуально в рамках закона. «Идем к урнам, голосуем, и тот из кандидатов в депутаты, кто наберет больше половины голосов, будет представлен к регистрации».

Видеофильм фиксирует попытку телеинтервью у кабин для голосования.

– Извините, пожалуйста, вы мне по секрету не скажете, за кого вы голосовали?

– Я голосую за трех кандидатов: первого, третьего и четвертого.

– А я не могу открывать этот секрет. Это настолько серьезно.

– Я голосую за второго кандидата.

В это время в зале – экспромт-прогнозирование результатов голосования.

– Мне кажется, победит тот кандидат, кто наиболее близок к большинству аудитории. Поскольку большинство аудитории, как мне известно, работники партийного аппарата, победит кандидат под номером 4.

– Результат будет очень своеобразный. Может быть, даже никем не предполагаемый.

– Я думаю, что победит первый кандидат, потому что именно с решения правовых вопросов можно начинать развитие демократических начал в нашем государстве.

– У меня такое впечатление, что победит третий кандидат. Почему? Потому что его программа утопична. Очень утопична. Но она привлекательна.

– Мне кажется, наибольшее число голосов соберут первый и третий кандидаты. Потому что мы зациклились на привлекательности платформы, но кандидаты должны кроме того еще и просто понравиться избирателям. Первый и третий действительно привлекательны: личное обаяние, интеллект и прочее. Они стараются понравиться избирателям.

Счетная комиссия объявляет результаты. Для тайного голосования раздали 130 бюллетеней. В избирательных ящиках – столько же – 130. Все бюллетени признаны действительными. При подсчете голоса распределились следующим образом. Кандидат № 1: за – 70, против – 60. Кандидат № 2: за – 62, против – 68. Кандидат № 3: за – 66, против – 64. Кандидат № 4: за – 60, против – 70. Кандидат № 5: за – 36, против – 94.

ПРАКТИКУМ завершается. В рамках подведения итогов игры ее участники выступают с комментариями.

– По итогам этой игры я делаю такой вывод: окружное предвыборное собрание – это искусственная бюрократическая инстанция, в принципе не нужная.

– С первых же минут этого собрания можно было заметить расплывчатость и нечеткость всех его процессуальных моментов.

– Я хочу в знак протеста сказать, что разработчики этой игры моделировали окружное предвыборное собрание как самоуправляющуюся систему. И то, что вы называете «расплывчатостью» – не что иное, как вариативность хода собрания (реплика ведущего на второй комментарий).

ЗАВЕРШАЮЩИЙ этап практикума. Выступления двух разработчиков сценария.

* В.И. Бакштановский: «Для большинства цивилизованных государств то, чем мы сегодня занимались, конечно, показалось бы очень смешным. Но мы с вами должны были пройти через эту *школу*. А точнее – *лабораторию*. Должны были создать такого рода лабораторию, чтобы на самих себе поставить эксперимент: готовы ли мы к новой ситуации выбора? Испытать свою готовность на частном случае, на фрагменте большой системы выборов – “Окружном предвыборном собрании”.

Мы поставили перед собой и участниками игры намеренно заостренный вопрос: что в демократии важнее – смысл или процедура? Нужны ли для демократии процедуры, которые многим кажутся скучными и совсем не обязательными? Но, может быть, они все-таки обязательны, потому что если демократию в процедуру не заложишь, то как она будет существовать?

Мне кажется, что мы выступили (если я слишком хвалю сегодняшнее действие, то вы меня поправите) социальными изобретателями. Мы технологически “примерили” закон о выборах. Его нужно “примерить”, испытать организаторам предвыборных кампаний; партийному активу, который со-

брался на игру; общественности, гражданам, стремящимся принять участие в правотворчестве.

И последнее, что я хочу успеть сказать (из-за жесткого регламента). Мы сегодня смоделировали многие аппаратные ловушки, в которые нас могут поймать во время выборов; и ведущий, как вы все отметили, талантливо нам их продемонстрировал. Ваше дело догадываться – на самом деле ведущий такой изощренный “аппаратчик” (пользующийся этими ловушками в своей работе) или он только для нас сегодня старался. Но большую часть собравшихся он несколько раз поймал в такие ловушки. И это было очень обидно. Но пусть уж мы обидимся на игре, а в жизни не будем попадаться в эти ловушки.

По-моему, практикум прошел не зря. И, может быть, скептический вопрос на плакате – “Игра в демократию?” – смягчится после того, когда мы разберемся в том, что сегодня произошло».

* Ю.В. Казаков: «Мне кажется, что мы с вами поняли главное. При том, что регламенты необходимы, что демократия без регламента реально невозможна, регламенты – это всегда политика. И очень важно как на реальном окружном собрании будет использован его регламент. Будут ли это *правила* игры, как у нас с вами сегодня, или это будет *правило*, которым кормчий – очень ловкий, но совсем не демократичный – будет нас сгонять в один угол, туда, куда ему надо.

Самое важное из того, что происходило в течение всей игры, – поведение ведущего. Он действительно изо всех сил старался дать нам возможность понять, почувствовать, “примерить” на себя альтернативность вариантов: один, второй, третий. “Примерить” их пока на игре. Но это важно для нашего с вами будущего, важно для выживания страны и каждого из нас. Я очень рад, что в обращении Центрального Комитета партии есть слова “У нас есть шанс”. Этот шанс – Перестройка. У нас действительно есть шанс и мы с вами отвечаем за то, как он будет использован».

3.3. Результаты практикума

Оправдались ли намерения организаторов и разработчиков практикума «Окружное предвыборное собрание»? В какой мере реализовались ожидания участников практикума?

НАЧНЕМ со второго вопроса, приведя фрагменты интервью, взятых *после* игры у *реальных* кандидатов в народные депутаты и работников избирательных комиссий, на тему: «Что дала вам сегодняшняя игра?».

* Е. Яковлев, кандидат в народные депутаты: «Прекрасная затея, уже потому, что она показывает состояние демократии, наше понимание демократии, наше очень поверхностное отношение к программам депутатов. Что я услышал от участников игры. Каждая программа строится на том, что избранный кандидат будет более порядочным, чем были другие, и поэтому у него все пойдет удачно. Это смешно... Игра мне очень помогла: она меня убедила в том, что кандидату в депутаты нужно быть максимально искренним. До этой игры я бы, наверное, не стал говорить во время встреч с избирателями, что моя задача добиться Перестройки без “черных закоулков”. Прежде всего, в гласности: она сильно ограничена сегодня и вовсе не соответствует тем нормам, которые провозглашены. Если у меня хватило силы отстаивать гласность в “Московских новостях”, то и на Съезде народных депутатов хватит на это сил. Раньше, до этой игры, не решился бы так сказать».

* А. Исаев, кандидат в народные депутаты от Фонда социальных инициатив: «Полтора часа ушло на выяснение процедурных вопросов. Вполне возможно, то же самое повторится на окружном предвыборном собрании. Урок, который я извлек здесь: как показала сегодняшняя игра, всегда есть возможность объявить предвыборное окружное собрание недействительным. В силу того, что, как правило, мандаты собравшихся может проверить только избранная ими мандатная комиссия, а избирать ее можно только в том случае, если все собравшиеся обладают правом голоса, то

есть, когда проверены их мандаты. Здесь мы увидели ряд явных изъянов в законе. И поскольку я их увидел, смогу использовать.

Что касается полемики, которая развернулась вокруг программ кандидатов, я ожидал более серьезных, более взвешенных вопросов. Процедурные моменты были небезынтересны».

Журналист: «А что вы можете сказать по поводу демократического характера этой игры?»

А. Исаев: «Как и многое происходящее в наши дни, игра носила волюнтаристски-демократический характер. Это была демократия, которая временами перемежалась волюнтаризмом ведущего: “Нет, подождите! Мы сейчас проголосуем и тогда определим”. Игра показала, что в связи с неразработанностью демократических процедур, отсутствием навыков культуры, зачастую подобного рода мероприятия приходится проводить при очень сильном волюнтаристском нажиме. Мне доводилось участвовать в конференциях неформалов, там то же самое. Дикая неразработанность процедурных вопросов позволяет заменять дискуссию по содержанию дискуссией по процедуре».

* В. Савицкий, заведующий отделом Института государства и права, кандидат в народные депутаты: «Здесь все было так здорово разыграно, иногда я забывал, что нахожусь на игре. Я переживал, очень нервничал, когда моему alter ego, играющему роль кандидата в депутаты, задавали вопросы. Я понял, что программа моя, если меня, конечно, допустят до этого этапа, должна быть, наверное, очень политической, глобальной и, в то же время, в ней должны быть рациональные крупницы конкретной деятельности. Это сочетание теперь стало для меня самой важной и самой сложной задачей. Попробую к этому подготовиться».

* С.Н. Леонов, председатель окружной избирательной комиссии: «Если учесть, что альтернативные выборы проводятся в нашей стране впервые и, соответственно, наша окружная избирательная комиссия собрана из людей, кото-

рые впервые проводят такую работу, то деловая игра, которую мы наблюдали как бы со стороны, безусловно, поможет нам в работе. Я считаю, что смоделированное окружное собрание прошло при полной демократии».

ОТДЕЛЬНО рассмотрим отражение *игрового* опыта практикума в проведении *реальных* окружных собраний.

* Мнение члена избирательной комиссии по Ленинскому территориальному избирательному округу № 1 о первом в Москве окружном предвыборном собрании (из интервью корреспонденту «Московской правды»). «Заорганизовывать это мероприятие мы не хотели. Но тем более нельзя было терять над ним контроль. Решили сначала смоделировать собрание – провести “деловую игру”. Как ни странно, специалистов по ее проведению смогли найти далеко за пределами столицы – в Тюмени и Ханты-Мансийском округе. Во время игры обнаружили в законе о выборах немало процессуальных неясностей. И заранее подготовили к ним тех, кому предстояло проводить собрания. Надо сказать, что это им здорово помогло».

* Мнение о результатах игрового поиска журналиста В.Н. Дымарского, представленное на страницах «Московских новостей». «Как очевидец этого “мероприятия” могу засвидетельствовать: премьера удалась. Игра, по общему признанию, принесла огромную пользу и сидевшим в зале кандидатам в народные депутаты, которые “примеряли” на себя новый “костюм” новой роли и новой процедуры; и членам окружной избирательной комиссии, убедившимся в том, как много неожиданностей их подстерегает в реальной жизни; и “группам поддержки”, учившимся в игровой ситуации технике и тактике избирательной борьбы, защите своего кандидата.

...Потом жизнь поставила перед обществом новые проблемы, и вроде бы стал уже забываться тот короткий этап, когда изобретенные законом о выборах окружные собрания подняли волну эмоций, одобрений и порицаний. Но еще раз вспомнилась та игра в дни работы первого Съезда народ-

ных депутатов: сколько времени, особенно на первых порах, было потрачено на процедурные вопросы, на выработку той необходимой технологии, без которой, как выяснилось, демократия не только не может себя защищать, но и вообще рискует погибнуть».

ОБРАЩАЯСЬ к вопросу о мере реализованности намерений разработчиков практикума, необходимо не забыть содержание представленного выше сценарного замысла, наши комментарии по ходу игры, заключительные выступления ведущих.

Но вот, что следует обязательно дополнить.

1. Показала свою многогранную эффективность сама технология игрового моделирования. Прежде всего потенциал сочетания в игре *условного* и *серьезного*.

– Ведущий намеренно смоделировал все возможные «аппаратные хитрости» для манипулирования процедурами собрания и тем самым дал возможность участникам реальных собраний противостоять им. Например, не поддаваться на идею оптимизации числа кандидатов и голосов каждого избирателя.

– Условный кандидат № 4 на игре в Ханты-Мансийске, говоря о себе «вроде кандидат игрушечный, а волнуюсь всерьез», вошел в роль и выстроил платформу так качественно, как если бы выдвигался в реальные кандидаты. (Реплика одного из участников игры об этом кандидате: «насобачились играть, не поймешь, где говорят серьезно».)

– Реальные кандидаты выставили на Практикуме в АПН свои «тени», чтобы «обкатать» свои платформы. На практикуме в Ханты-Мансийске один из кандидатов на предварительной консультации с разработчиками игры задал вопрос о социальном составе участников игры – чтобы более качественно бороться за их голоса.

– Выступление на игре в АПН одного из участников реальной предвыборной кампании в Казани дало возможность в формате его рекомендаций передать опыт борьбы за го-

лоса избирателей, далеко не исчерпывающейся созданием платформы.

– Сработала созданная на игре в Ханты-Мансийске игровая группа «Демократическая трибуна». Эффективным был процедурный шок, создаваемый на практикуме в АПН игровой группой «Лестница». Кстати, эта технология не дала превратить оба практикума в «игры между функционерами», сделать их «игрой в игру», как это произошло на практикуме в Тюмени.

– Обратим внимание и на изобретательский потенциал игры: находка агитатора одного из кандидатов – блицинтервью с самой собой.

2. Осознавали ли разработчики практикума, что в ситуации *переходного периода* намерения и результаты приложения ценностей политической этики не могли не иметь *компромиссный* характер, не могли не быть *ограниченными*?

Как уже отмечено в предварительных замечаниях к разделу 2, мы разрабатывали и применяли наше ноу-хау в ситуации *ограниченного* обновления политического этоса. И эту особенность ситуации осознавали в определенной мере. И предвидели возможную критику. В том числе будущую критику идеологии этого практикума участниками обсуждения представленного выше видеофильма на Всесоюзной конференции по этике в МГУ.

Научное сообщество на Западе давно и основательно вовлечено в консультирование больших политических компаний, в том числе и с этической точки зрения. Одной из доступных нам форм демонстрации ноу-хау прикладной этики стало обсуждение видеофильма об этой игре на Всесоюзной конференции по этике в МГУ. Мы сами инициировали эту акцию в виде заседания секции «Политика и мораль».

Участникам этой секции было предложено обсудить целый ряд вопросов. Ясно, что в их числе были вопросы, зна-

чимые для развития прикладной этики, становящейся в те годы в качестве самостоятельного направления:

* Что увлекает участников игры? Осваивая роль избирателей, они рассчитывают на обретение большей свободы в реальной политической борьбе? Или их волнует азарт борьбы, свойственный всякой игре?

* Возможно ли средствами морали активизировать политическую борьбу? Или задача морали – прежде всего оберегать политику от беспринципности, макиавеллизма?

* Можно ли средствами политической этики содействовать достижению наибольшего народовластия в процессе выборов?

* Возможны ли научная этическая экспертиза и консультирование ситуаций политической борьбы? Или реальна лишь обычная моральная оценка таких ситуаций, как и всяких других? Если этическая экспертиза возможна, то что является ее предметом? Степень демократичности? Дух справедливости? Или процедурная сторона?

В то же время мы просили участников этой своеобразной «экспертизы экспертизы» ответить и на такие вопросы.

* Можно ли игру «Окружное предвыборное собрание» квалифицировать как способ диагностики нравственных состояний общества?

* Такая игра – что это для ее участника? Способ освоения роли избирателя или отработка инструмента власти для манипуляции выборами?

* Какова с точки зрения этики мера ответственности выборщиков? Определение оптимального числа кандидатов? Или следует делегировать выбор самим избирателям?

Для этического сообщества тех лет важнее был сам прецедент такой «экспертизы экспертизы». И рассчитывать на рефлексию коллег можно было, разумеется, прежде всего с точки зрения общеэтического, а не этико-прикладного подхода, в том числе потенциала игрового моделирования. Тем не менее некоторые из участников секции были весьма конструктивны.

А.И. Титаренко отметил необходимость анализа моральных позиций, явно или скрыто представленных в платформах кандидатов, и не только их анализа, но и этического консультирования. Ю.М. Федоров подчеркнул, что участие этиков в такого рода проектах должно отличаться от роли социологов: этика должна быть в оппозиции наличной реальности, при этом учитывать, что потребности в «школе демократии» есть не только у партактива, но и у «неформалов». Последнее требование поддержал еще один участник обсуждения: такого рода игры развивают лишь бюрократическую этику, компромисс этики с бюрократией работает лишь на интересы бюрократии, а этика должна способствовать возникновению других политических интересов. Ю.В. Согомонов полемизировал с Ю.М. Федоровым по поводу его тезиса о конформистской роли социологии и оппозиционной роли этики: позиция прикладной этики – понимание возможных в переходной ситуации требований демократии и защита того, что соответствует максимуму возможного уже сегодня. В свою очередь, Н.Д. Зотов полагал, что избиратель может беспокоиться: не дурят ли его с помощью игр, а потому необходимо в большей степени развернуть эту технологию в пользу избирателя. А по мнению Р.В. Петропавловского, избиратель и должен беспокоиться: аппарат начал свою «игру» задолго до того, как придумал процедуру окружного предвыборного собрания.

Мы полагаем, что этот практикум меньше всего был ориентирован на конформизм. Аргументы?

– Практикум дал возможность «прожить» несколько вариантов-моделей собрания. Полярные варианты: собрание «умывает руки», делегируя ответственность всем избирателям – или в порыве гиперответственности (или бюрократической подстраховки) лишает избирателей возможности выбора. Между этими полюсами: собрание определяет меру своей ответственности.

– Конструируя игру, мы предполагали не просто моделированием испытать процедуру окружного предвыборного

собрания, но и подвести ее участников (и тех, кто будет изучать снятый во время игры видеофильм) к необходимости рефлексии о природе такого рода «изобретений».

Своеобразным подтверждением реализации нашего намерения может служить суждение корреспондента «Московских новостей». Он, разумеется, показал и эффект игры в отработке процедуры. «Около двух часов “Окружное предвыборное собрание” не могло открыться из-за разного рода процедурных проволочек. То обсуждали, что делать с рвавшимися в зал “неформалами”, то давали отвод счетной комиссии, то решали вопрос о том, насколько и в какой степени правомерна наглядная агитация за кандидатов. Была борьба кандидатов и их программ, было тайное голосование, был и счастливый “победитель”, наиболее удачно прошедший через “сито” каверзных и далеко не всегда деликатных и этических вопросов».

Но не менее важно, что журналист отметил и другой эффект игры: «И именно тогда, еще до того, как общественное мнение, проверив нововведение на практике, вынесло ему обвинительный вердикт, уже прозвучал вывод, к которому подтолкнула игра: давайте задумаемся, уважаемые участники окружного собрания, не слишком ли много мы на себя берем, делая свой выбор в пользу одного или двух кандидатов? Ведь среди отсеянных может оказаться тот, кого предпочтут потом избиратели».

Две реплики в заключение.

1. До краха КПСС оставалось полтора года, но мало кто в то время предполагал такой финал.

2. В этом проекте прикладная этика продемонстрировала свою практическую востребованность и создала определенные наработки *универсального ноу-хау* для развития политической этики.

Глава 4

**Диагностика этноэкологического конфликта
и проектирование его политического решения:
«освоение без отчуждения»**

Справка: «Самотлорский практикум-2» (девиз: «Освоение без отчуждения») – игровое моделирование стратегий справедливого политического решения этноэкологической проблемы малочисленных народов Тюменского Севера в ситуации интенсивного формирования нефтегазового комплекса страны – состоялся 1-3 июня 1989 года в Ханты-Мансийске. Авторы идеи и сценария практикума: Е.Айпин, В.Бакштановский, В.Чурилов. Ведущие: В.Бакштановский, В.Чурилов.

4.1. Проблемная ситуация и идея проекта

ДЛЯ «ВВЕДЕНИЯ в обстоятельства» – характеристики *проблемной ситуации* – воспользуемся фрагментами рефлексии авторов и ведущих практикума в ходе интервью с корреспондентом АПН Ю.В.Казаковым¹. «Как лицо заинтересованное в успехе “Самотлорского практикума-2” (уже в силу того, что АПН – его соучредитель), я хочу услышать от вас ответ на вопрос, заданный мне одним из коллег: корректно ли опережать выводы будущего пленума ЦК КПСС по межнациональным отношениям, выбирать для деловой игры такую горячую проблематику, как этническая? И не слишком ли велик «замах» в формулировке ее темы?».

В.Чурилов. В округе, где из 1270 тысяч жителей менее 20 тысяч составляют представители коренных народов, в основном ханты и манси, и где объективные условия жизни тех и других «благодаря» «новому освоению» ухудшились

¹ См.: Гуманитарная экспертиза как шаг к выживанию // Диалог. Тюмень, 1989. № 8.

до такой степени, что мы сочли необходимым и корректным поставить вопрос об их *выживании*, (а не об «очередном этапе развития»), – ничего не может быть «не вовремя» или «слишком».

Это если говорить о самом больном. Если же рассматривать проблему шире, то свою позицию сформулирую так: за последнее время у меня окрепла убежденность, что если мы, представители аппарата системы политической власти, где-то и «наломаем дров», то именно невмешательством в межнациональные отношения. Пока мы действуем в них, как правило, прежними – «топорными» – методами и инструментами; нуждаемся же в ювелирных. Их требует сама материя предмета: хрупкая, тонкая, легко и надолго ранимая. Не выносящая как подхода «не вижу и не слышу», так и приближенности, поспешности прежде всего в том, что касается практических действий, политических, экономических, социальных, культурных решений.

Сегодня нужны решения непременно взвешенные, научно обоснованные и – понимаемые, принимаемые, поддерживаемые (в идеальном варианте – инициированные) теми, во имя кого они принимаются. А качество таких решений во многом определяется, на наш взгляд, уровнем политической культуры лиц, принимающих политические решения.

В. Бакштановский. И прежде всего – *культуры выбора*, умения жить и действовать в перестройке как в ситуации непрерывного морального выбора, осознания моральной ответственности за предлагаемое, принимаемое, проводимое в жизнь.

В. Чурилов. Если мы действительно стремимся сделать шаг вперед от общества, в котором все было предельно регламентировано, где считалось нормальным, не зазорным быть самостоятельным лишь по разрешению (или даже по указке) в отведенных границах, нам надо помнить: умение жить в условиях выбора не приходит во сне, за одну ночь. Выбору – и как процедуре, и как технологии – нужно учиться и учить.

Ю.Казаков. Но разве нельзя в этом смысле положиться на саму жизнь, на накапливаемый всеми нами практический политический опыт?

В.Чурилов. «Школа жизни» – это метод проб и ошибок. Его, особенно в пороговых ситуациях, нельзя признать идеальным: расплачиваться за огрехи, ошибки в принятых решениях должны будут реальные люди. Я думаю, кстати, что в этом и одно из объяснений, почему желание экспериментировать, предлагать и пробовать новое так слабо заметно даже в обновляющемся партийном аппарате: груз риска, страх возможной ошибки давит, сдерживает, обеспечивает победу осторожных, даже консервативных тенденций.

Ю.Казаков. Деловая игра – в том числе и способ преодолеть страх?

В.Чурилов. Да, для людей, которые должны принимать решения, она играет и роль гимнастической лонжи. Ошибешься, сорвешься на тренировке с каната (воспользуемся образом канатоходца, который любит профессор Бакштановский) – лонжа подстрахует, смягчит удар. Потом и без нее пойдешь: шаг за шагом, приучаясь вести себя в ситуации риска, ответственности за решение, необходимости решать.

Ю.Казаков. Возвращаясь к игре как способу моделирования перспективных политических и социальных процессов, можем ли мы сказать, что она позволяет вести поиск перспективного, эффективного, жизнеспособного в щадящем режиме? Что она позволяет рождающуюся в ходе перестройки политическую модель выстроить и доработать с минимальными социальными издержками, ведя эксперимент – что чрезвычайно важно – не на людях и территориях, здесь особенно легко ранимых?

В.Бакштановский. Но и не на тренажерах – не надо упрощать. Просто рискуют при этом не большие массы людей, а те, кто участвуют в моделировании политических процессов, берет на себя ответственность за экспертизу и перенесение ее результата в практическую жизнь...

По-моему, мы нашли способ «пробежать» за короткое время дистанцию, которая отделяла нас от мирового сообщества в подходе к бедам, болям, судьбам малых народов; преодолеть разрыв как в мировоззрении, в определении политической и юридической платформы решений, определяющих будущее этих народов, так и в социальных технологиях, без которых остаются нереализованными даже самые благородные задачи, цели. Это первое. Второе: мы интенсифицировали процесс политического мышления как тех, у кого сегодня властные функции, так и самого народа, прежде всего тех представителей ханты и манси, которые сегодня на нашей игре – не только коллеги по экспертизе, но «сверхэксперты».

В. Чурилов. Нам важно выработать новую – гуманистическую, человечную – платформу устройства жизни в этих местах, отличную от стратегии «нового освоения». Не менее важно нам выработать совместно и такую социальную технологию проведения этой платформы в жизнь, которая была бы действительно принята и поддержана населением. И прежде всего теми, для кого воплощение такой платформы в жизнь снимает угрозу тихого исчезновения с северных пространств в качестве этноса. Очень важно, что мы сегодня не просто *для* них, но *вместе с ними* учимся принимать и проводить политические решения – от идеи до реализации.

ОСОБЕННОСТЬ замысла практикума «Освоение без отчуждения» – применение потенциала *системного* испытания выбором, которым обладает инновационная парадигма прикладной этики. Системность в данном случае достигается тем, что предложенные участникам игры для *проживания* модели справедливого решения этно-экологической проблемы малочисленных народов Тюменского Севера в ситуации интенсивного формирования нефтегазового комплекса страны (а) выявлены в процессе предварительно – за три месяца до игры – проведенного *пилотажного* практикума в том же Ханты-Мансийске; (б)

подвергнуты двум экспертизам: в форматах экспертного опроса и изучения общественного мнения.

Подчеркнем: мы говорим об игре как о *проживании* ее участниками процесса экспертизы и консультирования политического решения – в отличие от вполне *отстраненной* ситуации экспертного опроса. В этом смысле спорно замечание участника экспертного опроса этноэколога И.И. Крупника, что в анкете для экспертов не хватает преамбулы, «раскрывающей ситуацию, в контексте которой эксперт должен отвечать на вопросы», что «нужно бы поставить экспертов не просто в абстрактную ситуацию трех разных сценариев, в схоластический выбор модели решения, а во вполне реальную, конкретную ситуацию, где твой собственный выбор как эксперта будет определяться твоей собственной нравственной позицией». Автор полагает, что «отсутствие преамбулы очень размывает ситуацию выбора, например, дает возможность совершенно естественно жить по сценарию модели № 1. Он нам всем с нравственной точки зрения кажется недостойным, но при том, как в анкете поставлена задача, выглядит вполне нормально: «ну мало ли, что идет промышленное освоение, ну и что...».

Надо ли было включать участников экспертного опроса в ситуацию более конкретно, чем мы это сделали в предваряющем анкету обращении к экспертам? Замысел проекта в целом предполагал иное решение: ситуационную преамбулу – и именно с той же целью, о которой говорил И. Крупник – мы сделали необходимым элементом такого этапа проекта, как игровое моделирование.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ роли *пилотажного* практикума является обязательным элементом предъявления ноу-хау нашего направления – мы должны опередить вопрос: «откуда взялись именно три модели?».

Официальное название пилотажного практикума – «Комсомол и молодежь народностей Севера». Его организаторами были Ханты-Мансийский окружком КПСС, Ханты-Мансийский окружком ВЛКСМ и Институт проблем освоения

Севера СО АН СССР. В нем приняли участие комсомольские работники, представители национальной интеллигенции, учащейся и рабочей молодежи народностей Севера; ученые, связанные с изучением проблем экономического, социального, культурного развития народностей Севера.

Молодежь, как известно, часть общества наиболее мобильная, нестандартно мыслящая, обладающая, с одной стороны, не успевшим еще угаснуть оптимизмом, а с другой – здоровым скептицизмом. Организаторы практикума надеялись, что, вступив в диалог с молодежью, с которой, по их мнению, легче найти общий язык, вступить в контакт, они смогут лучше почувствовать настроения малочисленных народностей Севера, их отношение к «освоителям», к представителям других народов (долгие годы живущим на Севере, приспособившимся к северной жизни и ставшим настоящими северянами), их готовность к сотрудничеству, поиску конструктивных решений.

Организаторы пилотажного практикума хотели услышать мнение ученых, занимающихся северными проблемами в различных областях знания: в экономике, социологии, этнографии и т.д. При этом важное место на практикуме отводилось этикам, поскольку предполагался поиск решений не только эффективных, целесообразных, но прежде всего справедливых.

Пожалуй, самым запоминающимся моментом практикума был просмотр документального фильма «Свет над Югрой», снятого еще в 1959 году. Идея фильма проста и наглядна. До Великой Октябрьской социалистической революции ханты и манси были лишены врачебной помощи, среди них царила поголовная неграмотность, шел процесс физического вымирания этих народов. После Октябрьской революции ханты и манси научили сеять хлеб, садить картофель; хантыйская семья перешла из чума в новый дом, у них свой умывальник (раньше, до революции, шаманы запрещали мыться). Играет веселая музыка, плещутся на эк-

ране нельмы, осетры, муксуны. Веселые лица ханты и манси на экране...

И замкнутые, недоверчивые – в зале...

Многие из представителей северных народностей хранили молчание и в процессе практикума. Вероятно, сказалась существующая в обществе тенденция скептического отношения к обществоведам: они писали об участии ханты в развитии нефтегазового комплекса, а в это время народ вымирал, деградировал. Сказалось, вероятно, и определенное недоверие к власти, чаще всего действовавшей жестко-директивно. И наконец, сам формат практикума мог восприниматься как еще одна попытка навязать чуждые для северных народов решения.

И все же в ходе двухдневной работы удалось нащупать многие «болевы́е точки» этноэкологической ситуации на Тюменском Севере. Другим результатом явилось размежевание участников практикума по трем основным направлениям в решении этой ситуации: одни – явно или неявно высказались за идею полного невмешательства в ситуацию; другие – более или менее определенно высказались за создание заповедных зон, видя в них основной путь противодействия индустриальному насилию и справедливого решения этноэкологических проблем; третьи – кто прямо, а кто с оговорками – высказались за культурную ассимиляцию, которая представляется им неизбежной, «исторически обусловленной» и т.п.

ИМЕННО на основе этого результата пилотного практикума авторами-инициаторами «Самотлорского практикума-2» и были сформированы три модели. Модель № 1 – «Невмешательство»: осознавшему свое неумение управлять ситуацией субъекту политического решения достойнее не брать на себя ответственность. Модель № 2 – «Заповедная зона»: исключить территории, где традиционно проживали коренные народности, из процесса промышленного освоения и тем самым хотя бы предотвратить физическое исчезновение этноса, столь непосредственно связанного с

природой. Модель № 3 – «Культурная ассимиляция»: контролируемая обществом ассимиляция культур, «подтягивание» их до уровня современной цивилизации.

Декларированная выше в качестве отличительной черты практикума *системность* «испытания выбором» предполагает также опору на особый эффект каждой из обеспечивающих практикум технологий прикладной этики. У них общий предмет – моделирование справедливого решения. Но если *экспертный* опрос предполагал скорее академическую позицию, аналитическую оценку трех моделей, то *игровое моделирование* включает и элемент индивидуального самоопределения, и групповую рефлекссию, и элементы проектной деятельности.

Потенциал *системного* испытания выбором, который дает ноу-хау прикладной этики, должен был сработать не только на поиск конкретного политического решения, но и на мобилизацию эффекта свободы выбора для каждой из сторон, участвующих в практикуме. Прежде всего – мобилизацию намерений и умений политиков принимать максимально возможные в данных условиях справедливые решения, искать наилучшие варианты этих решений в диалоге с представителями коренных народностей, а не вместо них; сотрудничать с гуманитариями как в экспертизе, так и в проектировании новых социальных технологий, без которых не вылечить застарелые болезни общества.

Но «испытание выбором» – ситуация, в которую были вовлечены не только профессиональные политики, но и этнические общности, и те, кто исследуют политику и этнос, социогуманитарное сообщество. И каждая структура, и каждый в структуре стоят перед выбором. Легко ли политическому деятелю выбрать справедливую модель? А легко ли выжить этносу? А быть экспертом, обреченным призывать минимизировать зло? Каждый выбирает сам за себя? Пафос авторов идеи практикума: по-видимому, нет иного способа «подготовки» к жизни в ситуации движения общества к

свободе выбора, чем вовлечение в реальный выбор и активная рефлексия по каждой альтернативе решения.

Проблематизация темы практикума, отражающая предмет и язык прикладной этики, вызвала у некоторых его участников критические замечания. Так, в *послеигровой* рефлексии В.Н.Сагатовский заметил по поводу экспертного опроса: «Налицо расхождение между описанием моделей, которое было предложено экспертам (в нем имеется явный крен в сторону чисто этической проблематики), и их ответами, где так или иначе выражена тенденция к комплексной оценке. Конечно, экспертный опрос дал немало, но от него можно было получить гораздо больше, если бы экспертам была предложена определенная категориальная матрица оценки, в которой были бы четко соотнесены параметры социально-экологической и гуманитарной (включая этическую, но не сводясь к ней) экспертиз. Видимо, здесь вступили в определенное (и вряд ли до конца осознанное) противоречие научные интересы и парадигмы организаторов практикума (прикладных этиков) – и требования самой проблемы, как она стоит в жизни, как она должна быть понята для принятия комплексного пакета управленческих решений, а не с точки зрения той или иной системы научных абстракций».

Замечание вполне понятное, у него есть серьезные основания. Однако, во-первых, воспользуемся в качестве контраргументов суждениями других экспертов. Например, экономист Е.Ш.Гонтмахер, констатируя, что «группа ученых-гуманитариев была чрезвычайно озабочена именно этическим аспектом проблемы, т.е. поиском наиболее морально оправданных подходов», решил, что «в данном случае, когда игра касалась судьбы малых народов Севера, этот аспект действительно очень важен. Кто должен решать судьбу ханты и манси? Они сами или некто со стороны, пусть даже с самыми благими намерениями? Это ключевой морально-этический вопрос, имеющий непосредственную связь с методом выработки и принятия политиче-

ского решения. В зависимости от ответа на этот вопрос могут быть построены различные модели управления ситуацией в автономном округе – от сохранения нынешней системы до широчайшего самоуправления на уровне наиболее мелких общностей... Таким образом, этический аспект предполагаемой игры имел полное право на существование и без него было бы некорректно приступать к выработке результата – политического решения».

В свою очередь, методологи М.Д.Уварова и О.В.Шимельфенинг в послеигровой рефлексии отметили: «Замысел игры, видимо, состоял в главенстве этического начала в процессе принятия политических решений. Вопрос о том, удалось ли это, и имеет ли право такая игра называться этической. Но, с другой стороны, может ли что-то другое, кроме такой игры, разбудить нравственный компонент в ограниченном во времени процессе принятия политического решения?».

Полемизируя с замечанием В.Н.Сагатовского, отметим, во-вторых, что проектирование не возможно без принятия *ограничений*. Это одно из правил «игры в игру». И этическая проблематизация каждой модели с этическими же контрпозициями – именно такое ограничение. Другое дело, что это, возможно, стоило бы внятно проговорить в программе опроса.

4.2. Диагностика ситуации: этап меритократической и демократической экспертизы

Как уже было сказано в предшествующем параграфе, до *игрового этапа* были проведены два вида экспертиз трех моделей: *меритократическая*² и *демократическая*³.

² См.: Освоение без отчуждения: материалы экспертного опроса. Части 1, 2 / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень, 1989.

³ См.: Бакштановский В.И., Согомонов А.Ю., Чурилов В.А. Общественное мнение о судьбах народов Севера: поиск справедливого политического решения. Тюмень, 1989.

МОТИВИРУЯ организацию опроса экспертов, мы писали в преамбуле анкеты, что «реальная практика интенсивного промышленного освоения Севера делает проблемным само этническое выживание коренных народов со свойственным им патриархально-традиционным общественным укладом и типом сознания. Политические решения, пытающиеся минимизировать негативные последствия в области национальной политики, обычно запаздывают, вызывают неудовлетворенность и тем самым способствуют эскалации социальной напряженности в национальных отношениях»⁴. И предлагали принять участие в проекте, ориентированном на выработку справедливого решения, внося в него потенциал гуманитарной экспертизы и консультирования.

Мы предложили участникам экспертного опроса – социологам, экономистам, этнографам, психологам, этикам, деятелям культуры, партийным работникам, журналистам – три сформированных по итогам пилотажного практикума идеализованных модели, *сопроводив каждую из них этическими контрпозициями.*

Модель 1. Невмешательство. Сторонники этой модели исходят из убеждения, что управлять национальными процессами мы еще не умеем («еще не научились»), а скорее эти процессы и вовсе «неуправляемы». Следовательно, для субъекта политического решения достойнее и гуманнее в такой ситуации не брать на себя ответственность, уклонившись от выбора.

Нравственно ли это решение?

Оцените, пожалуйста, следующие контраргументы, выдвинутые группой участников пилотажного моделирования. «Принять модель “Невмешательство”, опасаясь неизвестных и непрогнозируемых последствий управленческих решений, значит обресть коренные народности Севера либо на самоуничтожение (слабая степень приспособляемости к новым условиям, нежелание и неумение переходить на новые технологии, низкий уровень жизни, грамотности, широ-

⁴ Освоение без отчуждения: материалы экспертного опроса. С. 3.

кое распространение алкоголизма и т.п.), либо на уничтожение, поскольку рано или поздно их поглотит процесс промышленного освоения, обремененный отчуждением от человека как целей, так и средств».

Модель 2. Заповедная зона. Ее поборники предлагают исключить некоторые территории, где традиционно проживали коренные народности, из процесса промышленного освоения. Эти земли закрепляются за коренными народностями в форме национального поселка, района, управление которыми предельно автономно. Предполагается, что именно таким путем удастся восстановить традиционный образ жизни и тем самым, как минимум, устранить социальный дисбаланс, предотвратить физическое исчезновение этноса, а возможно, и достичь этнического возрождения.

Насколько нравственным, справедливым может быть такое решение?

Выскажите, пожалуйста, свое мнение по поводу следующих сомнений группы участников пилотажа. «Модель “заповедная зона” противоречит стремлению нашего общества к единому идеалу социальной справедливости. В то же время решение о создании подобных “зон” приведет к тому, что часть народов страны будет открыта историческому прогрессу, а другая – выключена из него, искусственно или добровольно загнанная в условия резервации. Сегодня мы создадим “заповедные зоны” для коренных народностей Севера, а завтра – для других, более развитых, народов? Наконец, не придем ли мы к тому, что создание искусственных барьеров породит историческую “смерть” всех тех народностей, которые ныне не способны соревноваться с развитыми регионами страны».

Модель 3. Культурная ассимиляция. Субъект политического решения расценивает как аморальные и несправедливые и первую («стыдно уклоняться»), и вторую («по сути – это резервация», насильственно возвращающая этнос в «патриархальную первобытность») модели. Сторонники модели 3 (при всем их многообразии – от «прогрессо-

ров» до «миссионеров») предлагают в качестве альтернативы контролируемой обществом ассимиляцию культур, своего рода «подтягивание» их до уровня современной цивилизации. При сохранении народной самобытности такое решение даст возможность «вписать» этносы Тюменского Севера в единый современный тип сознания, а через него – в новый тип общественного уклада.

Допустимо ли этически такое решение, нравственно ли навязывать свои ценности другим народам насильственно?

Квалифицируйте, пожалуйста, следующее альтернативное суждение группы пилотажного моделирования. «Не говоря об утопичности стремления поднять уровень цивилизации коренных народностей до такой степени, когда они вольются в единый культурный массив страны, модель эта безнравственна априорно. Не обманываем ли мы сами себя, навязывая чуждые коренным народностям урбанистически-индустриальные ценности и жизненные идеалы, полагая, что у нас с ними общие смысложизненные представления, установки и приоритеты?! Традиционные образы жизни и мыслей настолько разительно отличаются от современных, что коренные народности не только не готовы, но, безусловно, и не хотят иной культуры, иной системы ценностей. Они не видят в “ином” альтернативы: за них выбор уже осуществил обычай”».

Краткое представление о позиции участников экспертного опроса дают «говорящие» заголовки к их текстам в сборнике «Освоение без отчуждения»⁵ и в журнале «Диалог»⁶, большинство из которых взято редакторами публикации из самих текстов. Е.Айпин: «Спасение – в заповедных зонах»; А.Г.Алиев: «...Четыре “нет” предложенным моделям»; Л.А.Аннинский: «Постоянность выбора»; А.Х.Бурганов: «...Они сами, не будучи себе врагами, выберут то, что им нужно»; С.С.Дзарасов: «...Изоляция народов опасна»;

⁵ Освоение без отчуждения: материалы экспертного опроса.

⁶ Диалог. Тюмень, 1989. № 8.

Е.Л.Дубко: «Гуманизм не меняет здесь законов истории»; В.Н.Дымарский: «...Лишь меньшее из многих зол»; И.А.Дедков: «...Возрождение Сада»; И.И.Крупник: «...Четвертая модель не просто может быть, а должна быть обязательно!»; А.И.Пика: «...Движущими силами должны стать замыслы, которые рождаются в среде коренных народов»; Ю.В.Согомонов, Е.П.Потапова: «От “заповедной зоны” к “сотрудничеству” – развитие одной из моделей освоения без отчуждения»; С.В.Соколовский: «...Здесь уместно вспомнить золотое правило этики»; Ю.Н.Шесталов: «...С последней рыбой исчезнет последний манси».

Наибольшее число экспертов высказались за модель «Заповедная зона». Ряд экспертов отдали предпочтение модели «Невмешательство». Модель «Культурная ассимиляция» оказалась самой непопулярной для участников экспертного опроса.

Не удовлетворившись схематичностью трех моделей, некоторые эксперты предложили свои варианты. Философ Ю.М.Федоров предложил модель «Культурная интеграция». Правовед Б.П.Курашвили – компромиссную модель «Многостороннее развитие».

Несколько экспертов в разных терминах выступили за модель, которую В.Н.Сагатовский назвал «Свободный выбор», подразумевая «как гарантированное право на “заповедную зону”, так и право выхода из нее»: этнограф И.И.Крупник – «...Народы Севера сами принимают решения и сами выбирают свой путь», философ морали А.А.Гусейнов – «...Никто не может решать судьбу народов Севера, кроме них самих» и т.д.

В то же время уже предварительный анализ материалов опроса показал, что ряд экспертов сосредоточился на экономических, социальных, этнических аргументах в пользу предпочитаемой ими модели. В итоге *этические контраргументы* к каждой из моделей остались за рамками внимания некоторых экспертов.

Тем не менее некоторые эксперты работали именно с этической проблематизацией моделей. Философ А.Г.Алиев, реконструируя постулаты, заложенные в каждой из моделей, заключает: «Аморальность таких допущений очевидна». Журналист В.Н.Дымарский: «невмешательство – это, прежде всего, отказ от навязывания жизненных, нравственных ценностей, представлений о социальной справедливости». Литератор Л.А.Аннинский отдает приоритет второй модели, аргументируя заветом целителей «не навреди» (при этом подчеркивает, что в реальности реализовываться будет ассимиляторская модель). Этноэколог И.И. Крупник: «Это хорошая идея – начать нравственную оценку освоения».

То обстоятельство, что ряд экспертов «прошли мимо» специально разработанных нами *этических* проблематизаций – этических контраргументов, сопровождающих каждую модель, – стало одним из оснований решения вновь предложить все три модели на испытание участников игрового этапа практикума (ряд авторов экспертных заключений были на него приглашены).

МОДЕЛИРОВАНИЕ ситуаций выбора, рассматриваемое нами в качестве допустимой и эффективной технологии «Испытание выбором», не всегда представляется таковой для участников наших проектов. И в рамках данного опроса в суждениях ряда экспертов содержалась критика его идеологии. И с точки зрения (не)приемлемости «очевидной» заинтересованности «заказчика» проекта (Ханты-Мансийского окружка партии), и с точки зрения патерналистской – с точки зрения критиков – идеологии, заложенной в содержание предложенных на экспертизу моделей, и с точки зрения значимости «произвольно подобранных» моделей – они провоцируют «игру в поддавки».

Одно из критических замечаний экспертов вызвали *предполагаемые ими* ценностные установки, на основе которых формировались модели. Так, с точки зрения Ю.М. Федорова, уязвима установка «заказчика» экспертизы на

«некий набор управленческих воздействий, который предположительно позволит возродить угасающие культуры северных этносов при сохранении и даже увеличении темпов интенсивного развития добывающей промышленности в регионе». Принципиальная невозможность такого подхода, по мнению эксперта, в том, что она «базируется на благом пожелании “чтобы и волки были сыты, и овцы целы”». Хищные волки из добывающих ведомств с неизбежностью сожрут всю живность (экология, культура, уклад жизни, традиционные ценности и прочее), если их зоологические инстинкты не станут объектом непримиримой и бескомпромиссной борьбы демократической общественности региона и страны». Эксперт же исходит из установки на то, что «Советы, взяв власть в свои руки, должны во имя будущего в жизни региона “приручить” этих хищников, сделать их домашними, то есть выполняющими определенные вспомогательные функции в системе целостного развития Севера».

А.А.Гусейнов полагал, что «В анкете заложено противоречие, затрагивающее саму суть обсуждаемого вопроса»: констатируемые в преамбуле к анкете последствия интенсивного промышленного освоения Севера «не получают отражения в предлагаемых моделях, ни одна из которых не ставит под сомнение саму практику “интенсивного промышленного освоения”. Собственно, вся игра задумана как консультирование субъекта, который уже давно решил осваивать, несмотря на будущее народов Севера, но при этом желает в некотором роде очистить свою совесть, что-нибудь такое сделать, чтобы народы эти совсем не погибли, а мы должны ему это посоветовать. Правомерность же самого решения “осваивать” не оспаривается. В анкете исключается сама такая возможность, а это уже выводит экспертный анализ за пределы науки».

В то же время автор делает примечание: «готов допустить, читая анкету, что ее авторы предложили нам на выбор не те модели, которые они одобряют, но лишь те варианты, которые были высказаны участниками некоторого оп-

роса. Сами же авторы сознательно уклонились от предложения своей собственной модели, рассчитывая, что эксперты подвергнут каждую из предложенных моделей критике и, может быть, предложат свою. И если эти три модели были такой игрой, которую ведут с экспертами, то я самым наивным образом попался на эту игру. Итак, если здесь, под этими тремя моделями, имеются в виду основные варианты, которые обсуждаются и осмысливаются самим субъектом принятия решения или той средой, в рамках которой этот субъект действует, то я должен сказать, что авторы анкеты свою задачу выполнили на самом высоком уровне. Мне тоже кажется, что это основные модели, которые господствуют и не только в обыденном сознании в отношении к этим народам. А я под сомнение ставлю не квалификацию анализа, который проделали составители анкеты, а саму установку общественного сознания, которую эксперты так хорошо зафиксировали».

Два эксперта весьма категорически предположили патерналистскую установку организаторов практикума. А.К. Омельчук: «во всех трех предложенных моделях... я ощущаю заметный признак... превентивного шовинизма. Почему-то изначально считается справедливым, что эти проблемы будем решать “мы”. Термин “мы” не конкретизирован: “мы – это кто?...” “Мы обрекаем” – пишется в первой модели. Я никого не обрекал, поэтому должен знать, кто взял на себя эту неблагодарную задачу... Терминологическая неоднозначность не позволяет ответить на поставленные вопросы». И.И.Крупник: «сама постановка задачи практикума, игрового поиска, на мой взгляд, имеет открыто патерналистский характер. То есть *мы* принимаем решение от своего имени, для себя и за малые народы. Что “*мы*” будем делать в ситуации с малыми народами? Будем ли “*мы*” стоять в стороне? будем ли “*мы*” создавать для них резервации? или “*мы*” будем включать “*их*” в современную индустриальную жизнь? Во всех этих трех ситуациях малые народы существ-

вуют как некий объект нашего манипулирования, а не субъект самостоятельного решения».

И еще одно существенное замечание: А.В.Толстых отметил, что «игровой момент, который заложен в программу второго Самоглорского практикума, чреват опасностью превратиться в игру в поддавки, ибо первые две модели вряд ли жизнеспособны, представляя собой скорее сложную игру ума, нежели серьезные стратегии».

Наш *самокритичный* ответ (а как хотелось бы прикрыться репликами экспертов вроде той, что в тексте Б.П.Курашвили: «предлагаемые в превосходно составленной анкете альтернативы...») содержится и в работе практикума, и в его результатах. Но некоторые уточнения уместны уже здесь.

1. По поводу «заказчика», который, как полагали некоторые эксперты, давно решил продолжать освоение Севера безотносительно к судьбе малочисленных народов Тюменского Севера, и, с одной стороны, надеется на эффект продуцируемого проектом набора управленческих воздействий, способных одновременно возродить угасающие культуры северных этносов и сохранить темпы интенсивного промышленного освоения, с другой – использует игру как консультацию, направленную на очищение своей совести. И все это при поддержке интересов «заказчика» гуманитариями, которые не только разрабатывают анкету опроса и сценарий игры, но при этом «делают хорошую мину при плохой игре».

Категоричность суждения о наличии вполне определенной установки «заказчика» можно было *умерить*, если допустить, что организаторы практикума вполне серьезно включили в сценарный замысел создание такой институции, как двухпалатный парламент Ханты-Мансийского автономного округа, который и смог бы «“приручить хищников”, проектируя целостное развитие Севера». Кстати, сам цитируемый здесь эксперт в ходе практикума совершил вполне технологичные шаги в этом направлении.

Сомнение по поводу отношения авторов анкеты к содержанию моделей снять легко: в преамбуле к анкете, цитированной выше, говорилось как раз то, что допускал А.А.Гусейнов: «авторы предложили нам на выбор не те модели, которые они одобряют, но лишь те варианты, которые были высказаны участниками некоего опроса».

2. По поводу неконкретизированности в содержании моделей термина «мы» («мы – это кто?...»), несущего в себе патерналистическую установку: ответ смотри в предшествующем абзаце.

3. По поводу чреватости заложенного в программу практикума потенциала игрового моделирования эффектом «игры в поддавки». Еще раз: авторы проекта не выдумывали эти модели, и для того чтобы убедиться в их происхождении, достаточно прочитать целый ряд текстов публикации материалов экспертного опроса. Кроме того, снова сошлемся на приведенное несколько абзацев выше допущение А.А.Гусейнова: «мне кажется, что это основные модели, которые господствуют и не только в обыденном сознании в отношении к этим народам».

А способ минимизировать риск «игры в поддавки» наметил сам А.В.Толстых, который по поводу вопроса о возможности «освоения без отчуждения» в данном конкретном случае говорил: «Положительный ответ не позволяет дать совесть. Не искать его – бессовестно вдвойне. Лично я готов искать решение, даже если сюжеты у игры будут безрадостные: возможно, ответ удастся “выманить”!».

КАКОВО значение опроса экспертов для разработки сценария второго Самотлорского практикума «Освоение без отчуждения»?

* Экспертиза подтвердила гипотезу авторов анкеты о стереотипности предложенных на экспертизу моделей.

* В результате опроса были конкретизированы аргументы «за» и «против» каждой из трех моделей.

* Опрос дал целый ряд модификаций трех моделей и ряд новых моделей.

* Анализ материалов экспертного опроса дал представление о мере (не)принятия экспертами этической проблематизации моделей.

* Предварительно распространенные среди участников игрового этапа практикума материалы экспертного опроса дали им развернутое представление как об аргументации «за» и «против» трех условных моделей, так и о заново выдвинутых экспертами моделях.

Один из эффектов – предварительная информация о возможных групповых коалициях участников практикума: как для организаторов практикума, так и для его участников.

* Анализ материалов экспертного опроса позволил собрать идеи для создания в ходе практикума согласованной общей платформы «Возрождение».

НАРЯДУ с экспертным опросом, было решено исследовать мнение широких слоев населения по поводу справедливого решения проблем, связанных с судьбой коренных народов Тюменского Севера⁷. В нескольких газетах тюменской области (областных и окружных) была опубликована анкета «Судьбы Севера». Кроме этого около 10% анкетированных было опрошено индивидуально.

Прежде всего организаторов исследования интересовало, насколько актуализированы в массовом сознании катастрофичность ситуации, в которой находятся сейчас коренные народы Севера, и необходимость оказания им срочной помощи. Среди ответов на вопрос: «Считаете ли вы, что коренные народы Тюменского Севера сейчас находятся в тяжелом положении, и наше государство должно оказать им необходимую помощь?» утвердительных – 92 %.

⁷ См.: Согомонов А.Ю. Общественное мнение о судьбах коренных народов Тюменского Севера // Освоение без отчуждения. Часть 2; Бакштановский В.И., Согомонов А.Ю. Чурилов В.А. Общественное мнение о судьбах народов Севера: поиск справедливого политического решения.

В качестве второй задачи перед организаторами исследования стояло выяснение ранга актуализированных в массовом сознании причин, приведших коренные народы к нынешнему положению. Респондентам предлагался список из 11 возможных ответов. Разрушение природы Крайнего Севера современной промышленностью и транспортом назвали 85% респондентов. Нетрудно было увидеть, что нарушение природной среды обитания коренных народов рассматривается в качестве главной причины.

Далее участникам исследования предлагался вопрос, нацеленный на выяснение господствующей в массовом сознании модели решения сложившейся ситуации. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, каким образом нужно искать выход из сложившейся ситуации?» показало, что 74 % респондентов предпочли вариант «В первую очередь необходимо принимать во внимание пожелания самих коренных народов Севера». Кстати, комментируя этот пункт, многие респонденты на полях анкет приписывали: «мы виноваты перед ними». Тем самым предоставление коренным народам свободы выбора дальнейшего пути неразрывно связано с комплексом «больной совести» у преобладающего большинства «пришлого» многонационального населения.

В свою очередь распределение ответов на вопрос о социально-технологических вариантах помощи коренным народам модель «создание зон с правом преимущественного проживания коренных народов Севера с запретом на промышленные разработки и добычу полезных ископаемых без согласия со стороны коренного населения» собрала 70%.

Социологическое исследование дало проекту «освоение без отчуждения» тот реалистический «материал», из которого должна была возникнуть коллективно выработанная платформа справедливого политического решения проблем малочисленных народов Тюменского Севера в ситуации интенсивного формирования нефтегазового комплекса страны.

4.3. Сценарная разработка практикума

Разумеется, создание сценария предполагало прежде всего определение *цели* практикума. В разосланной участникам программе эта цель сформулирована в терминах, с которыми мы работали в то время: «гуманитарная экспертиза и консультирование альтернативных политических решений проблем выживания, убережения и содействия развитию коренных народов Севера».

Ноу-хау нашего направления прикладной этики предполагает вводить участников планируемой игровой акции, определяя мотивы выбора предлагаемой технологии и природу игрового моделирования. Эта задача решалась уже на первой же странице программы. «Развивая опыт Первого Самотлорского практикума, мы снова организуем этическую деловую игру. Значит, и в этот раз не будет привычных для большинства конференций трибуны и президиума, заранее подготовленных докладов и сообщений. Игра – особая форма и способ исследовательской и проектной работы. Специфический эффект заложен в способности игрового моделирования воспроизводить различные виды человеческой деятельности благодаря синтезу “условности” и “серьезности”, импровизации и организации, самоценности процесса самореализации личности и продуктивности результата поиска. Игровая деятельность – аккумулятор и генератор современных методов коллективного решения нестандартных ситуаций, новых проблем. Деловая игра – встречное движение современной теории и практики социального управления, междисциплинарная кооперация ученых, преодоление стереотипов сознания и поведения, развитие нового мышления. *Этическая деловая игра* – моделирование процесса морального выбора, являющегося стержнем всех других граней Перестройки как ситуации выбора; метод гуманитарной экспертизы и консультирования, культивирующий ценность морального выбора в моделируемом процессе подготовки и принятия политического решения».

Сценирование практикума предполагало, что благодаря заранее разосланной программе участникам игры станет известен *источник* моделей: «анализ мнений и предложений участников пилотажного практикума позволил выявить три наиболее активно выдвигаемые идеализованные модели политического решения».

Представляя *предмет* игрового поиска – предложенные участникам практикума модели, программа намеренно акцентировала особенность их формирования, которую, как было отмечено выше, не приняли во внимание некоторые участники экспертного опроса: в каждую из моделей встроены *этические контраргументы*.

Важным элементом технологии игрового моделирования являлось заявленная в программе возможность предложения других моделей, «учитывающих, с одной стороны, жизненную реальность, а с другой – гарантирующих, что цель не потеряет своего нравственного достоинства».

Еще один элемент технологии, заявляемый в программе – обеспечение *игрового* характера моделирования благодаря *условной* институции, в которой и предстояло *примерить* итоговую платформу практикума. «На практикум приглашены ученые, партийные, советские, комсомольские работники, деятели культуры, представители средств массовой информации. Им предстоит *принять на себя и разыграть роли участников* заседания “Президиума Совета народных депутатов автономного округа”». Такого рода органа в то время еще не было. Но именно в деятельности этого гипотетического института как своеобразной переходной модели участникам практикума предстояло испытать возможность и эффект ориентации политических решений на ценности права и требования общественной нравственности, на достижения гуманитарного знания.

ЧТОБЫ решить задачи игры, требовалось разработать *алгоритм игрового поиска*. Сценарий предполагал три этапа игры.

Первый, диагностический – анализ стереотипных моделей и тех предложений, которые возникли на предварительной экспертизе. Планируемый итог первого этапа – отбор тех моделей, которые участники практикума посчитали целесообразным и для дальнейшего игрового испытания, и/или создание новых моделей. В процессе такой селекции должны сформироваться команды – *целевые научно-практические бригады*, – объединенные признанием той или иной модели политического решения. Их задача – не столько победа одной команды над другой, сколько «соперничество с проблемой».

Второй этап игры – апробация отобранных (или вновь созданных) моделей посредством ситуационного испытания конкретных «болевых точек» современной жизни района нового освоения. Критерий подбора ситуаций – положения международных юридических документов, посвященных народам Севера. Разумеется, учитывая специфику региона.

Третий этап – поиск способов доведения апробированных моделей до уровня социально-технологических предложений и рекомендаций.

В рамках третьего этапа игры сценарный замысел предполагал создание проекта документа, содержащего гуманитарную платформу справедливого политического решения этноэкологических проблем на Тюменском Севере. Момент *прагматичности* в игровом моделировании: основному содержанию этого проекта предстояло войти в проект «Закона о Ханты-Мансийском автономном округе» (в его целевую часть и разделы, содержащие пакет социально-технологических решений). При этом предполагалось, что процесс работы над документом позволит, во-первых, сформировать новое представление о взаимоотношении гуманитарного знания и политической деятельности; во-вторых, приведет к осознанию исследователями и политиками общественной необходимости в гуманитарной экспертизе, содержащей рефлексии человеческого смысла политиче-

ских решений. Это предположение соответствовало сценарному замыслу, согласно которому игровое моделирование ориентировано на комплексный эффект: форма совместного творчества заинтересованных сторон и, одновременно, метод испытания не только «вариантов», но и этических позиций их авторов. Особое испытание – для тех, кто после *игровой* формы экспертизы будет принимать решения уже в «серьезной» ситуации.

4.4. Между «что происходило» и «как происходило»: технологии ведения игры с краткими комментариями

С одной из трудностей рассказа о практикуме в газете столкнулся корреспондент «Тюменской правды» Р.Гольдберг⁸. «Борюсь и разрываюсь между желанием рассказать *что* происходило и *как* происходило. “Что” и “как” – два двигателя практикума. Можно выдать итоговое “что” – декларацию “О возрождении”, опустив процесс поиска решений. Но если “что” – результат, итог, мемориальная табличка в конце пути, то “как” – это сама жизнь, это опыт, метод познания и действия».

Авторам этой монографии легче, чем автору репортажа. Предъявляя ноу-хау инновационного направления прикладной этики, мы можем отдать приоритет характеристике практикума как *способа* работы (стремясь не утратить представления о ее *смысле-содержании*). Поэтому наша задача описать не столько сам *процесс* игры, сколько технологию ее *ведения*.

Описание технологии этого практикума эффектно было бы начать с еще одного символа практикума, созданного художниками М.Гардубеем и Г. Райшевым. Рожденный ими художественный образ: Дон Кихот в хантыйской лодке, в руках Дон Кихота – не меч, а весло; на щите – модель расколотой земли. Передали ли мы образ – он представлен на обложках большинства наших монографий – словами?

⁸ Гольдберг Р. Игра с огнем. Личные заметки участника гуманитарной поисковой деловой игры // Тюменская правда. 1989. 17 июня.

С описания другого символа практикума начинается репортаж корреспондента окружной газеты Е.Горбачевой: «Высоко под потолком зала покачивалась трехгранная пирамида. Символ трех сил, приложенных к решению проблемы: Народ. Наука. Власть. Три реальности. Их надо объединить. И самим объединиться»⁹.

Персонифицируем эти три силы, представив участников практикума.

Айпин Е.Д. (член Союза писателей СССР, г. Ханты-Мансийск), Алексеев Н.А. (Тюменский институт культуры), Анисимов В.Е. (Ханты-Мансийский окружком КПСС), Афанасович В.Е. (Высшая школа милиции, г. Тюмень), Афанасьева К.В. (НИИ национальных школ, г. Ханты-Мансийск), Бакштановский В.И. (ИПОС СО АН СССР, г. Тюмень), Барбакова К.Г. (Тюменский госуниверситет), Батыгин Г.С. (редколлегия журнала «Социологические исследования»), Бекешкина И.Э. (Институт философии АН УССР, г. Киев), Богомяков В.Е. (ИПОС), Бурганов А.Х. (Историко-архивный институт, г. Москва), Броун А.П. (Тюменский ИСИ); Васильев В.Н. (ИПОС, г. Свердловск); Вардамацкий А.П. (Институт философии АН БССР, г. Минск), Верин С.С. (Нижневартровский горком КПСС), Волдина М.К. (редактор газеты «Ленин пант хуват»), Гербер Л.П. (Тюменский ИСИ); Герловский Г.В. (Березовский райком КПСС), Ганжин В.Т. (кафедра этики МГУ), Ганопольский М.Г. (ИПОС), Гардубей М.М. (член Союза художников СССР, г. Тюмень), Гольдберг Р.С. (газета «Тюменская правда»), Гоголева Т. (Березовский РК ВЛКСМ), Горбунов М.В. (Институт философии и права Уральского отделения АН СССР, г. Свердловск), Гришанин В.В. (ИПОС, г. Нижневартовск), Дубко Е.Л. (кафедра этики МГУ), Дымарский В.Н., (журнал «Коммунист», г. Москва), Егорова Г.И. (Урайский ГК КПСС), Западнава Н.Л. (Ханты-Мансийский окружком ВЛКСМ), Ильина Р.И. (Ямало-Ненецкий окружком КПСС), Караченцева Т.С. (ИПОС), Казаков Ю.В. (АПН, г. Москва), Ка-

⁹ Горбачева Е. Освоение без отчуждения: игра на грани жизни // Ленинская правда. Ханты-Мансийск. 1989. 10 июня.

расев В.И. (Ханты-Мансийский окружком КПСС), Капранов В.Г. (ВНИИСИ АН СССР, г. Москва), Киеня В. В. (Ханты-Мансийский окружком КПСС), Колотова Н.В. (Тюменский госуниверситет), Конев А.В. (Тюменский обком КПСС), Кугаевский В.А. (Нефтеюганский горком КПСС), Кунцман Г.И. (ВНИИСИ АН СССР, г. Москва), Лебедева Л.В. (Тюменский индустриальный институт), Лучанкин А.И. (ИПОС, г. Свердловск), Мельников В.П. (ИПОС), Метакон М.М. (Тюменский обком КПСС), Моргунова О.А. (АПН, г. Москва), Нуксинов И.Ш. (Институт государства и права АН СССР, г. Москва); Немусова Е.А. (НИИ национальных школ, г. Ханты-Мансийск), Омельчук А.К. (Тюменский облтелерадиокомитет), Отарова И.И. (Институт управления и организации производства Госкомтруда СССР, г. Москва), Потапова Е.П. (Владимирский политехнический институт), Патрикеев Н.Б. (г. Ханты-Мансийск, «Ленинская правда»), Первушин В.П. (Ямало-Ненецкий окружком КПСС), Пика А.И. (Институт социально-экономических проблем народонаселения, г. Москва), Пригожин А.И. (ВНИИСИ, г. Москва), Рассказова А.И. (Кондинский райком КПСС), Песикова А.С. (Институт усовершенствования учителей, Сургутский район); Потапенко С.М. (Штаб ЦК ВЛКСМ Западно-Сибирского территориально – производственного комплекса, г. Тюмень), Райшев Г.С. (член Союза художников СССР, Свердловская область), Ругин Р.П. (член Союза писателей СССР, г. Салехард), Рыбалов А.А. (Ханты-Мансийский окружком КПСС), Сагатовский В.Н. (Крымский госуниверситет), Сенгепов А.М. (Ханты-Мансийский окружной телерадиокомитет), Смоленцев Ю.М. (кафедра этики МГУ), Смоленцев К.Ю. (Союз молодежных объединений Тюменского обкома ВЛКСМ), Согомонов Ю. В. (Владимирский политехнический институт), Согомонов А.Ю. (ВЦИОМ, г. Москва), Соколовский С.В. (СО АМН СССР, г. Новокузнецк), Соловьев Б.А. (ИПОС, г. Свердловск), Сондыков В.С. (Нижневартовский райисполком), Столяров В.И. (Философское общество СССР, г. Москва), Сусой Е.Г. (НИИ национальных школ Севера, г. Салехард), Соловар В.Н. (ИИФиф СО АН

СССР, г. Новосибирск), Тарханов А.С. (член Союза писателей СССР, г. Ханты-Мансийск); Тарасов Н.Г. (Свердловский юридический институт), Титаренко Г.А. (АОН при ЦК КПСС, г. Москва), Титаренко А.И. (кафедра этики МГУ), Толстых А.В. (ВЦИОМ, г. Москва), Ушаков А.К. (Тюменский облисполком), Федоров Ю.М. (Институт философии АН АзССР, г. Баку), Франц А.Б. (Уральский госуниверситет, г. Свердловск), Филипенко А.В. (Ханты-Мансийский окрисполком), Халин С.М. (Тюменский обком КПСС), Черников А.И. (Нижневартовский горисполком), Чердынцев Н.М. (Свердловский юридический институт), Чурилов В.А. (Ханты-Мансийский окружком КПСС), Шесталов Ю.Н. (член Союза писателей, г. Ханты-Мансийск), Шимельфениг О.В. (Саратовский госуниверситет), Шульгин В.И. (Ханты-Мансийский окрисполком), Ямру Е.И. (Шурышкарский райком КПСС).

В любом случае, игру, организующую сотрудничество трех сторон символической пирамиды, «запускают» *вступительные слова ведущих*. Учитывая, что в параграфах об идее практикума и его сценарной разработке уже использованы многие элементы их выступления, выделим здесь конкретизацию программы.

В.А. Чурилов. ...Для достижения цели практикума мы предлагаем поработать в двух режимах. Первый: все участники практикума исполняют роли экспертов. Второй: все или, по крайней мере, подавляющее большинство участников практикума играют роль лица, принимающего решение.

Чтобы перевести режим коллективной экспертизы моделей справедливого политического решения в режим проектирования совместной платформы, а затем – ее обсуждения и принятия властным органом, мы с вами смоделируем заседание гипотетического Президиума совета народных депутатов автономного округа, его первого заседания, которое реально состоится сразу после того, как пройдут выборы в местные советы, будет принят закон о мест-

ном самоуправлении и, надеюсь, закон о Ханты-Мансийском автономном округе.

Вы вправе спросить: в чем особенность этого органа? Во-первых, чтобы обеспечивать социальную справедливость по отношению к этническому меньшинству, он должен состоять из двух палат: Совета территорий и Совета народов округа. Во-вторых, этот орган принимает только научно обоснованные решения, а значит, в его составе штатно и нештатно существует институт научной экспертизы, прогноза, оценки. В-третьих, это орган, который опирается на исследования общественного мнения, и не только «опирается», а имеет механизм реального учета общественного мнения при принятии решений. В-четвертых, это орган, который действительно внедрил процедуру принятия решений, при котором меньшинству гарантируется возможность влияния на принимаемые решения.

В итоге практикума мы хотели бы договориться о создании Центра гуманитарной экспертизы – с тем, чтобы и в дальнейшем внедрять в практику те способы работы, которые будут реализованы на этом практикуме.

В.Бакштановский. ...У двух ведущих – партийного работника и разработчика проблем прикладной этики – общий стол, общая задача: ведение игры, но разные роли.

Я хотел бы обратить внимание всех участников практикума на теоретические проблемы, которые ждут нас уже сегодня, завтра, послезавтра и, особенно, после того, как мы расстанемся. Может быть, большинство из вас, или хотя бы некоторые из вас, согласятся, что наш практикум похож на знакомую сказочную ситуацию перекрестка дорог, перепутья, с той лишь разницей, что на придорожном каменном указателе даны прогнозные сведения по каждому варианту пути, а для тех, кто участвуют в Самотлорском практикуме-2 и взялся за моделирование вариантов политических решений проблемы выживания коренных народов Севера, такого каменного указателя нет. И потому первое, что нам предстоит сделать – дать прогноз, сделать надписи: что нас

ждет, если мы примем тот или иной вариант политического решения.

Я думаю, что в ситуации выбора находятся все три основные группы участников практикума: представители власти, ученых, коренных народов Тюменского Севера. Но легче всего – это не парадокс и совсем не кощунство – работать на практикуме представителям этих народов. Почему? Они будут выбирать сами за себя. А вот представителям власти труднее: они решают и за коренные народы, и за нас, ученых. Не менее драматический выбор предстоит и моим коллегам, ученым: каков наш статус, в чем наш профессиональный долг по отношению к власти, к коренным народностям Севера?

Что касается последних: звали ли они нас на этот практикум? Да, нас позвали представители власти, а представители коренных народов? Отсутствующий здесь народный депутат СССР, Еремей Данилович Айпин, в предварительных разговорах, когда мы формировали «на троих» сценарий, на вопрос: нужна ли ему некая гуманитарная экспертиза и консультирование силами лучших ученых нашей страны, сказал: «Нет, не нужна». – «Почему не нужна, Еремей Данилович?» – «Да какие еще альтернативы, модели политического решения? Есть только одно решение – создать заповедную зону, а эту тему даже обсуждать не надо». Правда, он уточнил: «"Самотлорский практикум" нужен. Но он нужен только партийно-советскому руководству и ученым. Чтобы те и другие поняли, что не должны мешать нам жить».

Как видите, очевидного заказа на экспертизу и консультирование от коренных народов Тюменского Севера нам – пока – не поступило.

Что касается взаимоотношений ученых и политической власти. От нее заказ на практикум поступил. И финансируется. Нам даже гарантируется внедрение. О чем еще могут мечтать ученые: результатов нашей работы ждут, эти результаты войдут в жизнь. Но как бы нам не поддаться этому

соблазну, забыв про независимость гуманитарной экспертизы, тем более – от сиюминутных властных интересов.

И это не единственная забота исследователей, моих коллег по практикуму. Наверное, то, что нас объединит здесь, – это необходимость сформулировать *основания* решения той ситуации выбора, в которую мы все вовлечены. Сначала *основания* выбора, сначала гуманитарная платформа. И только потом то, чего требует мой соведущий: те результаты, которые он сейчас нам наметил. Легко ли определить эти *основания*? Это тема для нашего разговора, для нашего теоретического поиска.

А есть еще и забота о нашей практической роли в решении задач практикума. Скорее всего – об этом можно судить по предварительной публикации материалов экспертного опроса – большинство участников практикума объединяет идея свободного выбора. Здесь вряд ли найдется много сторонников патерналистско-иждивенческой позиции, согласно которой «старший брат», «белый народ» и т.п. сам найдет варианты решения, а коренные народности Севера примут у нас эти варианты. Но, признавая идею свободного выбора, в том числе и право свободного выбора за самими коренными народностями, что должны в этой ситуации делать политики и ученые? Как они должны себя вести? Просто ограничиться признанием права этих народностей на свободный выбор? Или у них есть собственная роль? Может быть, это будет роль людей, которые *обеспечивают условия*, гарантирующие реализацию права на свободный выбор? В этом роль политиков. Может быть, ученые должны выработать, подвергнуть критике имеющиеся представления о том, что такое справедливое решение? Хотя вряд ли мы одинаково понимаем идеалы справедливости политического решения. Может быть, ученым и политикам разумнее всего попытаться ограничиться покаянием за то, что было сделано за предшествующие годы, тем более, что уже может быть и поздно что-нибудь делать?

Итак, я сосредоточился на серии вопросов, не ответив на которые мы можем допустить большие ошибки в обсуждении конкретных проектов, конкретных технологий.

СОВСЕМ не случайно, а в соответствии со сценарным замыслом, сразу после вступительных тезисов ведущих слово перешло к *консультантам* практикума: председателю окрисполкома А.В. Филипенко, этнографу А.И.Пике, специалисту по медицинской социологии С.В.Соколовскому, специалисту по социологии общественного мнения А.Ю.Согомонову, исследователю международного права П.Е.Гончаруку. Фиксируя здесь этот момент игры, мы еще раз отвечаем на замечание участника экспертного опроса И.И.Крупника о необходимости избежать абстрактности предложенной экспертам ситуации выбора, о важности включения их в реальный контекст.

Следующий шаг игрового поиска: *ведущий организует деление участников на группы относительно предложенных на экспертизу моделей*. Самоопределение к той или иной модели – добровольное. Способ организации групп – под самовывдвижение лидера группы, а задача лидера – мотивировать сторонников, чтобы в процессе намеченной на следующий день межгрупповой дискуссии набрать наибольшее количество голосов при принятии решения о включении содержания данной модели в общую платформу.

Казалось бы, чего проще, чем собрать группу – ведь это *условное* самоопределение. Но вот как процесс самоопределения к трем моделям увидела журналистка окружной газеты Е.Горбачева. «То, что началось в зале после предложения ведущих занять исходные позиции, живо напоминало известное всем со школьной скамьи броуновское движение. Оказалось, что вписаться в рамки предложенных моделей сложно. Участники игры объединялись в блоки, которые тут же вскипали спорами из-за разноречивого понимания той или иной модели. Отпочковывались “фракции”, менялись названия, и через час стало совершенно очевидно, что таблички на столах не имеют никакого, даже формального,

значения... В целом же количество альтернативных моделей вдвое превысило количество исходных».

А вот как выглядит этот этап игры в стенограмме. С одной стороны – сопротивление предложенному ходу игры со стороны некоторых представителей коренных народностей. Поэт А.М.Тарханов: «Мне очень жаль потраченного времени. Я ничего для себя не взял из выступлений консультантов. Сперва бы выслушать нас, наши замечания, наши предложения, наши чувства, в конце концов. А так нас поучают, нас тренируют, мыслить заставляют, чувствовать заставляют... Но опять же без нас». Политолог А.Х.Бурганов: «Я приветствую выступление Алексея Михайловича. Действительно, надо было с этого начать».

В ответ ведущий напоминает, как появились три модели.

С другой стороны, многие участники практикума условием своего самоопределения считают либо переименование моделей, либо расширение их числа. «Мы предлагаем не отвергать идею культурной ассимиляции саму по себе, а предельно гуманизировать ее» (лидер новой группы «Сотрудничество»). Реплика из той же группы: «извините, но я должен заявить от нашей группы протест. Вы на правах спикера группы быстро конституировали раскол в нашей группе, и мне кажется, что это – ваша “домашняя заготовка”» (бывшая группа «Заповедная зона»). «Мы хотим выразить мнение практиков. Наша группа практических действий уже имеет определенный опыт в Нижневарттовском районе и считает необходимым прежде всего обеспечить саморазвитие, самоуправление и самораспределение коренных народностей Севера» («Группа практических действий»).

Последующие два часа ведущие могли быть спокойны за судьбу игры – она пошла своим ходом в рамках работы сформировавшихся групп.

Комментируя на следующий день этап групповой работы, ведущий отметил: «мы с вами попытались самооргани-

зоваться по группам и уже внутри групп услышать друг друга, предъявив свои точки зрения, выслушать и услышать иные. Это работа оказалась очень сложной. Во-первых, не все еще осознали цели и задачи, да и предмет работы. Во-вторых, проявилась эйфория: “решить можно все сразу”, “решить проблему можно только моим рецептом” и т.д.».

Нельзя сказать, чтобы такая ситуация первого этапа игры была для авторов сценария совсем уж неожиданной. Поэтому запланированная профилактика излишней категоричности предполагала кратковременную экспедицию в один из национальных поселков.

Фрагмент репортажа Е.Горбачевой: «Чтобы дать “отстояться” моделям и усилить их практическую направленность, всем участникам практикума была предложена поездка в национальный поселок Кышик. Два часа, проведенные в поселке, убедили в том, что его относительная цивилизованность и достаточно высокий жизненный уровень – по сравнению с другими национальными поселками – отнюдь не залог этнического процветания. Четыре же часа теплоходного времени дали возможность группам кулуарно обсудить свои действия на следующий день».

А как видно из стенограммы, ведущий в начале следующего дня работы так объяснил роль этой экспедиции: организаторы практикума посчитали необходимым «посадить вас на теплоход и провести по священным водам Иртыша, Оби, Казыма, чтобы показать, что получается в результате не очень продуманных решений и не очень квалифицированных советов. Каждый из вас увидел поселок Кышик по-разному, но это очень разное видение можно объединить одним словом – *отрезвление*. Кто-то побывал на кладбище, кто-то в магазине, кто-то порадовался чистому детскому саду, кто-то посмотрел и определил как потемкинскую всю деревню в целом. Кто-то выслушал злые, но, вероятно, справедливые слова местных жителей. Кто-то услышал перепалку бригады русских строителей и сказал: “Ой-ой-ой!”, а кто-то сказал: “ничего страшного, потому что в

Нагорном Карабахе, Молдавии, Прибалтике еще хуже”. Но в любом случае, мне кажется, мы можем говорить о процессе, некотором процессе отрезвления и, если хотите, приземления».

ЧТОБЫ более-менее организованно начать следующий этап работы, *ведущий предлагает спикерам каждой из сформировавшихся групп сообщить о результатах обсуждения отстаиваемых ими моделей*. И сразу называет следующее задание: всем группам представить результаты своей работы в виде новой версии текста модели – платформы группы. А это *предполагает рефлексию оснований*, на которых действует та или иная группа.

Последовавшие выступления спикеров показали, что формирование групп еще не завершено: некоторые из них снова готовы расколоться. Обратимся к репортажному образу практикума в статье Е.Горбачевой. «Группа “Право народа” сразу же заявила свое неприятие модели заповедных зон: “это моральная подачка и отрицание единства земли. Нельзя выделить одну зону и продолжать надругательство над остальной территорией”. Ею предложено: создание национальной партии коренных народностей Севера; проведение референдума по созданию органов представительной власти и организации при них советов старейшин; коррекция административного деления в связи с несоответствием его этническим пространствам; создание Северной области на основании двух национальных округов, освобожденных от диктата Тюмени.

Идея создания “Народного фронта”, возникшая в группе “Право народа”, не прошла там большинством голосов. И тогда его инициаторы – свердловские ученые, консолидировавшись с молодыми представителями коренных народностей, выдвинули собственную программу, опирающуюся на экономический, политический, культурный суверенитет в пределах территории обитания. При этом, начисто отвергнув рамки игры, группа “Народного фронта” объявила себя с этого момента реально существующей».

(Продолжение репортажа, в котором легко заметить не акцентированное журналистом стремление групп предъявлять основания своих платформ.) «Сторонники “Заповедной зоны”» во главу угла поставили закон о статусе национальной автономии и определили некоторые необходимые законодательные проекты – о неизымаемой территории, о собственности народа на землю и ее недра, и другие.

Модель «Культурной интеграции», предложенная ученым из Баку Ю.Федоровым, исходит из того, что все предложенные модели аморальны. Путь к решению он видит в «резервациях наоборот» – резервациях для промышленного освоения, осуществляя этим принцип приоритетности народной (этнической) жизни...

Группа «Сотрудничество для выживания и развития» возникла на базе модели «Культурная ассимиляция» и свою цель определила как поиск гуманных путей в активно идущем процессе интернационализации.

«Альтернативная модель» объединила вокруг себя жителей некоренных национальностей, уже в нескольких поколениях утвердивших себя на этой земле. Они считают, что все предложенные модели ведут к вымиранию, так как основаны на идеях «вмешательства» либо «невмешательства», что уже само по себе имеет обидный покровительственный тон. Платформа «Альтернативы» была построена на принципах исторически сложившегося совместного проживания жителей коренной национальности и старожилов всех других национальностей...

Модель «Участие» была представлена лишь одним человеком – доцентом М.Ганопольским: участие, как душевное сочувствие народу, и участие, как практическое, совместное с ним действие. Так как решение проблемы — дело специалистов, каковыми участники практикума не являются («мы можем влиять на политику, но не более, чем на погоду»), то единственное, что им доступно – сделать дело специалистов достоянием общественного мнения.

Полюсной «Участию» выглядела «Группа практических действий». Ее концепция очевидна из названия и базируется на трех «С» – саморазвитие, самоуправление и самораспределение. «Практики» предложили провести на территории округа, или хотя бы в одном из его районов, эксперимент по определению, во-первых, национального достояния, во-вторых, доли каждого гражданина в нем с выдачей соответственного документа – акции. А затем предоставить право всем на объединение в акционерно-кооперативное производство владельцев указанных акций.

ЧТОБЫ продемонстрировать *дуалистический потенциал игровой технологии*, особо остановимся на способе создания группы «Народный фронт коренных народностей Севера», из которой затем была инициирована «Комиссия немедленных действий», и оценке ее «поведения».

В репортаже Е.Горбачевой читаем: «Девиз “Не писать под диктовку!” помог социологу из Москвы, А.Пригожину, за несколько минут собрать в одном из уголков конференц-зала “Комиссию немедленных действий”. Состав ее был сразу жестко оговорен: только уроженцы этого края. Пригожин не стал спускать свою модель “сверху”, но в интенсивном диалоге заставил людей самих выйти на нее. Так прозвучало слово “съезд”. Съезд коренных национальностей, который соответственно названию группы должен собраться немедленно, для осуществления чего молниеносно был избран оргкомитет». Интонация журналиста скорее сочувственная. Апеллируя к одной из эмблем практикума, треугольнику «власть – наука – народ», она заключает: «Таким образом, модель практикума обрела устойчивость – появился тот самый “третий угол”, без которого символический треугольник остается плоским отрезком».

Иначе оценил этот момент практикума журналист Р.Гольдберг. «Группа московских игротехников и их союзников из Свердловского филиала ИПОСа расколола игру на второй день. Разделили участников на “местных” и “не местных”, вывели молодых представителей ханты-мансийской

интеллигенции и аборигенного русского населения на позицию: вся вина за случившееся лежит на пришельцах, их надо вернуть домой. Вот решение всех проблем... В ход пошла уличная митинговая лексика. Как знакомо! Но деление на “беленьких” и “черненьких” не становится справедливее оттого, что обиженные становятся обидчиками. Правда, старшие представители национальной интеллигенции не спешили “встать во фронт”, на их памяти много быстрых поворотов, приведших народ к роковому порогу. А молодые? Летели, как бабочки на огонь, разведенный “специалистами по моделированию социальных конфликтов” (было сказано и такое). И вот уже прекрасному поэту брошены в лицо обидные слова, вот взвешивается в девичьих ладошках: много ли он “сделал для родного народа”, он, раскрывший для них красоту отчей земли... Такое идет в зале, что я не знаю: надо сохранять вид, что все это – игра, или надо терпеливо ждать, чем она закончится?».

Коррекцию в вопрос об авторстве «взрыва» внес в аналитической записке, написанной после игры, сотрудник лаборатории прикладной этики ИПОСа, В.Богомяков. «На июньском практикуме сформировалась группа северной молодежи, которая выдвинула свою программу “Народного фронта”, в которой ставились радикальные экономические, социальные и культурные задачи. Группа вела активную дискуссию по всем обсуждаемым вопросам во второй день практикума и смогла привлечь на свою сторону немало участников, а многие положения из программы “Народного фронта” вошли в принятые на практикуме документы. На третий день участники группы активно действовали, не теряя своей целостности в рамках “комиссии немедленных действий”.

Группа возникла стихийно, в результате довольно долгих и откровенных бесед между представителями северной молодежи и несколькими молодыми “представителями науки”. (Впрочем, это не совсем точно, т.к. Валя Соловар, лидер группы, являлась одновременно и “представителем

науки” как аспирант новосибирского Института истории, филологии и философии). Их диалог оказался плодотворным потому, что его участники имели много общих “точек соприкосновения”: молодость, понимание бесплодности в данной ситуации “науки в строгом смысле этого слова”, осознание важности стоящих задач и желание получить хотя бы минимальный практический результат... Никакие московские игротехники не имели отношения к созданию “Народного фронта”.

К комиссии же “немедленных действий” – да, имели. Помимо людей из Свердловского филиала Института проблем освоения Севера, были в союзниках у “Народного фронта” и сотрудники этого института, живущие и работающие в Тюмени. “Народный фронт” выступил не с митинговой лексикой, а с продуманной целостной программой, которая, кстати говоря, легла в основу разработанной на практикуме платформы “Возрождение”. “Народный фронт”, как это опять же видно из выдвинутой им платформы, не предлагал возвращать домой “пришельцев”».

Разъяснение примененной ими в работе с этой группой методологии «интимного консультирования» внесли в написанной после игры аналитической записке упомянутые выше свердловские методологи А.И.Лучанкин и А.Б.Франц. «В отличие от методики предельных вопросов, где диалог происходит лишь по форме (по существу консультант предлагает консультируемому свою рафинированную рациональность и ведет по ее ступеням к заранее известному – ему же – и логически неизбежному результату), “интимное консультирование” строится на совершенно иных принципах. Здесь главное – отыскать горизонт взаимоприемлемых очевидностей, на базе которых оказывается возможным сформулировать общую систему ценностей. Да так, чтобы консультируемые интуитивно были готовы принять ее как свою. Здесь запрос консультируемых (или лучше – вопрошание!) формулировался как набор эмпирически найденных потребностей (потребность в сохранении охотничьих

угодий, потребность в справедливых расценках, потребность в сохранении культурных традиций и т.д.). Запрос консультантов же осуществляется в форме понятийно-конструируемых структур (собственность на землю, ее недра, право свободного распоряжения продуктами труда, политическая автономия и т.д.). Диалог в данном случае осуществлялся как постоянный обмен запросами, до тех пор, пока они не оказались практически совпадающими. Главное в такого рода консультировании – деликатность, способность к достаточно гибкой корректировке предлагаемых моделей, имея в виду не только процесс их взаимного слияния, но и простое человеческое умение “не мешать”».

А как же наш сценарий? По сценарному замыслу игра и не должна была напоминать развитие действия по строгому дипломатическому протоколу. Предполагалось, что она одарит нас неожиданными поворотами, в ее ходе возникнут непредусмотренные сценарием инициативные группы участников. Другое дело – как они возникнут и к чему это приведет? Поэтому тезис Е.Горбачевой об обретении практикумом «устойчивости благодаря вмешательству игротехника» нуждается в комментарии.

Выделим две точки зрения на это событие. Первая из них – *воспитательный потенциал игрового подхода*. Некоторые воспитательные эффекты игры были получены благодаря принципу диалогичности игровой деятельности. Смоделированный игрой конфликт проявил признаки реального: условно-серьезный мир игры предстал как в высшей степени серьезный мир ответственных политических решений. Процесс их подготовки вовлекал участников игры в драму идей, создавал ситуацию трудного выбора. Соответственно, учтиво-воспитательный диалог превратился в диалог, составленный из конфликтных поступков. В конфликт умеренных нравственно-политических позиций представителей старшего поколения коренных народов и одной из групп научных консультантов – и радикальными позициями другой группы научных консультантов и представи-

телей молодой интеллигенции коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа. Трудно предсказать отдаленные результаты такого конфликтного диалога, но получившая всеобщее одобрение участников игры платформа «Возрождение» оказалась объединяющей умеренные и радикальные группировки.

Вторая точка зрения: манипулятивная игротехника (в терминах Р.Гольдберга – деятельность «пиротехников») не только рискованна, но и разрушительна. К этому выводу пришли несколько участников игры. Сам Р.Гольдберг: представляя в своем газетном репортаже вторую точку зрения, подчеркнул, что противники манипуляций «говорили как на митинге: ярко, страстно, гневно». Философ В.Н.Сагатовский: «В предложении группы “немедленного действия” есть вещи, с которыми нельзя согласиться. Немедленно действовать, не имея концепции? Эффективно, но некорректно. Позиция “или-или” глубоко порочна». Ю.Казаков: «Мы должны отказаться от создания образа врага. Отказаться от “мое мнение – единственно верное”. Мы должны выйти на консенсус как условие выживания. Есть две тактики: или – за один стол, или – гражданская война. То, что мы видим на игре, это реально происходит в жизни».

Мы еще вернемся к анализу этого случая в рамках послеигровой рефлексии, а сейчас отметим, что, приглашая на практикум для обмена опытом несколько групп игротехников, представляющих иные направления игрового движения, мы не предвидели *такого уровня риска*. Можно сказать, что, столкнувшись на деле с неприемлемой в рамках нашей парадигмы игр игротехникой, исходящей из манипулятивной идеологии, допускающей шоковые приемы и т.д., мы сами оказались в шоке, не сразу восстановив дух *этически* ориентированной игры. Восстановили прежде всего благодаря применению консенсусной процедуры работы редколлегии над итоговой платформой практикума.

СЦЕНАРНАЯ разработка предполагала, что *ведущие организуют работу по интеграции платформ разных*

групп в рамках трехшагового алгоритма: каждая команда (а) выявляет три ценностных принципа своей платформы; (б) определяет, что общего в принципах всех команд и что различного; (в) формирует предложения команд в общую платформу.

Но прежде со-ведущий В.Бакштановский предлагает каждой команде определить, кто из ее членов мог бы представлять платформу данной команды в общей редакционной комиссии – именно эта комиссия предъявит условному Президиуму Совета проект коллективной платформы.

Организуя коллективную работу над общей платформой в формате трехшагового алгоритма, ведущий мотивировал ее возможностью интегрировать все платформы, или хотя бы попытаться это сделать. Мотивируется и каждый из трех шагов. Например, предлагая спикерам каждой команды назвать базовые принципы (не больше трех) и ключевые ценности ее платформы, ведущий «оправдывает» это задание тем, что каждая команда получает таким образом возможность организовать свою размытую, не очень четко сформулированную, платформу.

Обратимся к стенограмме.

В.И.Бакштановский: Пожалуйста, назовите базовые принципы (не более трех) и ключевые ценности платформы вашей команды. С какой платформы начинаем?

* В.Н.Сагатовский: Мы объединились в формулировке принципов с «Народным фронтом» (в формулировке ценностей небольшие разногласия, я думаю, мы в рабочем порядкеотрегулируем). Я прежде всего хочу подчеркнуть важность предложенного нам методологического подхода: организовать работу над общей платформой можно только на основе принципов (а за принципами, чаще всего стихийно, подсознательно, стоят жизненные смыслы, то, во имя чего мы это делаем). Очень важно их отрефлексировать и четко выразить.

Итак, принципы, соответствующие им ключевые ценности. Первый: каждый народ имеет право на саморазвитие

независимо от его численности. Ключевая ценность: приоритет уникальности народа и личности над функциональными, экономико-технологическими ценностями. Второй принцип: материальной основой саморазвития народа является его суверенное право на землю и на недра. Ценность: гарантированное право на обеспечение избранного образа жизни. Третий: духовной основой саморазвития народа является возрождение его национальной культуры и самосознания. Ключевая ценность: единение человека с природой. От «Народного фронта» предложение: заявить в общей платформе интегральную высшую ценность – социальное и духовное здоровье народа.

* Группа «Право народа». Первый принцип: этносоциальное выживание и развитие коренных народов. Второй принцип: политическая и экономическая самостоятельность, реализуемая в самоуправлении. Третий принцип: равноправие народов.

* Г.С.Райшев: Мы будем еще более лаконичными – приоритет народной жизни над промышленным освоением.

* М.Г.Ганопольский: Если погибнет любой из этносов нашей семьи народов, погибнет и весь этносоциум, погибнет весь советский народ. Если погибнет советский народ, погибнет весь мир.

* А.Х.Бурганов о базовых принципах группы «Практические действия». Первый: самодеятельность и самоуправление народов ханты и манси – условие решения проблемы выживания. Второй: самодеятельность и самоуправление возможны лишь при условии высокой заинтересованности каждого члена национальной общности в эффективном ведении национального хозяйства и всего того, что это хозяйство обслуживает и организует. Третий: самодеятельность и самоуправление как принципы жизнедеятельности общества возможны лишь при условии установления законом сословничества каждого в общественной собственности, т.е. определении доли каждого гражданина в

общественной собственности. Такое решение снимет многие проблемы межнациональных противоречий.

* А.Вардамацкий: Три принципа, которые мы бы хотели заявить как методологи. Первый: выявление ценностей, противостоящих тем, которые представлены группой с противоположной позицией (может быть, стилистически это не совсем удачно, следует подкорректировать). Второй принцип: выявление тех предельных ценностей, на основе которых возможно объединение с противоположной стороной. И третий принцип (он уже не сугубо методологический): приоритет в решении проблемы малых народностей на основе их внутренней самодеятельности. И, исходя только из внутренней самодеятельности, построение всех последующих, реализация политических инноваций.

Реплика со-ведущего В.И.Бакштановского: Обращаю внимание всех команд, что группа методологов формулировала не принципы платформы выживания, а *принципы работы с принципами*.

Итак, подготовлен переход к следующему из трех шагов алгоритма. Каждая команда имела возможность свою размытую, не очень четко сформулированную платформу превратить в набор трех принципов. Очередное игровое задание от ведущего: «Прошу лидеров команд ответить на вопрос: что общего, на ваш взгляд, в принципах других команд с принципами вашей команды?».

Фрагмент стенограммы.

* Группа «Право народа» считает, что все группы принимают приоритет общечеловеческих ценностей, декларируемый на примере коренных народов Сибири. А спорят по частностям.

* Ю.М.Федоров: Что общего между подходами всех команд и нашим? Примат ценностного подхода над всеми остальными подходами – узкоэкономическими, узкоэтническими, узкосоциальными. И примат национальной самодеятельности для решения всех форм организации жизни в регионе.

ТРЕТИЙ день практикума. «День мудрой трезвости. День расчетов: что получится, если осуществить предложенное? Что станется, если ханты, манси, ненцы уйдут в резерваты, в заповедники? Что случится, если остановить нефтедобычу и предложить “новым сибирякам” вернуться к родным очагам? Третий день – день анализа, день поиска новых союзников и примирения вчерашних непримиримых оппонентов. Третий день, когда вы понимаете, что как ни увлекателен процесс поиска, но приходит пора сдуть пену и слить воду дискуссий, чтобы коснуться наконец пальцами кусочков тяжелого металла на дне грохота...». Так в репортаже Р.Гольдберга представлен заключительный этап практикума.

По стенограмме ход игры выглядит менее спокойным. Во всяком случае, в начале третьего дня, когда вспыхнула полемика двух групп представителей северных народов.

Первым выступил мансийский поэт А.С.Тарханов. «Я вчера устал от многословия наших молодых ученых мужей. Основываясь на реалиях жизни, я хочу сделать поправку к названию их группы "Народный фронт". Это "народный фронт" Дома творчества. А этот дом, не успев родиться, уже обюрократился и закоснел. Считаю глубоко ошибочной модель "Резервации", которую вначале выдвинул Еремей Айпин. Позднее она была смягчена до более удобной модели "Заповедной зоны", но тоже не выдерживает никакой критики. Любая культура, любой народ, который решил отгородиться от остального мира, замкнуться в своем кольце развития, уже обречен – это общеизвестная истина... А что такое "культурная ассимиляция"? Духовный подъем народов ханты и манси должен опираться на свою культурную основу, не надо разбавлять молоко водой...».

В ответ – те, кого А.Тарханов называл "Народный фронт" Дома творчества. В.Соловар: Мы предложили конкретные действия... Вы говорите, что нужна материальная база. В нашей программе понятно, где можно взять деньги. Вы говорите – кадры. Мы – кадры.

В дискуссию включился методолог А.И.Пригожин: Вот только сейчас и пошла настоящая работа. То, что на поверхности выглядит как «отношения», как некорректность – самое серьезное и необходимое. Пожалуйста, продолжите ваш диалог. Я предлагаю вам пойти со мной в отдельную группу и мы начнем с вами работать. Тарханов и его оппоненты, пойдете, мы сейчас начнем с вами серьезную работу. Все еще можно поправить. Называйте это как хотите, но это будет серьезная работа...

Ведущий В.А.Чурилов формулирует игровое задание на этот этап (иным, по сравнению с журналистом, языком).

Редакционная комиссия сообщила, что ее вариант платформы готов. Теперь нам предстоит перейти в другой режим работы – режим принятия решений.

Решений от имени образованного из состава команд Совета территорий и Совета народностей. Совет народностей – из трех комиссий: по вопросам зон приоритетного природопользования; по вопросам культуры, языка и национальных интересов; по развитию самоуправления. Совет территории: продовольственная комиссия, комиссия индустриального развития. И совместные комиссии Совета территории и Совета народностей: по делам женщин, по делам молодежи, по вопросам законодательства, законности и правопорядка и, наконец, комиссия по экологии и рациональному использованию природных ресурсов.

Можем ли мы приступить к реализации платформы в таком ее виде, какой вносит редколлеия? Или надо обсудить конкретные меры по ее реализации и в ходе их обсуждения корректировать платформу?

Открывается заседание модельного органа. Г.С.Райшев от имени редколлеии зачитывает проект общей платформы. Идет обсуждение.

ПРИВЕДЕМ фрагменты последнего варианта платформы «Возрождение», которая в тот период истории страны и региона имела ряд перспективных аспектов и привлека-

тельных сторон, не утративших, как нам думается, этих свойств и сегодня.

Преамбула. ...Каждый народ, независимо от своей численности, имеет право на саморазвитие. Для коренных народов Тюменского Севера право на саморазвитие на нынешнем этапе неразрывно связано с обеспечением возможности этнического выживания, утверждением приоритета самобытности народной жизни над интересами промышленного освоения.

Материальной основой развития народов является их суверенное право на землю и ее недра. Абсолютной ценностью признается обеспечение условий возрождения традиционного образа жизни. При этом уважается свобода выбора образа жизни в соответствии с интересами как того или иного народа в целом, так и каждой этнической общности, личности.

Духовной основой саморазвития народа является возрождение его национальной культуры, для которой традиционно единение человека с природой.

Исходя из уникальности и самоценности любого народа, его возрождение не может быть достигнуто в ущерб другим. Гармонизация этнических интересов – условие развития и возрождения каждого из народов региона.

Преемственность исторического опыта органического взаимодействия народов Севера с природой является основой культуры освоения региона.

1. Суверенитет народов. ... * Предполагается двухпалатный орган власти территории расселения: «Совет территории» – пропорциональное представительство, равное для всего населения; «Совет народов» – 50 процентов коренных народов, 50 процентов – равные квоты для других народов, проживающих на территории округа.

Такая структура – условие консенсуса в решении этнических и межнациональных проблем.

... * В рамках автономного округа могут вычлениваться отдельные территории промышленного освоения. За Сове-

том округа признается исключительное право на установление границ и режима промышленного освоения.

* Коренные народы Севера имеют право на объединение в различные общественные организации, ассоциации, комитеты, конференции. Этим объединениям обеспечивается возможность участия в международных неправительственных организациях.

* В рамках автономного округа предусматривается создание национальных районов, поселков. Вопросы, затрагивающие интересы первичных территориальных образований, решаются местными органами самоуправления.

* Каждой национально-территориальной общности, каждому гражданину гарантируется право свободного выбора образа жизни в рамках существующего законодательства.

2. Хозяева своей земли. * Обеспечивается полное самоопределение относительно форм собственности (родовая, частная, кооперативная, коммунальная и т.д.).

* Обеспечивается полная собственность на всю продукцию, произведенную на территории округа. Должна быть преодолена государственная монополия на распоряжение этими продуктами...

* Отчуждение территорий возможно только с согласия Совета, принцип компенсации является обязательным. Окружной совет устанавливает размеры компенсации за использование территорий, отчужденных в целях промышленного освоения.

* Считать приоритетной целью расширение зоны, выводимой из-под промышленного освоения с последующей обязательной рекультивацией за счет использовавших ее предприятий.

* Признается, что самодеятельность и самоуправление как принципы жизнедеятельности общества возможны лишь при условии установления законом собственности каждого и общественной собственности.

* Провести комплексную социально-экологическую и гуманитарную экспертизу промышленного освоения региона в целях ее изменения под приоритет народной жизни.

3. Духовное возрождение. Только на основании предполагаемых экономических и политических преобразований возможны возрождение и расцвет самобытной национальной культуры и национального самосознания коренных народов округа.

* Основопологающим является принцип двуязычия (работа средств массовой информации).

* Формирование политики в области народного образования находится в преимущественной компетенции округа.

* Национальная культура коренных народов округа получает приоритетное развитие, при этом правом на культурную автономию обладают все другие народы, проживающие на территории округа.

* Памятники культуры, верования, обычаи, традиции коренных народов находятся под особой защитой органов власти территорий.

* Признается принцип свободы совести, уважения верований, обычаев, традиций коренных народов Севера.

* Каждому представителю коренной национальности обеспечивается такой уровень воспитания и образования, который позволяет выбирать образ и стиль жизни, род занятий. ...Принять меры по укреплению семьи и созданию условий для нормального семейного воспитания, взяв курс на постепенную замену госинтернатов на семейные».

Внимательный читатель без особого труда обнаружит, что в общую платформу встроены идеи практически всех сформировавшихся в течение практикума групп.

РАЗУМЕЕТСЯ, до принятия этого варианта в рамках смоделированного на игре заседания Совета территорий и Совета народностей прошло обсуждение предложенного редколлегией варианта.

«Комиссия по вопросам культуры предлагает уже в следующие три месяца предпринять ряд решительных действий...».

«Комиссия по национальному самоуправлению предлагает в течение ближайших 3-4-х месяцев провести сходы в национальных поселках...».

«Комиссия по вопросам зон приоритетного природопользования совместно с экологической комиссией предлагает в ближайшие три месяца внести предложения о нормативно-правовой базе, статусу и уставу приоритетных территорий...».

Более или менее спокойное течение практикума снова прерывается. Консультируемая методологами группа «немедленных действий» предлагает безотлагательно начать организацию съезда коренных народностей Тюменского Севера, задачи которого – обсудить разработанную на практикуме платформу и сформировать «Ассоциацию народов Севера».

«Мы очень сожалеем, что в первой половине дня произошёл своеобразный раскол из-за неприятия многих наших предложений. Мы, наверное, выбрали неправильный тон изложения своей платформы и соответствующих ей практических действий.

Мы призываем к консолидации сил участников игры и тех, кто покинул ее, обидевшись на многие наши рассуждения.

Мы намерены пойти на то, чтобы созвать Съезд, который учредит «Ассоциацию народов Севера». А для этого мы предлагаем заранее, до подготовки съезда, уже здесь, на игре, создать оргкомитет по подготовке съезда и определить дальнейшую нашу деятельность вне игры.

Игра организовала нашу мыследеятельность по проблеме, которая требует немедленного решения, и отодвигать его в какое-то далекое будущее будет, наверное, просто несправедливо по отношению к нам самим и по отношению к народностям, которые проживают на этой земле».

Снова дискуссия.

Ведущий В.А.Чурилов: Готова ли группа не расформировываться после игры, не уменьшиться, а, наоборот, увеличиться и, прежде всего, за счет интеллигенции коренных народностей, с тем, чтобы взять на себя подготовку наработанного в течение этих трех дней пакета предложений к публикации, заняться их доработкой для внедрения в жизнь? Готова ли группа немедленных действий весь проявившийся здесь пафос, настроение перенести в реальную жизнь? Готова ли группа немедленных действий к немедленным действиям?

Представитель группы: «Готовы. Есть предложение от нашей группы выдвинуть в состав оргкомитета Съезда следующих товарищей: ...».

И в это время, учитывая регламент игры, ведущий В.Бакштановский берет слово для завершения работы практикума. «Уважаемые коллеги, наш практикум должен вернуться в то место, которое было предусмотрено сценарной разработкой. Вспомним по программе наш алгоритм. Предполагалось, что мы с вами будем работать, во-первых, в режиме коллективной экспертизы, в процессе которой попытаемся дать оценку сложившейся ситуации, и в итоге такой коллективной экспертизы попробуем найти то общее у всех участников нашего практикума, что может звучать как единая платформа. Этот этап мы более или менее прошли и завершили предложением проекта платформы. Это было предусмотрено, это было достигнуто.

Вторая часть нашей работы планировалась как попытка-разработка неких конкретных мер по реализации выработанной платформы.

Организаторы практикума вышли на второй этап игры с некоторыми предложениями, с некоторыми документами, с пакетом документов, которые были предназначены для того, чтобы те, кто объединятся вокруг общей платформы, смогли бы дальше действовать.

Спасибо специально приглашенным специалистам по управленческому консультированию, группе А.И.Пригожина. Это никакие не «варяги» и не враги, они внесли в наши планы дополнение. Предложили метод, с помощью которого мы не только обсудим важные документы: проект «Ассоциация народностей Севера», Устав зоны приоритетного природопользования и т.д. Группе методологов показалось необходимым и возможным уже на игре настроить хотя бы часть участников практикума, самых активных, на то, чтобы уже завтра, после игры, начать действовать. И у них это получилось.

Однако нужно вспомнить, что осталось 15 минут до закрытия нашего практикума, и вряд ли мы сможем решить эту последнюю задачу.

Поэтому я предлагаю то время, которое нам предстоит еще работать в режиме «Самотлорского практикума-2», потратить на то, чтобы более или менее определенно решить, во-первых, достойна ли предложенная по результатам коллективной экспертизы платформа того, чтобы опубликовать ее, сделать достоянием общественности и тем самым предметом обсуждения. Во-вторых, считают ли участники практикума, что предложенный проект Устава «Ассоциации народов Севера» заслуживает того, чтобы о нем узнали за пределами нашей игры и, соответственно, общественного обсуждения? В-третьих, считают ли участники практикума целесообразным после его закрытия за счет собственного свободного времени ответить на инициативу группы наших уважаемых консультантов и попытаться перекинуть мостик от сегодняшнего игрового режима к завтрашней реальной жизни?

Если мы сейчас более или менее согласованно ответим на все эти три вопроса, тогда окажется, что любое выступление, которое сегодня прозвучало, пусть в самой резкой и полемической форме, было не зря. Но на эти три вопроса надо ответить, иначе потеряется смысл нашей трехдневной работы.

Итак, я выдвинул предложение и прошу коллегу-совета провести голосование.

Идет голосование. Все предложения поддержаны участниками практикума.

ПРАКТИКУМ подошел к финалу. *Ведущий В.А. Чурилов открывает послеигровую рефлексию*: «Скажите, пожалуйста, что, по вашему мнению, произошло за эти три дня? Что удалось? Что не получилось? Кто разочарован? В чем? И все это – с точки зрения следующего Самотлорского практикума – под номером 3».

О.Шимельфениг. – На такого типа игре я впервые: игра организована гуманитариями, а ведущим на ней оказывается политик, первый секретарь окружкома партии.

Многие участники практикума уточняли: «мы не играли, мы работали». Но игра на самом деле – это самый высококвалифицированный способ творческой работы, ибо в игре наше будущее и моделируется, и создается фактически. И те из вас, кто впервые попал на такие игровые процедуры, я думаю, сами в этом убедились: обычно участники игр очень быстро начинают понимать, что игра касается их самих, их будущей жизни и поэтому отдают все, что знают, могут и умеют.

Коллега А.И.Пригожин исходил из возможности поиска решения инициированного его группой конфликта после игры. Я думаю, можно было бы приступить к сотрудничеству до начала такого конфликта, это позволяет наша технология проблемно-деловой игры.

Спасибо за возможность участвовать: я с удовольствием делал все, что мог и что требовалось, и спасибо за знакомство с вашим видом деловой игры. Он будет получать все большее распространение и может обогатиться за счет участия авторов и последователей других видов деловых игр.

Ю.М.Федоров. – У меня осталось сложное чувство от последнего дня игры. Я понимаю, что мы живем в ситуации растабуирования традиционной для нас в течение 70 лет

власти. И это, видимо, правильный и нужный процесс, вне всякого сомнения. Не совершив его, мы не обнаружим истинных субъектов социальных действий. Но инициированное игротехниками образование оргкомитета то ли Народного фронта, то ли Ассоциации народов Севера пробуждает сомнения – на фоне тех мощных процессов, которые происходят в стране. Я не доволен той позицией, которая у нас на практикуме восторжествовала. Одно дело – идти сознательно на бой, вести за собой массы и вместе с ними погибать в бою. Другое дело – возбудить их к этому, а потом оказаться в Москве, принять теплый душ и на завтра узнать, чем все это кончилось.

Я живу не в самом Баку, а около Баку, в поселке Мардакяны – это вторая родина Есенина, там он написал «Шаганэ, ты моя Шаганэ». И вот такая ситуация: мои друзья азербайджанцы – и мои друзья армяне. Я там вырос, после долгого отсутствия вернулся и мне нужно было каким-то образом определиться в этом конфликте, тем более пока что позиция русских там вполне нормальная.

Я знаю, какой трагедией для простых людей обернулся этот конфликт. Я слышал деятелей, которые говорят: «Давайте сейчас взорвем субъект сознания, активизируем его, а потом мы вам предложим прекрасную методику выведения из конфликта». По-моему, по этому шаблону сейчас многие работают. И я не говорю, что это само по себе очень плохо, но надо знать конечные цели: если эти цели благородны, тогда можно взрывать сознание субъекта действия. Но при условии, если ты рядом с ним до конца.

Поэтому группе «Немедленное действие» нужны не просто консультанты-игротехники, а те люди, которые относятся к ситуации ханты и манси ценностно, а не с высот методологического знания. Что получается у нас на практикуме: тоненький слой народа окружен массой людей, у которых нет еще у самих нормального самосознания. И вот эти люди говорят: «Идите вперед! Вы субъект принятия политического решения!» И бросают их уже завтра.

Когда я ехал на игру, у меня была версия того, что можно сделать. Главное в самоопределении народа – нравственность тех его интеллектуальных и творческих групп, которые берут на себя смелость вести за собой. И, наверное, у ханты, у манси есть своя интеллигенция. Вот и здесь начала формироваться новая группа, которая, может быть, действительно в борьбе с другими группами возьмет верх, овладеет ситуацией. И ей надо помочь.

Но давайте найдем этой группе реальных союзников, а не тех, которые толкают к черте.

М.Г.Гананольский. – Я хотел бы включиться в процедуру разбора игры, оценивая то, что происходило не вокруг меня, а внутри меня. Напомню эволюцию своей позиции. Я начал с ожидания, что предложенную мною на старте практикума платформу разделит весь состав его участников. Но не пришел никто. Затем я обнаружил близость к моей позиции многих платформ и стал агитировать их сторонников на свою сторону. Думал, что придет, по крайней мере, ползала. Но опять никто не пришел. Затем я бы трансформировал свою позицию «участие» в позицию непричастности: происходило нечто такое, к чему я не хотел быть причастным. Затем я сформулировал свою позицию как позицию молчания, немоты. Немоты от того, что не могу разобраться в том, что здесь происходит. И, наконец, вдруг возникла ситуация разочарования: игра уже кончилась и вроде бы она не удалась.

Теперь я пытаюсь анализировать свои чувства. Нет, игра удалась, удалась как этическая игра. Этическая игра не может быть игрой безнравственной. Мы не играем какие-то роли, а своей нравственной позицией, не искажая ее, осваиваем неизведанные ранее ситуации. Мы обогащаем свой нравственный опыт. Человек играющий не может прожить все платформы, но может их освоить. За счет чувства причастности, участливого отношения, чувства участия в работе он поднимается над собой. В этом смысле мы на

игре больше обрели не в сфере знания, а в сфере мудрости.

А.И. Пика. – Хотел бы высоко оценить то, что мне удалось увидеть за эти три дня. Я впервые присутствую на таких играх, но долгие годы занимаясь изучением коренного населения арктических стран за рубежом, наблюдая здесь за спорами, за выработкой позиций, я увидел, что за три дня участники практикума прошли тот путь, который аборигены зарубежного Севера проходили за десятилетия. Принципы выстраивания взаимоотношений внутри своего народа и вне своего народа, с государственными структурами, которые они вырабатывали долгие годы, были обсуждены здесь достаточно квалифицированно и вошли в общую платформу. Я вообще-то не ожидал, что люди, многие из которых, по-видимому, не являются специалистами непосредственно в этой области, подошли к своей платформе с очень правильных позиций.

В то же время мне хотелось бы заметить, что в бочке этого меда была и ложка дегтя. Я имею в виду последнее выступление Ю.М.Федорова, где в излишне драматической форме говорилось, что непредсказуемые последствия могут возникнуть в том случае, если коренное население предпримет какие-либо активные действия для защиты своих прав и будет действовать таким образом, к которому их подводили консультанты.

Мне не раз приходилось выслушивать такого рода мнения. Я считаю, что это одна из форм патернализма в отношении к народностям Севера. Раньше такое отношение выражалось в нашей «помощи» как таковой и культурной политике, сейчас же оно выражается в том, чтобы оградить народности Севера от каких-либо неприятностей, ожидающих их, если они будут действовать более активно.

Г.И.Егорова. – Мне кажется, самая главная ценность этой игры в том, что многие из ее участников за три дня самоопределились в отношении той проблемы, которую они решали сами для себя многие годы. И, что не менее важно,

перешли с позиции претензий, которые звучали первый и второй день, на позиции действия.

Ю.В.Согомонов. – В годы моей молодости нас учили «держайте осторожно». И мы действительно десятилетиями держали осторожно. Вы знаете, к чему это привело. Но сегодня, мне кажется, я увидел картину, несколько противоположную тому, чему нас учили. Я, наоборот, поддерживаю позицию Ю.М.Федорова, может быть потому, что сам родом из Баку. Я знаю, что это такое, когда накопленная десятилетиями ненависть, раздражение, неприязнь выливаются на улицы. Надо просто понимать размер этого кошмара. При этом мы должны отдавать себе отчет, что и дальше у нас будут межнациональные конфликты. А механизмов их разрешения у нас нет. И в такой ситуации к призывам к сдержанности и благоразумию нужно, мне думается, прислушаться.

Я хотел бы предложить руководителям нашего практикума включить в тематику «Самотлорского практикума-3» не только положение ханты и манси, но и проблемы не русских, а русскоязычного населения. Я хотел бы это подчеркнуть, потому что можно подходить к проблемам жителей этого края с двух сторон: как к населению, тогда мы думаем о колбасе, о кв.м. жилья и прочих проблемах, но можно подходить к ним как к нации. А какая же нация живет здесь? На Севере складывается, формируется, я предполагаю, некая новая общность людей, которых мы, может быть, назовем россиянами или северянами. Но это группа людей, которая опирается на русский язык и на русскую культуру. Вместе с тем эта общность предполагает не сгорание этноса малочисленных народностей, не растворение их, а убережение, возможность их этнокультурного развития в рамках суперобщности, суперэтноса.

Это процессы новые, они пока могут быть только предметом прогнозов. Мне думается, что обязательно надо уделить внимание этим проблемам. Потому что, не дай бог, в ответ на «народный фронт» ханты и манси здесь сформи-

руется то, что возникло в Прибалтике под названием «Интерфронт». Поэтому для группы, которая назвала себя «группой немедленного действия», я предложил бы другое название: «группа замедленного действия», т.к. здесь много связано не только с политическими требованиями, но и с культурной ситуацией. А культура не сваливается с неба, она должна выращиваться медленно.

В заключение: я присоединяюсь к мнению тех, кто считает, что платформа, которую разработали участники практикума, – очень неплоха. Есть в ней моменты, по которым можно спорить, но в принципе она может служить основанием для принятия документов. Хочу обратить внимание: документов к действию.

И последнее: я хотел бы поблагодарить художников за великолепное оформление нашей игры.

В.Н. Сагатовский. – Горькую правду высказал Юрий Михайлович Федоров. Я думаю, некоторые товарищи неправильно его поняли. Он призывал не к пассивности, но напоминал о нравственной ответственности за тот колоссальный недостаток определенной части нашей интеллигенции, который в нашей истории наделал не мало бед. Эти беды в свое время писатель Юрий Трифонов назвал термином «нетерпение», а недавно философ Александр Сытько подобрал точный термин: «эгоизм мечтателя».

Относительно заявленного здесь третьего Самоотлорского практикума. Лично я с удовольствием откликнусь, если меня пригласят, потому что надо ценить такую ситуацию, когда символический треугольник работает.

Я очень рад, что принял участие в этом симпозиуме, что посмотрел эти прекрасные места и познакомился с живущим здесь добрым и гостеприимным народом.

Е.Г. Сусой. – Я хочу сказать от имени нашей небольшой группы коренных жителей. Что мы из этого практикума вынесли? Мы смогли свои чувства оформить в мысли: нас заставили так работать. Впервые мы поняли, что чувства можно укладывать в какую-то систему, превратить в мысли.

4.5. Результаты игры

«10 и 11 августа в Ханты-Мансийске прошел первый съезд народов Севера, населяющих автономный округ. Важнейшее его решение – образование национального органа местного самоуправления, которому окружной Совет народных депутатов передаст значительную часть своих полномочий. По нынешним временам, когда идет напряженный поиск оптимальных вариантов преодоления разного рода национальных противоречий, факт, согласитесь, достаточно примечательный.

Но дело еще в том, что идея создания такого органа самоуправления родилась в ходе трехдневной поисковой деловой игры, проведенной в самом начале июня там же, в Ханты-Мансийске».

Этими слова корреспондента ж. «Коммунист»¹⁰ мы готовы определить *общий* итог Самоглоторского практикума-2.

Добавив «лишь», что в проекте программы ассоциации «Спасение Югры» (один из вариантов обсуждавшегося названия) совсем не трудно обнаружить в качестве основы созданную на игре платформу «Возрождение»¹¹.

А далее – структурируем и конкретизируем этот итог.

* Если говорить об эффекте практикума для всех его участников *в целом*, можно выделить активное *проживание ситуации выбора*. И даже драматичное проживание. Три момента игры оказались весьма драматичными. Во-первых, драма самих коренных народностей, среди которых есть приверженцы всех трех – исходных для проекта – моделей решения. Можно ли в такой ситуации говорить об общей судьбе всех народов Севера? Во-вторых, драма власти, стремящейся совместить гуманистические ориентиры с прагматизмом. Удастся ли ей сотворить нечто большее, нежели «меньшее зло»? В-третьих, драма гуманитариев, рискнувших перейти от традиционной (критической) позиции в

¹⁰ См.: Коммунист. 1989. № 13. С. 67.

¹¹ См.: Программа ассоциации «Спасение Югры» // Ленинская правда. Ханты-Мансийск. 1989. 20 июля.

отношении к политическим решениям к позиции конструктивной, пытающихся участвовать в политической деятельности при очевидной противоречивости критериев морали и политики, при неразвитости политической этики в ситуации переходного периода.

Участники игры поставили, можно сказать, эксперимент на самих себе. Они – в первую очередь представители северных народностей – повели себя свободней, чем в жизни, испытали варианты решения вынесенной на практику проблемы на гуманность и целесообразность. Практикум позволил проверить, способны ли на партнерские отношения стороны того треугольника, который обозначен в символике практикума. Ведь тем же партийным и советским работникам соблазнительно было впасть в ходе игры в подхалимаж, завоеывая в такой не обязывающей ни к чему обстановке расположение ханты и манси. А у части представителей коренных жителей могло возобладать настроение «выпрашивания подачек». А разве приятно видеть, как в реальной практике ученые нередко пытаются угодить власти – такие отношения всегда фальшивы, даже на игре. Хорошо, что удалось их избежать.

Добавим к нашей оценке результата игры суждение М.Уваровой и О.Шимельфенига: «Достичь понимания нравственных проблем вряд ли возможно за эти три дня, тем более – для сотрудников советского и партийного аппарата, которых здесь было больше половины. Наиболее сильный эффект игра произвела, как нам показалось, на экспертов. Однако и представители малых народов Севера, и "аппаратчики" начали переживать этот "пограничный" момент между игрой и жизнью, что, возможно, будет иметь определенные положительные последствия».

* И отдельно – об эффекте метода игрового моделирования.

Р.С.Гольдберг. – Мое мнение: игра не получилась. Но не получилась лишь в том смысле, что для большинства участников так и не стала игрой: ситуации, предложенные

организаторами практикума, ситуации, возникшие в ходе дискуссий, не воспринимались в качестве игровых, с условностями и допущениями. Очень быстро практикум заработал всерьез. Участники осмысливали не условную модель условного решения, а отстаивали свои убеждения.

Это суждение может иметь два значения. Во-первых, ведущие не справились с феноменом двуплановости игры и нарушили границу между условным и серьезным. Но, на наш взгляд, журналист имел в виду другое. И это, во-вторых, автор подчеркнул самое главное в нашем методе: игра выросла из жизни и вернулась в нее.

** Для развития теории прикладной этики и культивирования ценностей политической морали.* Практикум, посвященный конкретной этноэкологической проблеме, активизировал поиск в сфере политической этики, позволил испытать и развить нравственный потенциал современной политической практики, поддержать стремление ориентированных на Перестройку представителей власти овладеть политическими методами руководства в новой ситуации, когда на первый план выдвигаются гуманистичность целей и демократичность решений.

Экспертный характер игрового поиска ориентировал на испытание намерений, возможностей и умений политиков принимать максимально возможные в данных условиях справедливые решения, искать наилучшие варианты этих решений в диалоге с представителями коренных народностей, а не вместо них, сотрудничать с гуманитариями как в экспертизе, так и в проектировании новых социальных технологий, без которых не вылечить застарелые болезни общества.

Эффектом политической социализации была насыщена сама атмосфера игры. Ее организаторы смогли сконцентрировать усилия участников на легитимизации прав меньшинства – моральное воздействие обеспечивалось не просто созданием ситуации выбора, но и спроектированными в

процессе игры демократическими процедурами решения этих ситуаций.

Мучительно трудный вопрос композиции нового социально-политического идеала получил, представляется, дополнительный импульс. Первоочередное значение приобрел национальный компонент этого идеала, что явно недооценивалось на предыдущих этапах развития нашего общества.

Эффект игры заключается, видимо, не только в том, что представители национальной интеллигенции обрели большее чувство собственного достоинства, подкрепленное сочувствием всех участников игры, но и в том, что остальные участники оказались в выигрыше: хотя бы частично реализованное стремление оказать помощь является характерным свойством всякой гуманитарной экспертизы.

Игра выявила и сгусток бед и страданий, которые выпали на долю коренных народов Севера, но не обошли стороной и тех, кто уже обжился в регионе, и «кочевников». На глазах участников игры формировался синдром «взрыва» национального сознания малочисленных народов. Но одновременно был поставлен вопрос о создании на Тюменском Севере новой русскоязычной межэтнической общности («северяне»). В этом процессе этногенеза могли бы обрести оседлость те из числа «пришлых», которые олицетворяют феномен «промышленного кочевничества» нашей цивилизации – опасный дестабилизирующий элемент не одних только районов нового освоения.

В ТРАДИЦИЯХ нашей технологии – самим стимулировать и организовывать аналитический разбор замысла, процесса и результатов игр его участниками. Так было и в этот раз, и не только на заключительной части самого практикума, но после его завершения, когда мы предложили разъехавшимся по домам коллегам, участвовавшим в проекте, критически посмотреть на состоявшуюся акцию.

О.В.Шимельфениг. – Если первые два дня была игра участников, то третий день – игра игротехников. Зачем?

А.И.Пригожин сыграл по-своему красиво, приведя события к логическому результату – созданию группы «Немедленного действия», но как это согласовывалось с желаниями организаторов и участников?

В.Н.Сагатовский. – В ходе игры, несмотря на высокую квалификацию многих ее участников и хорошо стратегически и тактически продуманное и осуществленное руководство, мы столкнулись с двумя полярными, на первый взгляд, но взаимопроникающими трудностями: 1) стихийное психологическое недоверие к игре – дело, мол, надо делать, а не играть (на первом этапе); 2) увлеченность игрой, таящей в себе опасность психологического заражения, манипулирования сознанием (на заключительном этапе). К этому надо добавить, что в игре приняли участие люди, которые сознательно воспользовались обеими трудностями (что вообще характерно для нашего времени, когда быстрая демократизация и плюрализация не сочетаются с опытом демократического поведения: раньше можно было клеймить и разоблачать с одной позиции, теперь – с многих; а требуется-то диалог и взаимопонимание). Подчеркнем еще раз: надо делать различие между теми, кто к диалогу не готовы, и теми, кто диалога не хотят.

Особенностью игры, что также характерно для нашего времени, был резко выраженный рост национального самосознания, не без примеси националистических тенденций. И здесь тоже нужны тонкие различия. Прекрасно, когда любой народ, независимо от численности и мощи, стремится к возрождению. Плохо, когда он видит только себя, свои обиды и права, а на других начинает смотреть в основном в отрицательном ракурсе. И эти два состояния отнюдь не разграничены с какой-то ясной определенностью.

В отношении к национальному вопросу в ходе игры можно выделить 4 основных позиции.

1) Позиция старшего поколения ханты-мансийской интеллигенции: боль за поругание края, стремление к возро-

ждению Югры, но с сохранением доверия к сотрудничеству и диалогу, традиционного для этих народов миролюбия.

2) Позиция младшего поколения ханты-мансийской интеллигенции, у которой национальные чувства из сердца больше перешли в голову. А маргинальность – питательная почва для экстремизма. Представители обеих позиций не сомневались в том, что 18 тысяч ханты и манси имеют право на 50% представительства в предполагаемой палате народов Совета округа, где проживает 1 млн. 300 тыс. человек (русских, татар, коми, ненцев и др.). Что это: национальное самосознание или уже крен к национализму? Но именно молодежь оказалась особенно отзывчивой на призывы к немедленному и ультимативному предъявлению требований: взять власть в руки «Народного фронта» (8 молодых застрельщиц!) и объявить о запрете нефтедобывающей промышленности (кто? кому?!).

3) Значительная часть участников, как иногородних, так и местных, не принадлежащая к коренным народам, заняла позицию, очень характерную для русской интеллигенции: сочувствия, желания понять, помочь, проникаясь прежде всего интересами несправедливо обиженных.

Именно с этой позиции была разработана платформа «Возрождение»; именно эти участники игры сделали все, чтобы объединить группу старшего поколения («Хозяева своей Земли») и молодежи («Народный фронт»).

4) Группа участников из Москвы и Свердловска, которая, умело используя игровую увлеченность и жажду к утверждению своей самостоятельности, на заключительном этапе практикума сумела повести национальную интеллигенцию за собой.

Платформа «Возрождение» – итог напряженного коллективного труда, мозгового штурма была отодвинута в сторону одним шагом: призывом к немедленным действиям с противопоставлением действий и концепций и созданием иллюзии, что идеи этих действий родились спонтанно в соз-

нании молодежи, а не выявлены и отобраны (и в значительной мере инспирированы) умелыми манипуляторами.

Ю.М.Федоров. – Складывалось впечатление, что под субъектом принятия политического решения понимается, видимо, некая высшая бюрократическая инстанция. И здесь социетальность выхолостила гуманистическое содержание: не человек, а безличный социум оказался фактически субъектом планирования политических изменений. В изложенных целях практикума уровень собственно гуманистического потенциала оказался столь незначительным, что сама игра не могла не свернуть на наезженную социологией социотехническую колею.

Теперь о так называемом методе «взрыва субъективности», блестяще продемонстрированной группой игротехников под руководством А.Пригожина. Этот метод, видимо, имеет свой интервал применимости в сфере инновационной деятельности субъекта. Да, инновационная деятельность осуществляется не иначе как через внутреннее напряжение интеллектуальных и духовных сил и потенциалов субъекта. Инновирование – продуктивная функция внутреннего конфликта человека, которое можно искусственно спровоцировать, чтобы помочь «родам». Однако необходимо поставить вопрос о видах (формах) инновационной деятельности, в которых этот метод нравственно оправдан. И вообще, на какой стадии «беременности» старого новым роды, спровоцированные таким способом, не подарят миру еще одну химеру?

Этот метод вполне оправдан, когда к субъекту инновационной деятельности игротехник относится объективно, то есть как к некоторому элементу системы, находящейся в состоянии флуктуации (например, деятельность так называемых творческих коллективов). Но в какой мере оправдано искусственное подведение под внутренний конфликт целостного субъекта политического или нравственного инновирования? Где в таком случае кончается чисто научная процедура и начинается процедура политическая?

Не является ли метод «взрыва субъективности» в случае его применения по отношению к субъекту нравственно-политического решения скорее элементом политической, а не гностической процедуры? Но в таком случае как быть с проблемой суверенности нравственно-политического сознания субъекта, оказавшегося помимо его воли в ситуации тотального социотехнического манипулирования? Не подвергается ли он при этом воздействию мефистофелевского или дориано-греевского эффекта? Не трансплантируется ли при этом в его сознание идея-фикс, которой страдает игротехнический демиург?

На наш взгляд, перенос этого метода из сферы научно-технического инновирования в сферу инновирования нравственно-политического не только несостоятелен, но и безнравственен, так как неизбежно сопрягается с манипулированием внутренним миром субъекта. Этот пример лишней раз доказывает опасность социологической редукции природы нравственного.

В своей рефлексии я остановился лишь на тех моментах игры, которые вызвали, мягко говоря, неоднозначное восприятие у «игроков», обладавших различными методологическими и нравственными ориентациями. Несомненно при этом, что эта игра во многих отношениях этапна, а кризис ее методологических основ позволит ученым выйти на разработку новых, более тонких подходов в сфере игротехники.

Огромная заслуга этой игры состоит в осознании ее участниками необходимости творческого развития этической формы рефлексии и фокусировании ее на гуманистической проблематике, в центре которой наконец-то должен оказаться Человек.

ОЖИДАНИЯ и их воплощение, с точки зрения авторов игры, представим с помощью еще одного фрагмента интервью В.А.Чурилова и В.И.Бакштановского с Ю.В.Казаковым сразу после завершения Самотлорского практикума-2.

Ю.Казаков. – Игра позади. Финал ее был бурным, для меня во многом неожиданным. А для вас – отличался ли замысел от реализации?

В.Бакштановский. – Один из важных моментов замысла был таким: испытать наработанные на предшествующих играх формы общения консультантов-гуманитариев и ЛПР по критерию практической полезности. В том, что сама идея гуманитарной экспертизы и консультирования, реализуемая с опорой на игровую методологию, дают эффект, мы уже давно убедились. Но ранее речь шла об использовании игр прежде всего для наработок в области методики и методологии *подготовки* политических решений. На этот раз мы пошли дальше: посмотрели, можно ли с помощью метода игрового моделирования добиться гуманизации процесса *принятия* решений в конкретной и весьма сложной области.

Что касается реализации замысла. Выйдя на конкретные проекты политических решений, мы убедились: полноту, основательность гуманитарной экспертизы обеспечивает прежде всего ее комплексность, многопрофильность. Тот факт, что на практикуме активно работали политологи, этнографы, социологи, юристы, экономисты, журналисты, писатели, художники, во многом предопределял результат нашего совместного труда. Я бы сформулировал его так: самое важное, что активная часть интеллигенции коренных национальностей в процессе игры сделала заметный шаг вперед, к активной политической жизни. Это первое.

Второе: на игре были сделаны важные для будущего шага ученых разных специальностей друг к другу, закрепление или пробуждение интереса как к совместной работе, так и к самой идее гуманитарной экспертизы и консультирования политических решений. В ходе практикума начал складываться реальный целевой научно-практический коллектив, основанный на общности интересов, близости политических позиций, научного видения. Мы получили возможность убедиться, что действительно нужны здесь. Что от нас зависит качество подготовки серьезных решений, равно как и каче-

ство их реализации. Это дает основание надеяться, что участие моих коллег в жизни округа будет продолжено, и продолжено активно. Сегодня можно предположить, что мы сначала поможем воплотиться в жизнь ряду общественных инициатив, идеи которых возникли или получили одобрение на игре (например, та же ассоциация народов Севера), а затем постараемся помочь им выйти на необходимый уровень компетентности.

Ю.В.Казаков. – Дал ли вам как ученому «Самотлорский практикум-2» какой-то принципиально важный новый опыт? Подарил ли какое-то прозрение?

В.И.Бакштановский. – Если брать самое важное: практикум всем своим ходом, включавшим и рождение «Народного фронта», и исходом подтвердил то, до чего я прежде доходил только умом, аналитическим размышлением – ученый, стремящийся максимально помочь демократизации страны, сегодня должен быть гуманистическим консультантом не столько властной структуры (какими бы прогрессивно настроенными ни были ее конкретные представители), сколько приобщающихся к политике представителей народа, рождающихся демократических структур, общественности.

Поход «в народ» для ученого – новая, и весьма драматичная, ситуация риска. Сидеть в «башне из слоновой кости», наблюдая за событиями, проще и безопаснее. Но я сегодня еще более, чем прежде, убежден в том, что гуманитарием сегодня как раз и является тот, кто рискует «ввязываться» в жизнь, кто берет на себя ответственность эксперта, консультанта, рекомендующего нечто по праву знания и умения.

Ю.В. Казаков. – А что дала игра партийному лидеру, ее соавтору и соведущему?

В.А.Чурилов. – Ощущение нового уровня взаимоотношений и взаимодействия института политической власти с народом. Ощущение присутствия при родах нового политического процесса, новой альтернативной силы, возможно – нового лидера, представляющего коренную народность. Это

все ощущения обнадеживающие. Но появилось и ощущение настороженности, даже смятения. Причина: подавляющее большинство партийных и советских функционеров, самой логикой игры втягивающихся в гущу новых политических процессов, не взяли на себя ролей, которые могли испытать, прощупать в режиме «примерки», не боясь ошибиться к ушибиться. Почему? Как к этому относиться? Есть повод для размышлений.

Ю.В.Казаков. – Что прибавил практикum к вашему партийному опыту, к перспективному видению ситуации в округе, образу действий, наилучшим образом отвечающих решению задачи выживания?

В.А.Чурилов. – Прежде всего, окрепшую уверенность: политическому лидеру, если он намерен «влиять на погоду», необходимо выходить за пределы формальных структур, идти на контакт со структурами неформальными. Здесь, как мне представляется, новое политическое мышление и должно проявляться прежде всего. Сегодня секретарю окружного комитета партии, секретарю горкома или райкома недостаточно просто по-новому проводить пленумы, собрания. Мои, политического руководителя, идеи, планы, видение путей выхода из кризиса, дорог к выживанию страны, региона должны быть поняты и приняты рядовыми людьми, общественными формированиями, гражданскими инициативами. Только в этом случае я останусь ЛПР на деле, а не на словах.

Политический лидер обязан активно помогать становлению самоуправления. Что касается конкретного Ханты-Мансийского округа, то один из элементов самоуправления вижу таким. Окружной Совет передает часть своих властных полномочий ассоциации народов Севера как организации общественно-политической. Найдет ли такой взгляд поддержку? Победят ли другие точки зрения? Думаю, ответ на многие вопросы такого рода мы получим уже через месяц: на том самом Съезде равнодушных людей, идея которого возникла в ходе «Самотлорского практикума-2». В том, что

именно этот Съезд, а не обычная учредительная конференция, положит начало деятельности ассоциации, станет ее высшим органом, мне видится принципиально важный для будущего региона элемент большого нравственного, политического, личностного потенциала.

Я, честно говоря, ожидал от практикума разработки (хотя бы в первом приближении) реальных проектов документов, служащих основанием для принятия решений, скажем, устава ассоциации народов Севера, Закона об автономном округе, о юридическом, экономическом, социальном статусе зоны приоритетного природопользования. Вот эта технологическая, так сказать, сторона дела удалась в меньшей степени.

Но кое-что новое действительно наработали. Во-первых, навыки работы в диалоговой форме – сейчас это особенно важно. Во-вторых, опробована идея новых структур, которых пока нет в реальной жизни: две палаты окружного Совета народных депутатов (Совет территорий и Совет народов Севера). По-моему, это реальный путь к эффективному обеспечению прав коренных народов. И те, кто присутствовали на игре, могли убедиться: народ не безмолвствует, и он не просто требует участия в решении своей судьбы, но готов к такому участию.

Я как партийный руководитель мог бы предложить эти новые структуры и без практикума: «слушали, постановили» – прием в партийной жизни не новый и отнюдь не забытый. Сотни организаций и комитетов «слушают» – не слыша, «постановляют» – не рассчитывая на выполнение, на успех. Делают это по инерции, по привычке, не заботясь о последствиях. А потом удивляются, почему решения не «срабатывают». Но ведь если смоделировать их в ситуациях, приближенных к реальным, можно выработать *действенные* решения.

Глава 5

**Партия в ситуации выбора:
моделирование стратегий неотложных изменений**

Справка: Практикум «Партия на пути к правовому государству: ситуация выбора» – игровое моделирование ситуации выбора в жизни партии в контексте Перестройки – состоялся в январе 1990 года в Москве, в Агентстве печати «Новости». Пилотажный практикум был проведен окружкомом КПСС в г. Сургуте Ханты-Мансийского автономного округа.

Авторы идеи и сценария практикума:
В.Бакштановский, Ю.В.Казаков, В.Чурилов.
Ведущие: В.Бакштановский, Ю.Казаков,
В.Чурилов.

5.1. Проблемная ситуация и идея-гипотеза проекта

«МЫ СТРЕМИМСЯ к гуманизации советского общества. Естественно, встает вопрос о мотивах социалистического выбора, о соотношении идеалов, целей и средств, которые определяют меру свободы и ответственности, справедливости и достоинства в переходный период на пути к правовому государству. За универсальными понятиями «социалистический выбор», «перестройка», «обновление партии» стоят конкретные варианты, альтернативные возможности развития общества и партии, содержащие различный вклад в решение проблемы выживания общества, подразумевающие разные роли партии в гарантированном решении этой проблемы. Какую партию выберет себе общество? Какое общество, какие общественные, морально-политические идеалы выбирает себе обновляющаяся партия?»¹.

¹ Партия на пути к правовому государству: ситуация выбора / Под ред. В.И.Бакштановского. Москва-Тюмень, 1990. С. 3.

Этот фрагмент обращения инициативного научно-практического коллектива организаторов и авторов практикума – Научно-консультационный центр парткома Агентства печати «Новости», Ленинский райком КПСС г. Москвы, Ханты-Мансийский окружком КПСС, Вахитовский райком КПСС г. Казани, лаборатория прикладной этики Института проблем освоения Севера Сибирского отделения АН СССР – к участникам предваряющего практикум экспертного опроса дает определенное представление о проблемной ситуации, в которой формировалась идея-гипотеза проекта.

Предпосылкой становления важнейших элементов политического этоса демократизирующегося общества эпохи Перестройки было формирование представлений о будущем самой партии в контексте гуманизации всего общества, когда стали обновляться идеалы, цели и средства (средствам предстояло «оправдать» цели), а стало быть, и соотношение свободы и ответственности, социальной справедливости и человеческого достоинства.

Неизбежная вариативность путей развития советского общества, правящей партии, подход к Перестройке как ситуации выбора требовали конструирования такого способа анализа альтернативных вариантов, который поможет понять, как это заявлено в открывающем главу обращении авторов и организаторов практикума, во-первых, образ партии, которую *изберет* себе общество «обновляющегося социализма», и, во-вторых, какие из вырабатываемых обществом политических и моральных идеалов *выберет* себе обновляющаяся партия, предопределив тем самым и свою новую этико-политическую парадигму.

В этой ситуации и была выдвинута идея гуманитарной экспертизы и консультирования основных моделей развития партии в критический момент выбора ею своего нового пути.

Предваряющая практикум работа инициаторов проекта – диагностика ситуации и конструирование *пилотных вариантов* этих моделей – была проведена на *площадках* «моз-

говых штурмов» в партийных комитетах Ханты-Мансийского автономного округа, семинаров научно-консультативного центра парткома АПН, «круглых столов» Высшей партийной школы и газеты «Московские новости» и т.д.

В качестве примера приведем здесь фрагмент описания в «Московских новостях» специально организованной в рамках подготовки практикума дискуссии правоведов, «в ходе которой они попытались конкретнее сформулировать конечные цели движения общества и определить, насколько мы продвинулись в реальном построении правового государства с момента провозглашения этой цели. В обсуждении принимали участие ученые-правоведы Борис Крылов, Леонид Мамут, Владик Нерсисянц. Был сделан вполне однозначный вывод: правового государства на сегодня у нас нет. Более того, при существующих сегодня структуре общества, уровне развития экономики и типах собственности, государственном устройстве и судебной системе построить его невозможно. Неопытность законодателей, неразвитость правосознания и правовой нигилизм часто ведут к тому, что принимаемые нормы не приближают, а отдаляют нас от правового государства. Причем ни призывы к «неукоснительному» соблюдению закона, ни строгие наказания за его нарушения не дадут результатов до тех пор, пока сам закон не станет правовым – будет реально отражать потребности общества, а не закреплять «возведенную в закон волю» какого бы то ни было класса, слоя или группы... Вот масштаб изменений, которые необходимо осуществить, и это должен ясно представлять каждый – и в игре, и в жизни. Для тех, кто готов всерьез взяться за такую задачу, юристы описали ряд признаков идеальной модели правового государства, выработанных мировой практикой, которые и были предложены участникам игры как целевая установка. Среди них – обеспечение прав и свобод личности как главное назначение и обязанность государства, разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную при соблюдении всей полноты компетенции каждой из них и недо-

пустимости их подмены, наличие современного, организованного в самостоятельные структуры гражданского общества и, наконец, новое понимание права как меры свободы, отраженной в законе, как единой меры взаимодействия свободных и равных субъектов. Словом, должна быть признана новая концепция, согласно которой право формируется обществом, а государство лишь формулирует и закрепляет его»².

Наша идея-гипотеза заключалась в том, чтобы в сценарий, который предстояло разыграть участникам практикума, была заложена *имитация вероятного поведения* различных течений, позиций, групп членов партии и нарождающихся общественных движений при реализации той или иной из дискутируемых моделей партии. Речь шла об *экспериментально испытываемом* взаимодействии всех позиций, которые вовлечены во время практикума в прогнозируемую и проектируемую ситуацию, а, соответственно, о *моделировании* «плюсов» и «минусов», характеризующих предлагаемые нововведения, и содействие/сопротивление им различных сил в партии и обществе.

АВТОРЫ и организаторы практикума видели в нем метод ответственного поиска, способ освоения будущего для тех, кто осознал востребованность своей гражданской ответственности, кто стремился максимально увеличить шансы на *выживание* (актуальный термин тех лет) общества.

Инициативный научно-практический коллектив рассматривал участников практикума как *коллективный субъект* экспертизы и консультирования вариантов демократической и гуманистической технологии разрешения ситуации выбора. Как коллективный субъект испытания *рабочей гипотезы*, согласно которой модели обновления партии могут быть интегрированы в единую платформу для выбора делегатов на съезд КПСС, если сторонники всех вариантов

² См.: Нина Беляева, Андрей Романов. Соблазн или страх компромисса: что возобладало у партийных работников в ходе деловой игры? // Московские новости, 1990. 28 января.

социалистического выбора попытаются создать механизм сотрудничества, соглашений, компромиссов как единственный способ обеспечения гражданского мира, выживания общества.

Как коллективный субъект *испытания в лаборатории*, в которой «исследователь» и «предмет» выступают в одном лице, предпринимая эксперимент на самих себе. Игра давала технологию освоения нового, приобретения опыта, в котором нет *учителей*.

Условность ситуации, в которой находились участники практикума, позволяла совершить невозможное в реальной жизни: «пройти» по всем вариантам выбора, испытать *каждый из прогнозов*. Чтобы *успеть за временем* – в реальной жизни оно шло быстрее, чем находились ответы на вопросы, вызванные инновационными ситуациями – его предстояло «свернуть», ускорить, интенсифицировав опыт проживания ситуаций, сценарного испытания каждой альтернативы.

Метод игрового моделирования, диалогизируя поиск – не «подгоняя» ответы к тем, что даны «в конце задачника», а «выращивая» решения, должен был активировать моральную рефлексию участников практикума относительно принципиально важных для выбора модели обновления партии критериев, которые предполагалось заложить в процесс ведения игры: приоритет задачи выживания страны и ориентация на соответствие моделей партии ценностям и нормам правового государства.

Игровое моделирование здесь – технология экспертизы идеи сотрудничества сторонников различных подходов, метод освоения способов сближения позиций и достижения согласия, прием определения пределов компромисса, на которые могут в принципе решиться сторонники различных моделей обновления КПСС. В идеале – технология продвижения гипотезы о возможности «выстраивания» различных моделей развития партии как сквозной «технологической цепочки» перерастания одной модели в другую в ходе

становления правового государства, вплоть до модели партии, действующей при многопартийной политической системе.

В то же время *условность* игровой деятельности, ее правдоподобность, вероятностный характер ситуаций должны были снять целый ряд проблем *реального* эксперимента и защитить участников от последствий того *риска*, на который они идут при выборе той или иной модели.

Задачи коллективного поиска участников практикума: диагностика различных моделей ситуации выбора партией своего пути; определение возможности и формирование элементов интегративной модели обновления партии; конструирование переходной технологии обновления.

5.2. Предварительная экспертиза

ФОРМАТ *предварительной* экспертизы основных моделей выбора дальнейшего пути КПСС – опрос экспертов.

Как строилась анкета³? Сначала – *пreamбула* о проблемной ситуации, которую мы уже цитировали выше, представляя фрагмент обращения инициативного научно-практического коллектива организаторов и авторов практикума. Затем – задание: «Просим вас подвергнуть экспертизе содержащиеся в анкете модели, выбрав наиболее близкую вам или предложив собственную модель». Речь шла как о диагностике ситуации в партии, так и об экспертизе моделей ее дальнейшего пути, конкретизируемой под акцентуируемые проектом ценности политической этики. «В соответствии с рабочей гипотезой организаторов практикума гуманитарная экспертиза предполагает анализ моделей под углом зрения следующих вопросов (заранее просим извинить за известную категоричность в их формулировке). Несут ли в себе предлагаемые модели *шанс* на разрешение проблемы? Содержит ли ситуация *подлинный* выбор? Допустима ли для конфликтующих друг с другом моделей

³ См.: Партия на пути к правовому государству: ситуация выбора. С. 4-6.

ориентация на победу? Можно ли рассматривать *выживание общества* как высшую ценность консенсуса сторонников разных моделей?».

Далее участникам экспертного опроса были представлены сами модели.

«Модель 1. Партия переживает тяжелые времена, но не кризис. Она остается в целом здоровым институтом, хотя и требующим перестройки. При этом ни о какой особой “ситуации выбора”, ни о каких принципиально новых “вариантах”, “моделях” речь не идет. Партия должна оставаться по-прежнему руководящей и направляющей силой общества, ядром политической системы. Общество должно оставаться однопартийным, учитывая сложившиеся традиции, отсутствие у значительной части трудящихся политического опыта.

При этом очевидно, что новый этап общественной жизни требует обновления партии в том, что касается форм и методов партийной работы: применительно к новым условиям они должны стать более гибкими и разнообразными. Принцип демократического централизма, обеспечивающий единство и боеспособность партии, должен быть и сохранен, и упрочен. В партии недопустимы платформы, различного рода группы, а тем более – фракции. Как никогда важна чистота рядов КПСС. Партия должна очиститься от кадрового балласта и дискредитирующих ее членов.

Модель 2. Партия переживает кризис из-за отхода от ленинских принципов внутрипартийной жизни и руководства обществом. В силу глубины кризиса выбора у партии нет: условием ее выживания и, соответственно, выживания общества является переход деятельности партии исключительно на политические методы, регулируемые законом. Общество уже сегодня настойчиво ищет альтернативу партии для своего выживания и КПСС должна активно взаимодействовать с различными социальными движениями и инициативами, завоевывая лидерство в политическом диалоге лишь нравственным и интеллектуальным авторитетом,

способностью предлагать обществу глубокие, интегративные по характеру концепции политического, экономического, социального и духовного развития.

Путь к такому разрешению ситуации лежит через изменение Программы и Устава, демократизацию внутривнутрипартийной жизни (отказ от многозвенных и глубоко бюрократизированных структур аппаратного руководства ею, передача функций определения основных приоритетов партийной жизни на местах и способов решения вопросов первичным партийным организациям, гарантия прав внутривнутрипартийного меньшинства, превращение в норму сопоставления взглядов коммунистов на основе различных платформ и т.п.). Необходима отмена или радикальная переработка статьи 6 Конституции СССР.

Модель 3. Общество уже не откажется от возможности выбирать свой путь. Сегодня КПСС практически не сможет просто «запретить», остановить поворот общественного сознания к многопартийности как средству выживания не только социалистической модели развития советского общества, но и своего собственного выживания. Однако немедленный переход к многопартийности чреват появлением на политической арене страны несоциалистических партий, в том числе открыто экстремистских. В этих условиях представляется целесообразным легализовать реально существующие политические ориентации членов партии (традиционно-коммунистическая, социал-демократическая и т. п.) и, объявив о самороспуске КПСС, образовать на ее основе три-четыре партии заведомо левой ориентации.

Участие ряда таких партий в политической жизни страны, в парламентской борьбе позволит найти «свою» платформу значительной части граждан, приверженных идеям социалистического развития, и будет выполнять роль гаранта устойчивого развития советского общества по социалистическому пути.

Модель 4. Ситуация выбора в жизни партии, как и в жизни общества, принципиально изменилась. Кризис пар-

тии и всего общества требует коренного пересмотра как ее идейного багажа, так и принципов организации, изменения ее места в обществе. В интересах преодоления отставания Советского государства от развитых капиталистических государств в экономическом и научно-техническом отношении, практического решения задачи коренного повышения уровня жизни советских людей, партия должна отказаться от роли монополиста в жизни государства и общества, признать и санкционировать необходимость перехода советской политической системы к многопартийности. Это предполагает, что лидерство КПСС доказывается овладением ситуацией выбора на деле, предусматривает соревнование за право определять перспективы общества между партиями, отражающими социально-экономические, политические и духовные реальности страны 90-х годов.

Самой КПСС, чтобы не утратить политического влияния в массах, более точно реагировать на изменения в политической жизни и влиять на них, необходимо трансформироваться в партию парламентского типа (не только с платформами, но и с фракциями)».

НЕ СТАВЯ здесь задачи анализа полученных в результате опроса по этой анкете экспертных суждений, приведем несколько «говорящих» заголовков из оглавления сборника экспертных текстов⁴, опубликованного перед практикумом, сгруппировав их по ряду оснований.

Вполне соответствующий нашему пониманию роли экспертного опроса заголовок-тезис: «Неправильный диагноз приводит к неправильному лечению».

Прямо соответствующий основному тезису гипотезы проекта заголовок: «Партия в ситуации выбора... Это так».

Заголовки-тезисы соответствующие предложенным на экспертизу моделям: * «Однопартийную систему мы до конца не использовали»; * «Вернуться в русло классической социал-демократии»; * «Будущее за партией парламентского типа»; * «Нужна новая социалистическая партия,

⁴ Партия на пути к правовому государству: ситуация выбора.

партия перестройки»; * «От фактической партократии к правовому государству».

Заголовок-тезис, соответствующий готовности авторов анкеты расширить набор моделей: «Предлагаю свою модель».

Заголовок-тезис, прямо отвечающий рабочей гипотезе проекта практикума о необходимости и возможности создать механизм соглашений как способа обеспечения гражданского мира: «На платформе разумного компромисса».

Заголовок-тезис, прямо отвечающий рабочей гипотезе проекта практикума о возможности интеграции моделей обновления партии в единую платформу для выбора делегатов на съезд: «Модели можно построить в систему».

Подводя итог этому своеобразному обзору, подчеркнем, во-первых, что предварительно распространенные среди участников практикума материалы экспертного опроса явились основанием для их уверенности в реалистичности предложенных им для игрового испытания моделей. Характерно с этой точки зрения суждение авторов репортажа об игре в «Московских новостях»: «Идейные установки моделей были не плодом кабинетного конструирования, а обобщали реально существующие среди членов партии настроения»⁵. Во-вторых, материалы экспертного опроса послужили ориентиром возможных групповых коалиций как для организаторов практикума, так и для его участников.

5.3. Сценарная разработка практикума

Стремясь в максимально возможной степени представить ноу-хау инновационного направления прикладной этики, мы решили привести здесь фрагменты *предварительного* варианта сценарной разработки: развитие сценария на разных этапах подготовки игры – обязательный элемент ее эффективности.

⁵ См.: Нина Беляева, Андрей Романов. Соблазн или страх компромисса: что возобладало у партийных работников в ходе деловой игры?

...В холле Культурного центра АПН участников практикума должны ждать – на телеэкранах – видеосюжеты с экстремальными ситуациями из жизни страны, у входа в конференц-зал – макет придорожного камня «Перепутье» и тексты программы практикума. В программе обосновывается игровой стиль работы, условные правила этой работы – партийный клуб, секционность клуба, все решения принимаются консенсусом и т.п. – и приводятся четыре модели дальнейшего пути партии с призывом выбрать одну из моделей и занять соответствующую ей секцию в зале.

В конференц-зале: кроме секций 1-5 (пятая – резервная) предусмотреть места для двух особых структур, подвергающих платформы-модели экспертизе «от имени страны» – народные депутаты и «от имени мировой цивилизации» – ученые-глобалисты. Кроме них будут работать группа аналитиков и социологическая группа. На сцене – координаторы клуба – ведущие игры. Для не определившихся с ролью – свободные ряды («гости клуба»).

Прологом к практикуму желательно сделать выступление А.Гельмана или столь же значимого публициста, рассуждающего на тему «Шанс». Если выступление организовать не удастся, ведущие могут ввести задание «Шанс» через ситуацию «Хотят ли русские войны/гражданской» – коллаж прогнозов и призывов на темы «Пожар», «Шторм», (авторы фрагментов – Т.Корягина, М.Швейцер). Этот коллаж вполне состыкуется с видеосюжетами, демонстрируемыми в холле.

Если успеем, раздать анкету – набор параметров выживания страны – для оперативного заполнения на старте игры. Аналитическая группа их быстро обработает и прокомментирует.

Именно *предварительный* характер этой сценарной разработки объясняет пометку: «Надо определиться: замысел и правила игры координаторы клуба вводят до Пролога или после него (есть плюсы и минусы у каждого варианта)».

Итогом Пролога станет, во-первых, обоснование названия клуба («Консенсус») и, во-вторых, задел для сквозной темы «Выживание».

Дополнительные комментарии к Прологу: мотивировать драматизацию ситуации, ее диагноза и прогноза, выводя последствия бескомпромиссности на раскол Литовской компартии, перекинуть от этого раскола «мостик» к 28-му съезду. Вступительное слово координаторов клуба пойдет по эстафете: Ю.В.Казаков – В.И.Бакштановский – В.А.Чурилов.

Ю.В.Казаков откроет собрание Клуба как секретарь парткома АПН. Он мотивирует акцию, напоминает об игре «Окружное предвыборное собрание», объяснит участие «варягов» из Тюмени.

В.И.Бакштановский говорит о перепутье для общества и испорченном «компасе» попавшего в шторм корабля («топор» вынули, но этого мало), формулирует гипотезу нравственного достоинства компромиссных решений, вводит критерии гуманитарной экспертизы и правила игрового поведения.

В.А.Чурилов «надевает» маску технолога, который, кроме потребности подвергать все варианты, модели, платформы и т.д. мировоззренческой рефлексии, «по службе» обязан готовить и принимать решения. Вводит идею игрового моделирования политических решений (в отношении к которым коллега-философ занимает позицию гуманитарного консультанта). Тезисно говорит о расписании игры и ожидаемых результатах.

Возможно, В.И. Бакштановский и В.А.Чурилов обозначат разницу своих ролей в ведении игры, сыграв полемику позиций ЛПР и гуманитария, а Ю.В.Казаков выступит в роли арбитра.

Этап 1. Первый день.

Собственно практикум начнется с действия № 1 («действие» – вместо «задание», чтобы снять командные интонации). Обратитесь к тезисному варианту избранной участниками вашей секции модели обновления партии. Чего, на

ваш взгляд, не хватает в нем с точки зрения структуры модели (а какова она должна быть?), с точки зрения обоснования-аргументации? Разверните тезисную версию модели в формат платформы. Приготовьтесь к ее предъявлению сторонникам иных моделей (иным секциям) и двум группам экспертов. Результат первого действия: готовность секции к устному предъявлению развернутой модели и оппонированию других секций.

Действие 2. Выдвижение лидера каждой секции, который бы принял и мог воплотить требование Кодекса клуба: «Не победа, а сотрудничество» (см. лозунг на сцене: «Политика – средство согласия»).

Действие 3. Публичное предъявление моделей. Алгоритм: секция № 1 предъявляет свой вариант сторонникам модели № 3, которые *оппонируют в режиме митинга*. Секция № 2 предъявляет свой вариант сторонникам модели № 4, которые *оппонируют в режиме пресс-конференции*. Секция № 3 – модели № 1 (*в режиме партийного пленума*). Секция № 4 – модели № 2 (*режим сессии Совета*). В процессе предъявления (защиты) каждой модели свои критерии представляют группы экспертов.

Действие 4. Тема: «Технология консенсуса». Вступительное слово В.И. Бакштановского о нравственном достоинстве компромисса. Комментарий проф. В.Н. Лукина об опыте «круглых столов» в международной политике.

Действие 5. Работа каждой секции по подготовке модели к «круглому столу». Выдвижение представителей от секции на заседании «круглого стола» и наказы им – «проекты взаимных уступок».

Действие 6. «Круглый стол» на сцене конференц-зала. Участники: делегаты секций и аналитики. В начале действия – консультация проф. В.Н. Сагатовского о типологии диалогов.

Действие 7. Проектирование Декларации партклуба (интегральная модель).

Завершение первого этапа практикума. Анализ итогов, коллективная рефлексия.

Домашнее задание на второй день работы практикума: предложения в условный проект «10 заповедей выживания страны».

Этап 2. Второй день.

Действие 8. Дискуссия по материалам домашнего задания.

Проблема новой или прежней рассадки.

Возможно, ведущий спровоцирует начало 2-го этапа предложением воплотить нормы партклуба в жизнь всей партии, задав ей режим Ассоциации.

Действие 9. «Болевые точки Устава». Сравнительный анализ альтернативных вариантов уставов партии, дискутируемых в прессе.

Действие 10. Экспертиза и моделирование механизма выборов делегатов на съезд партии. Возможно, весь второй день стоит провести в режиме собрания по выдвижению делегатов.

Заключительная коллективная рефлексия. Принятие записки комитету по подготовке съезда партии.

Напомним, что это была предварительная версия сценария практикума.

Продвинутый вариант отличался формулировкой игровых заданий, текстами документов, составляющих содержание некоторых из этих заданий, алгоритмом исполнения задания «Презентация моделей». У задания «Круглый стол» появляется тематическая расшифровка «Школа согласия». Некоторые задания исключены. И т.д.

Конкретно разница двух вариантов сценария будет видна в следующем параграфе, посвященном технологии ведения этой игры.

ЕЩЕ РАЗ – после параграфа 5.1 – сосредоточимся на игровой составляющей сценария. Наш сценарий предусматривал, что способ работы практикума будет проблематизирован до того, как у его участников возникнут вопросы.

Вопрошание в программе, обращенной к участникам практикума: «До “игр” ли нам сегодня, в такое напряженное, грозное время? Не уход ли это от реальности в выдуманный мир, в “игру в бисер”? “Игра в демократию”? Паллиатив действительной политической активности? Выдуманные ценности и нормы вместо жесткой этики политической борьбы?». И ответ на вполне ожидаемый скепсис: «Нет! Наш практикум – фрагмент партийной дискуссии, способ дополнения и усиления традиционных форм поиска эффективных решений проблемной ситуации как в партии, так и в обществе».

В следующем параграфе будет обстоятельно показано, как программа реально профилактировала возможный скепсис участников практикума относительно формата игры, объясняя природу игрового моделирования и его роль в реальной жизни. Здесь же выделим лишь несколько моментов, с помощью которых практикум сочетал условное и серьезное, решал серьезные задачи благодаря условности «проживаемой» ситуации.

Во-первых, это условность самой ситуации, в которой участникам практикума предстояло играть-работать. Собрание гипотетического партийного клуба «Консенсус», созданного на территории партийного избирательного округа в период подготовки к выборам делегатов съезда партии, и практикуемые в этом клубе правила: обязательное структурирование членов клуба на секции по приверженности к одной из моделей развития партии; принцип консенсуса в принятии решений; нормы, регулирующие имитацию вероятного поведения различных течений, позиций, групп и отдельных членов партии.

Во-вторых, практикум был *лабораторией*, в которой «исследователь» и «предмет» выступают в одном лице, предпринимая эксперимент на самих себе.

В-третьих, способность условной деятельности защитить участников практикума от последствий того риска, на который они идут при том или ином выборе модели.

В-четвертых, условность ситуации позволяла «свернуть», ускорить время, интенсифицировать опыт проживания ситуаций, испытания каждой альтернативы.

В-пятых, условность ситуации создавала возможность определения пределов компромисса, на которые могут в принципе решиться сторонники различных моделей обновления партии.

5.4. Фрагменты технологии ведения игры с краткими комментариями

В ОСНОВЕ этого параграфа – пять документов: сценарий; программа практикума; газетный репортаж; расшифровка подготовленного АПН на основе видеозаписи практикума видеofilmа «КПСС: Мужество выбора»⁶; «Записка по итогам практикума».

Видеофильм, на который мы опираемся в этом параграфе, – *50-ти минутная* версия. Чтобы показать максимум ожиданий, приведем текст нашей консультации для монтажа *трехчасовой* версии фильма.

1. Возможные варианты названия фильма: «Лаборатория консенсуса», «Мужество компромисса», «Согласие выше победы», «Семь раз отмерь – ...».

2. Желательно при монтаже выделить следующие этапы игры (алгоритм игры):

а) вступление (кадры происходящего в холле, в конференц-зале, на сцене: три «запева» ведущих);

б) самоопределение участников практикума к предложенным в программе моделям (у «придорожного камня» в холле, в выборе той или иной секции партклуба – в зале);

в) процесс складывания секции во время подготовки первого задания;

г) полемика между секциями;

д) «круглый стол». Это – центр всего фильма. В самой технологии «круглый стол» – основная идея фильма. Сюда – все резервы метража фильма;

⁶ Москва: АПН, 1990.

е) испытание Декларации «круглого стола» через выработку принципов политической платформы и норм устава;

ж) финал, где надо попытаться представить фрагменты «Записки координаторов игры» (по ее итогам). Это, конечно, можно дать только текстом, но и такой способ необходим.

В целом для концепции фильма (и для зрителей) важнее показать *процессы* поиска решения, а не сами решения. В этом смысле важнее кадры внутригрупповой работы, межгрупповой полемики, чем монологи с результатами. Эти монологи целесообразно ужимать, ставя (как это сделать технически?) многоточие.

Оставлять все фразы, где звучат темы консенсуса, компромисса (либо «за», либо «против»). Например, на третьей кассете (00.14.10).

Оставлять все фразы, где участники вспоминают, что это игра, моделирование, лаборатория и прочие термины, подчеркивающие условность ситуации в зале.

Попытаться вмонтировать все иронические фразы, чтобы не сделать фильм *об игре* слишком серьезным.

Если это возможно (перебивкой, повтором фрагментов), зафиксировать: как совпадает или не совпадает тема компромисса за «круглым столом» и содержание разработанных на следующем этапе игры документов.

Где-то в самом начале (может быть вместе с кадром «придорожный камень») показать фрагменты программы практикума с тезисами каждой из четырех моделей.

Очевидно, что краткая версия видеофильма ограничивает возможность представления о работе практикума. Но все же позволяет показать игру как *целое*.

Фильм хорошо сохранил атмосферу начала игры.

Кадры из телевизионных репортажей событий в Азербайджане, Литве, Москве.

Участники практикума в холле АПН смотрят эти репортажи.

Конференц-зал АПН. Крупным планом – метроном на столе ведущих.

Корреспонденты «Московских новостей» представили начало игры следующим образом. «На сцене лозунги: “Гражданский мир – Гражданская война. Демократический централизм – Демократическое единство”. Вот те альтернативы, которые стоят перед партией и обществом, по мнению организаторов деловой игры “Партия на пути к правовому государству: ситуация выбора”. С оценкой тяжести переживаемого кризиса связано и название (оно же девиз) условного “клуба” – “Выживание”. Иными словами: через компромиссы – к консенсусу, а через консенсус – к выживанию. Вот одна из основных гипотез развития партии, положенных в основу игры... Под потолком был натянут лозунг “Консенсус”. В двухдневной игре в разные моменты участвовали от ста до двухсот человек. В основном – партийные работники. Но были и представители “партийных неформалов” – Московского партклуба».

Свой репортаж с игры корреспонденты газеты начали с лозунгов, но не пропустили и макет «придорожного камня» со знакомыми для этого образа *перепутья* надписями «направо – ..., налево – ..., прямо – ...» – в газете он помещен рядом с заголовком репортажа.

А у «самого придорожного камня», на входе в конференц-зал, участники практикума получают текст программы. *В понимании ноу-хау этого проекта ее роль весьма важна* – как с точки зрения реализации содержательной идеи практикума, так и с точки зрения вовлечения его участников в понимание сути обеспечивающей эту идею игровой технологии.

Приводим текст программы полностью, с неизбежностью повторяя фрагменты характеристики замысла практикума и изложения вступительных слов ведущих. В то же время отметим, что формулировки моделей трансформации партии в программе более лаконичны, чем в анкете опроса экспертов.

«Уважаемый эксперт! Вы пришли на научно-политический практикум “*Партия на пути к правовому государству: ситуация выбора*”. Но прежде чем войти в зал и непосредственно включиться в работу, сделайте, пожалуйста, свой выбор “у придорожного камня”, на развилке – определите свою роль в предстоящей деловой игре, позиции, которые вы будете отстаивать. Организаторы практикума предлагают эти позиции в виде четырех условных моделей. Вот они.

Модель 1. Партия, несмотря ни на что, остается руководящей и направляющей силой, ядром политической системы. В обществе сохраняется однопартийность – с учетом сложившихся традиций, отсутствия у значительной части населения политического опыта и политической культуры. При совершенствовании форм и методов партийной работы в сторону большей гибкости и разнообразия сохраняется и, более того, укрепляется принцип демократического централизма. В партии недопустимы платформы, группы, фракции.

Модель 2. КПСС активно взаимодействует с различными политическими движениями, завоевывая лидерство в диалоге с ними силой аргументов. Демократизируется внутрипартийная жизнь вплоть до гарантирования прав меньшинства, выработки решений на основе сопоставления различных платформ.

Модель 3. КПСС должна признать *де-юре* многопартийность, существующую *де-факто*. Легализуются реально присутствующие в партии различные политические установки ее членов (ортодоксально-коммунистическая, социал-демократическая, популистская и т.д.) и на этой основе образуются три-четыре партии левой ориентации, гарантирующие развитие общества по социалистическому пути.

Модель 4. Обстоятельства требуют пересмотра идейного багажа партии, принципов организации, места и роли в обществе. КПСС отказывается от своего политического монополизма, признает необходимым переход к многопартийности с самым широким спектром партий и течений. Сама КПСС, чтобы сохранить свое влияние в массах, трансфор-

мируется в партию парламентского типа – не только с платформами, но и с фракциями.

Для сторонников каждой из предложенных моделей (игровая форма практикума предполагает не обязательно выбор согласно убеждениям участника, но и возможность “влезть в шкуру” оппонента) в зале выделены специальные секторы. Для тех, кто все же не определился, также отведены секторы. Зарезервированы места и для вновь предложенных моделей в ходе игры.

Можно, однако, допустить, что вы не до конца представляете себе правила предстоящей “игры”, ее цели и средства. Тогда выкроите еще пять минут, чтобы ознакомиться с комментарием ее организаторов.

Вам предстоит два дня серьезной работы в режиме игрового моделирования. Не будет привычных для научно-практической конференции трибуны, докладов, резолюций, пленарного заседания и т.п. Будут условные рамки поведения, игровые роли, имитация проблемных ситуаций, альтернативы их разрешения.

Наш практикум – фрагмент партийной дискуссии, способ дополнить традиционные формы поиска эффективных решений проблем партии и общества. В сценарии, который предстоит разыграть участникам практикума, заложена имитация поведения различных течений, позиций групп и отдельных членов партии в условиях, которые возникнут, если реализуется та или иная обсуждаемая сегодня модель. Для чего? Говоря коротко, для того, чтобы взвесить, оценить все “плюсы” и “минусы” нововведений, возможные содействие и сопротивление им со стороны различных сил в партии (и в обществе).

Условность ситуации, в которой находятся участники практикума, позволяет идти на большой риск, реализовать то, что не удастся сделать в реальной жизни, пройти по всем вариантам развилки, приобрести за очень короткое время столь дефицитный сегодня определенный опыт проживания

ситуаций, которые вполне вероятны и уже поэтому должны быть подвергнуты прогнозу.

Условная ситуация, в которой нам предстоит прожить два дня, – собрание партийного клуба “Консенсус”, созданного на территории партийного избирательного округа в период подготовки к выборам делегатов съезда партии. Участники практикума – члены и гости клуба. Его две основные нормы: сознательное разделение членов клуба на секции, ассоциации и т.п. – по приверженности к одной из моделей развития партии; и принцип консенсуса в принятии решений (нет проигравших и победителей, все результаты вырастают из компромиссов между позициями каждой секции).

Очевидна гипотетичность этой ситуации, но, повторим, тем выше степень свободы в разработке и испытании каждой модели, в поиске взаимоприемлемых для всех участников практикума (или уже “партийного клуба”) вариантов решений. При этом будем исходить из рабочей гипотезы, согласно которой существующие сегодня в партии модели ее обновления могут быть интегрированы в единую платформу для выбора делегатов на съезд, если сторонники всех вариантов попытаются вырастить механизм сотрудничества, соглашений, компромиссов как единственный способ обеспечения гражданского мира, выживания общества.

Разумеется, такого рода работа требует гораздо большего времени, и наш практикум является прежде всего “разведкой боем”, первым экспериментом для серии практикумов, цели и задачи которых определятся в зависимости от результатов этой “разведки”. Итак, ваш выбор!».

ПРОЦЕДУРУ ведения игры – здесь она представлена совмещением фрагментов названных выше документов – нельзя представить без *вступительных слов ее ведущих*.

Ю.В.Казаков. – Мы начинаем очень не простую игру. Не простую, потому что время очень не простое. Не простую, потому что тема очень не простая. Я допускаю, что кто-то скажет: это политические игры, связанные с партией. Но игра позволит нам всем понять, что мы, действительно, не

пешки. И, представляется, позволит нам наилучшим образом помочь самим себе, партии, стране самоопределиться в это очень сложное время.

В.И.Бакштановский. – Прошу вас посмотреть на оформление сцены и обратить внимание на похожие на римскую цифру XX полосы с лозунгами, обозначающими альтернативы «Гражданская война» – «Гражданский мир»; «Демократический централизм» – «Демократическое единство». Эта символика может трактоваться по-разному. Я уже слышал такие версии: возможно, это двадцатый век; возможно, это двадцатый съезд (причем, возможно, 20 съезд Литовской коммунистической партии). А я бы расшифровал эти символы как перекресток, перепутье.

Для того, чтобы овладеть новой ситуацией, которая формируется сегодня в нашем обществе, в нашей партии, малоэффективны традиционные методы поиска решений. И мы избрали способ игрового моделирования. Поэтому нам всем предстоит два дня работать в режиме трех *условных* обстоятельств. Первое: мы находимся в зале, где заседает «партийный клуб». В розданной вам программе слова «партийный клуб» поставлены в кавычки. Второе условное обстоятельство: этому партийному клубу не только разрешены, но даже обязательны секции, а если говорить смелее, чем позволяет Устав партии, фракции. Секции предусмотрены для всех четырех направлений развития нашей партии, которые мы выявили в процессе предварительного пилотажа. И третье условное обстоятельство: секции клуба работают над решением вынесенной на практикум задачи в режиме компромисса.

В.А.Чурилов. – Несколько слов об основных этапах игры.

Первый этап: поиск модели партии взаимно приемлемой для всех секций клуба.

Второй этап: испытание полученной модели апробированием ее в роли политической платформы партии на выборах.

Третий этап: выборы кандидатов в делегаты на 28-ой съезд партии от партийного клуба.

Особая задача на протяжении всех трех этапов: создание и испытание технологии консенсуса.

Собственно *игра «запускается»* ведущим В.А.Чуриловым через процедуру самоопределения участников практикума к моделям партии, предполагающую выбор секции «партийного клуба». Отметим, что согласно сценарию участники практикума могли в процессе решения игровых заданий либо подтвердить свою приверженность модели, выбранной на первом этапе игры, либо сменить позицию, либо – создать новую модель. При этом секциям была предоставлена возможность испытать два пути движения к взаимопониманию: традиционный метод убеждения в предпочтительности своей позиции в режиме митинга, во-первых, и метод «круглого стола» – во-вторых.

ПРЕДПОЛАГАЕМОЙ сценарием коллективной работе членов каждой секции по совершенствованию избранной ими модели, развертыванию ее в декларацию и подготовку к защите перед оппонентами из других секций предшествует *первое задание*.

Уважаемый эксперт!

Организаторы практикума предлагают Вам свою версию политических предпосылок выживания страны: условий, от реализации которых зависит ее судьба.

Просим Вас отобрать пять предпосылок, которые представляются наиболее важными Вам лично, отметив соответствующие порядковым номерам списка предпосылок цифры в конце экспертного листа и передав эту его часть нашим социологам.

Предпосылки выживания страны:

1. Сохранение СССР в качестве суверенного государства. Признание суверенности национальных образований, составляющих СССР; утверждение нового понимания федерализма.

2. Создание эффективной социально ориентированной экономики и устойчивого развития демократического процесса. Нахождение достойного места Советскому Союзу в мировом сообществе XXI века.

3. Признание в качестве общенационального приоритета последовательное решение задачи преобразования СССР в правовое государство. Реализация лозунга «Вся государственная власть – Советам». Законодательное определение места политических партий и общественных движений.

4. Четкость идеологической самоидентификации КПСС. Радикальное обновление форм и методов деятельности партии. Восстановление общественного доверия к КПСС как к политическому авангарду.

5. Демонополизация и деидеологизация государственной, экономической, культурной жизни.

6. Реализация принципов социальной справедливости.

7. Ориентация на качество жизни как на важнейший Критерий качества экономических, политических, социальных структур.

8. Полномасштабное включение интереса в качестве двигателя прогресса. Максимально возможное вовлечение в «оборот» творческого и интеллектуального потенциала страны.

9. Преодоление общественного нигилизма: политического, правового, трудового, интеллектуального.

10. Переход от революционного к эволюционному принципу мышления при разрешении фундаментальных проблем общественного развития.

11. Утверждение в общественном сознании важности общественного согласия и консенсусного механизма его достижения. Достижение уровня общественного диалога, при котором кризисы не перерастали бы в конфликты или же разрешались ненасильственными способами.

12. Официальное признание примата общечеловеческих ценностей над классовыми не только в международной сфере, но и во внутренней жизни.

13. Преодоление синдрома «поиска врага», в т.ч. внутреннего, формирование нового подхода к пониманию «национальной безопасности».

14. Общественное признание зависимости между нравственностью и выживанием, приоритетности общечеловеческой морали.

15. Демократический способ выработки и принятия решений, затрагивающих интересы и судьбы людей. Гласность и конкурсность, научно обоснованный учет возможных социальных последствий при их подготовке; сбор и учет общественного мнения. Ответственность за результаты лиц и структур, принимавших решения и воплотивших их в жизнь.

16. Создание широкой системы информирования населения о событиях в мире и стране, четкое разграничение источников информации на официальные и неофициальные.

Независимость средств массовой информации от государства, закрепление за ними права на выражение собственной точки зрения.

Линия отрыва

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16.

Перед отчетом группы социологов по результатам анкетного опроса ведущий Ю.В.Казаков обращается к экспертам практикума профессорам И.В.Бестужеву-Ладе и И.С.Кремеру: как они могут прокомментировать проекцию термина, заложенную в первое задание игры – *выживание* на внутреннюю жизнь страны?

И.В.Бестужев-Лада. – Мы лишь играем в слова. Никакой партии – в том смысле, в каком партийная система родилась двести лет, у нас нет. Есть «армия», «солдат партии», «гражданская гвардия», есть «авангард», который стал арьергардом и плетется в хвосте Перестройки, о чем все уже говорят, включая Михаила Сергеевича Горбачева. А пока мы здесь играем, речь действительно идет о выживании страны. Еще год назад, два месяца назад страна была в

лидерах перестройки. А сейчас мы где? У нас впереди либо Венгрия, либо Румыния. Так же, как раньше был либо американский путь развития, либо прусский.

И.С.Кремер. – Буквально вопрос о выживании страны не стоит: выживание ее обеспечено. Как бы сейчас ни пошли события, страна, я в этом убежден, найдет в себе силы и придет к положению, которое будет поддержано большинством населения. А вот через *что* она пройдет – это другой вопрос. Я хочу поддержать И.В.Бестужева: в центре всего, о чем мы здесь говорим, конечно, стоит тема нашего сегодняшнего собрания, тема партии. Вот относительно партии вопрос о выживании более актуален, чем по отношению к стране, к государству в целом: в партии «соседствуют» – и откровенно, и скрыто – как сталинисты, так и убежденные сторонники обновления.

Стучит метроном – и как метафора ситуации, и как напоминание о регламенте игры,

От группы аналитиков, работающих с анкетами, выступает проф. Коновалов.

– Доминирующий результат опроса: связь выживания страны с ее демократическим развитием. Первое место (139 голосов) участники опроса отдали предпосылке выживания, указанной в анкете под № 15: «демократический способ выработки и принятия решений, затрагивающих интересы и судьбы людей». Предпосылка под № 1 – «сохранение СССР в качестве суверенного независимого государства, признание суверенности национальных образований, составляющих СССР, утверждение нового понимания федерализма» – заняла второе место (101 голос). Третье место заняла предпосылка под № 8: «ориентация на качество жизни как важнейший критерий качества экономических и политических структур» (95 голосов). Я отмечаю с удовлетворением, что пятое место заняла предпосылка под № 3 – «...реализация лозунга “Вся государственная власть Советам”..., законодательное определение места политических партий и общественных движений» (79 голосов). Эта пред-

посылка имеет самое непосредственное отношение к теме нашего практикума.

Следующее действие игры предполагает работу участников практикума в рамках секций клуба. В зале – движение. «Члены клуба» группируются вокруг организаторов секций.

В это время ведущий В. Чурилов формулирует задачу № 2.

– Вам предстоит обосновать модель, которую вы предпочли, выбирая ту или иную секцию. Сейчас вам раздадут структурированный бланк, организующий работу над характеристикой модели таким образом, чтобы можно было сравнивать результаты работы всех секций: объяснение выбора данной модели – обоснование типа партии – вид партии как организации и т.д. Кроме того, прошу в итоге групповой работы определить лидера секции и приступить к подготовке его доклада на общем заседании клуба.

Регламент – 45 минут.

Не имея возможности *показать внутригрупповую работу*, видеофильм фиксирует лишь фрагменты деятельности секций. В одной группе: «...У нас уже есть отработанная модель парламентской партии. Я готов ее сейчас зачитать и мы начнем ее по пунктам обсуждать». В другой группе: «...Переходим ко второму элементу структуры модели партии. Федеративный принцип...». Еще в одной: «На самом деле нужен некий симбиоз между четвертой моделью и третьей. Третья модель – это шаг к четвертой. Сразу четвертую принять нельзя. Это гражданская война».

По результатам работы секций выступают их лидеры.

* Лидер секции № 1. – Вспомним ситуацию в стране, которую мы видели на экранах телевизоров перед началом практикума. Давайте вспомним Армению, Азербайджан. Если мы и дальше будем очень много разговаривать, но мало работать, то производительность труда у нас не повысится. Поэтому во время переходного периода должна работать

первая модель – невзирая на то, что у нас не совсем удачный семидесятидвухлетний опыт. Мы думаем, что партия должна быть единой. Требуем от Центрального комитета, чтобы на съезде депутатов была создана единая фракция коммунистов и чтобы она проводила в жизнь политику партии. Чтобы ей подчинялись и Лигачев, и Афанасьев. Если не будут подчиняться, – будем их «чистить». Предлагаем от лозунга «Вся власть Советам» перейти к лозунгу «За власть в Советах», и к 4 марта так провести избирательную кампанию, чтобы в Советах оказалось побольше коммунистов.

Секция 3 оппонирует первой секции в режиме митинга.

– Я утверждаю, что первая модель вообще исключает переход к нормальному будущему. Первая модель – это гибель нашего общества. Нас призывают к порядку, нас призывают работать, нас призывают защищаться. А это и есть тот лагерь, в который превратилась страна в тридцатые годы: работать, работать, работать...

* Лидер секции № 2. – Выбирая модель, мы исходили из таких соображений. Прежде всего, речь идет не о выживании, но о возрождении страны. Выживать должны – и борются за это – старые структуры, мы же должны возродиться, и возродиться на ленинской основе, не обязательно воспроизводя те или иные методы двадцатых годов, сохраняя только дух, творческую направленность, содержание социализма как коммунистического видения нашего будущего. Второе: мы не продвинемся в дискуссии, если не договоримся о том, о какой партии ведем речь. Какая цель этой партии? У социал-демократических направлений – одна цель, у коммунистической партии – другая цель. Поэтому давайте возьмем какое-нибудь одно – общее – направление.

Надо раскрыть, что такое «авангардная роль» и как она должна обосновываться. Обосновывается она, конечно, не шестой статьей Конституции, а только ежедневной, ежеми-

нутной, ежесекундной политической борьбой: борьбой мнений, убеждений. Докажите, что вы в авангарде. Только в этом сила и авторитет будущей партии.

Секция 4 оппонирует в режиме пресс-конференции.

– Уважаемые товарищи, в марте состоятся выборы в республиканские и местные советы. Что вы, КПСС, будете делать, если большинство голосов получат местные фронты, демократические движения? Отдадите ли вы им власть?

* Лидер секции № 2. – Это упрощенное понимание вещей. Мы и сейчас стараемся отдать власть советам, но ее никто не хочет брать.

Еще реплика оппонентов. – Вчера организационно оформилась социал-демократическая партия Эстонии. Как в рамках вашей модели нужно было бы поступить, если бы, допустим, сегодня или завтра была представлена к регистрации в качестве политической партии социал-демократическая ассоциация?

Лидер секции № 2. – Ясно, что в нашей стране обозначились социал-демократические процессы и партии надо находить с ними общий язык и совместно работать. Это все-таки партии социалистического облика.

* Лидер секции № 3. – Третья модель выбрана нами по следующим соображениям. Первая модель – это то, что мы имеем на сегодняшний день и от чего хотим уйти. Четвертая модель – это то, что мы имели еще до первой модели партии, и возврат к четвертой модели означал бы исключение из нашей истории тех семидесяти лет, которые мы прожили. И мы против второй модели, поскольку КПСС оставляет себе место единственной политической партии. В этой связи мы и считаем оптимальной третью модель, блок левых партий, блок левого плюрализма.

Обоснование типа партии: только при парламентском типе партии авангард может быть выявлен демократическим путем. Мы предполагаем, что принцип построения

партии может быть произвольный, как на федеративной основе, так и на общесоюзной.

Тип партии как организации. Формы внутрипартийного плюрализма: группы, платформы, фракции. Принцип формирования партийной организации – территориальный. И на вопрос о многопартийности мы отвечаем «да» – это условие демократии и многоукладной экономики.

Секция 1 оппонирует в режиме пленума райкома партии. – Страна и партия находятся в тяжелом, критическом периоде. Не предполагает ли реализация вашей модели лишь усугубление обстановки и в стране, и в партии?

Лидер секции № 3. – Нет, мы не предполагаем усугубление обстановки. Считаем, что функционирование многоукладной экономики невозможно в условиях однопартийной системы.

Оппоненты: Ваша модель легализует различные политические установки и на этой основе образуются три-четыре партии. В какой модели будет ваша партия?

Лидер секции № 3. – Я представляю не одну партию, а блок левых партий. Каждая из них может иметь свою программу, но, тем не менее, все эти партии объединяют общие принципы.

– Тогда вы защищаете не модель партии, а политику блока партий.

– Совершенно верно, я защищаю политику блока партий.

* Лидер секции 4. – Наше мнение таково, что первая секция – это вчерашний день нашей страны. Вторая секция – это день сегодняшний, она – главный оппонент и третьей, и четвертой секциям, между которыми мы не видим, в общем-то, никакой принципиальной разницы.

Мы считаем, что важнейшим системообразующим признаком правового государства является многопартийная система, система парламентских партий. Мы считаем, что Коммунистическая партия Советского Союза должна получать мандат на управление страной только на всеобщих

парламентских выборах – если она получит большинство голосов избирателей. Если она такого большинства не получает, должна уйти в оппозицию, передав мандат на управление страной другим политическим силам.

Мы считаем, что КПСС должна стать добровольным союзом национальных коммунистических партий, т.е. построена по федеративному принципу.

Далее. Мы поддерживаем третью секцию в том плане, что партия должна остаться организацией. Но не организацией жесткого, военного, тоталитарного, я бы сказал, типа, который сегодня действует в КПСС, а именно организацией единомышленников, организацией людей, которые отстаивают общую цель, в качестве которой мы выдвигаем демократический социализм.

О формах внутрипартийного плюрализма: мы считаем, что в КПСС должны быть и платформы, и группы, и фракции. О принципе формирования партийных организаций: мы предлагаем отказаться от монополии территориально-производственного принципа – пусть сами коммунисты определяют, быть ли им на производстве или распустить свою партийную организацию, создавать ли горизонтальную структуру, региональную и тому подобное.

Далее. Мы дополняем еще одну очень важную позицию, которой в розданном нам бланке-матрице нет: это социальная база партии. Полагаем, что у нас будет очень широкая социальная база. Это будет левая народная партия, которая включит в себя весь широкий спектр политических сил, которые будут отстаивать идеи демократического социализма, отказываясь от идеи классовых приоритетов в формировании партии.

Идеологическая основа нашей партии: это социалистические гуманистические идеи и концепции, накопленные человечеством, без выделения отдельных фамилий.

Секция № 2 оппонирует в режиме сессии Совета народных депутатов:

– Вы призываете к формированию национальных партий. Но давайте вспомним недавние события. Фактически вы призываете к межнациональной резне.

Лидер секции № 4. – Наша идея состоит в том, что каждая партия, каждая партийная организация самостоятельна в выборе той формы союза или взаимодействия, которую она считает необходимой. Поэтому я лично считаю, что необходима общесоюзная партия. Но лучше иметь друга в Литве, который будет самостоятелен, чем врага, который будет находиться внутри нашей коммунистической партии.

Реплика оппонентов. – Представьте ситуацию: директор карбюраторного завода и его администрация препятствуют передаче завода в аренду. Что делает представитель вашей партии, работающий в исполкоме? Каковы его функции и как он организует этот процесс?

Лидер секции № 4. – Наша позиция состоит в том, что члены партии, которых народ наделил властными функциями, должны представлять своих избирателей.

Ведущий В.А.Чурилов: Желает ли кто-то из участников практикума предъявить другую модель партии, кроме названных и обсужденных?

* Представитель секции 5. – Дорогие товарищи, хватит ругаться, хватит спорить, у нас больше того, что объединяет, чем разъединяет. Я не хочу свое предложение называть какой-то моделью. Это не модель, это позиция. Позиция или идея, заключающаяся в том, что все четыре модели на самом деле – это четыре этапа одной и той же модели. И мы развиваемся от первой к четвертой. Не надо прыгать через пропасть, давайте наводить мосты. Давайте признаем, что сейчас наше общество примерно на этапе перехода от первой модели ко второй с элементами третьей.

* Сопредседатель Московского партийного клуба. – Я предлагаю еще одну модель. Она отработана в опыте восточно-европейских стран: «круглый стол». Все левые силы, все демократическое движение объединяются после выборов 4-го марта – демократы должны победить в Моссовете,

в Ленсовете, в ряде других регионов (а победить в Моссовете, это значит контролировать прессу, телевидение, радио) – и требуют проведения «круглого стола». Его могут возглавить сопредседатели межрегиональной депутатской группы. Они должны потребовать коренных радикальных реформ, демократических выборов, роспуска КГБ, отмены цензуры, земля – крестьянам, фабрики – в бесплатную аренду, конфедеративное устройство страны и т.д. Я думаю, что этот путь является сегодня наиболее реальным. Он может спасти страну, он может спасти мир в стране, без перехода к гражданской войне. А путь через внутривнутрипартийные действия, на мой взгляд, к сожалению, уже опоздал.

Ведущий Ю.В.Казаков: В итоге мы имеем все-таки четыре модели, которые могли быть модифицированы, что и было сделано, и две технологии. Первая технология: взгляд на все модели как на систему взаимоувязанных переходных этапов или как на матрешку: одна из другой вырастает. Вторая технология: движение к консенсусу.

Реплика от секции 1 в адрес организаторов игры. – В силу сложившихся обстоятельств, концепция модель № 1 приняла здесь вульгарное толкование. Система организации игры не дает нам возможности играть в сложную модель, которую мы для себя выбрали. Не следует думать, что у нас здесь собралась группа чудаков, которые объявили себя ультраконсерваторами. Большинство из нас выбрали эту модель только потому, что сейчас самый легкий вариант – играть в ультрарадикалов. Наша модель более сложная, поэтому мы ее и выбрали.

Ю.В.Казаков: Спасибо вам за то, что вернули нас в режим игры. На один из тезисов, прозвучавших в процессе завершившейся защиты моделей, я бы хотел попросить отреагировать эксперта-правоведа. Речь идет о тезисе из выступления лидера секции № 4: «признак правового государства – многопартийность». Действительно ли это так?

Проф. Б.Курашвили. – Товарищи, многопартийность, действительно, атрибут правового государства. Где нет

многопартийности, партий парламентского типа, где нет у власти представителей большинства, которое определяется не иначе как на выборах, там нет и правового государства... Политика предполагает выработку политического курса, который должен выражать интересы тех или иных социальных групп. В стране сегодня есть основания для принятия одного из четырех политических курсов. Первый: твердокаменный коммунизм, с ограниченным товарным производством, планированием, однопартийностью и т.д. Второй – левоцентристский курс. Его основные характеристики: приватизация не допускается, государственный сектор деэтактизируется, владельцами средств производства на государственных предприятиях становятся трудовые коллективы (владельцами, но не собственниками), широко развиваются кооперативный и индивидуальный сектор, включая крестьянские фермы. Третий – правоцентристский курс: нэповского типа, с ограниченным допущением частного капиталистического производства. Четвертый: умеренно-правый или радикально-правый курс – неограниченное допущение частного капиталистического производства. На эти политические курсы, а не на что-нибудь другое, «ложится» партийная структура. И если мы придем к многопартийности, а мы, безусловно, придем к ней, то у нас и будет четыре политических партии: коммунистическая, левоцентристская – партия демократического социализма, правоцентристская партия – может быть, она назовет себя партией многоукладного социализма, и четвертая партия – либеральная, с буржуазной ориентацией.

ИГРА ПОДОШЛА к тому моменту, когда необходимо было непосредственно испытать рабочую гипотезу о возможности и необходимости интегрировать модели обновления партии в единую платформу партклуба для выбора делегатов на съезд. И, соответственно, технологию конструирования такой платформы.

Поэтому ведущий В.А.Чурилов ставит перед участниками практикума – условным партийным клубом – задачу,

обозначенную в сценарии как «Встречное движение». Каждой секции предстоит выдвинуть двух представителей на заседание «круглого стола»: один из них должен быть кандидатом в делегаты 28-го съезда партии от секции, второй – помощник. Секция должна обсудить со своими представителями позицию, которую они будут проводить за «круглым столом», в том числе перечень возможных уступок, которые секция доверяет им предпринять.

После согласования позиций делегатов «круглого стола» со своими секциями весь «клуб» разделился на две части. Первая – организовала митинг, чтобы именно в такой форме определить (не)возможность консенсуса, вторая – заседание в режиме «круглый стол». Представим здесь его работу.

Важно иметь в виду, что еще до начала «круглого стола» в суждениях членов секций звучала резкая критика в адрес оппонентов. Авторы репортажа об этой игре в «Московских новостях», дав своему материалу характерный заголовок «Соблазн и страх компромисса: что возобладало у партийных работников в ходе деловой игры?», отметили, что, например, «консерваторы» высказывались о «радикалах» и «обновленцах» так: «их модели не устраивают нас с точки зрения отсутствия коммунистических установок..., идти с ними на компромисс невозможно».

Поэтому *ведущий В.И.Бакштановский выступил с предваряющим работу «стола» комментарием.* – Мне кажется, что в нашем клубе могут проявиться два опасения. Первое. Не обернется ли консенсус своеобразным партийным монолитом, от которого мы здесь и стараемся уйти – сгоним все позиции в одну и потеряем плюрализм. И второе – прямо противоположное опасение: как можно призывать к компромиссам, тем более строить некую технологию согласия, когда компромисс – это соглашательство. А где же принципы?

Я предлагаю членам клуба задуматься: достаточно ли клубу осознания того, что мы не владем некой технологи-

ей компромисса и приходится здесь ее создавать, выращивать в эксперименте на самих себе, – или же необходимо прежде преодолеть настороженное, а может быть и бескомпромиссное, отношение к компромиссу?

Согласно сценарию работе «круглого стола» предшествуют выступления консультантов.

Проф. В.Н.Лукин. – В практике международных и внутренних переговоров наработаны три технологии. Первая – типа восточного рынка, когда стороны выдвигают максимальные (в дипломатическом лексиконе это называется запросные) требования. Вторая – сторона сразу заявляет степень возможности компромисса, на которую она способна пойти, и призывает к этому другую сторону. Третья – переговоры через посредников.

Какие переговоры я считаю более возможными вести за этим «круглым столом»? Вопрос не простой. Но мне все-таки кажется, что «восточный базар» – худший вид: каждая сторона будет считать, что другая сторона готова пойти на большие уступки, чем она на самом деле готова пойти. Я бы предложил выбор между второй и третьей технологией переговоров.

Проф. В.Н. Сагатовский. – Думаю, что трудности с диалогом лежат не только в сфере технологии, но и в глубинной сфере наших духовных установок. Важно идти на компромисс не потому, что меня схватили за горло, а потому, что для меня целостность важнее, чем самоутверждение в своей позиции. Суть консенсуса – это не просто согласие. Это такое согласие, в котором мы прилагаем максимум усилия для того, чтобы посчитаться с мнением меньшинства и понять своего оппонента.

Стучит метроном. Делегаты от секций собираются на сцене и занимают места за вполне «круглым столом».

Фрагменты выступлений делегатов.

* Делегат от секции № 3. – Мне представляется, что консенсус – это не конечная, а промежуточная цель в рамках определенной политической ситуации. В этой связи у

нашей секции есть предложения по сферам возможного взаимодействия между участниками «круглого стола».

В ответ на выступление уважаемого коллеги из секции № 1, хотелось бы предложить следующие пути взаимопонимания. Коллега подчеркнул, что КПСС – это реально действующая сила. И это непреложный факт, с которым трудно спорить. Но поскольку было отмечено, что она существует только на переходный период, видимо, всем нам есть необходимость определиться: что будет представлять этот переходный период, какие возможные пути взаимодействия у нас сложатся или могут сложиться к концу этого переходного периода. Мне думается, что можно было бы найти взаимопонимание в части представительства партии как по территориальным, так и по производственным округам. Здесь, как нам думается, нет догм.

И еще то, что может быть значимо для всех секций: мы должны сформулировать, какую ответственность будут нести каждая из моделей – третья, первая, вторая... – в том случае, если она окажется на определенном этапе жизни страны несостоятельной.

* Делегат от секции 4. – Я предлагаю провести наши сегодняшние переговоры не по стратегическим, а сугубо конкретным вопросам, по тем, что стоят перед нами вплотную, по которым, я думаю, мы и сможем достичь компромисса. Во-первых, я предлагаю всем сойтись на прямых, альтернативных, по платформам, выборах делегатов 28-го съезда КПСС. Далее, я предлагаю договориться о том, чтобы последовать примеру МКК КПСС и зарегистрировать все существующие неформальные объединения, стоящие на позиции Конституции Советского Союза. Я думаю, что сегодня крайне важно зарегистрировать, может быть, даже «Память», «Объединенный фронт трудящихся», «Демократический союз», если они согласны признать основополагающие принципы нашей Конституции. Тем самым легализовать все существующие политические оттенки, чтобы они через демократический механизм выражали свое мнение. И

третье – о том, чтобы соответствующие официальные структуры (здесь они присутствуют) признали результаты выборов 4-го марта, какими бы они ни были.

* Делегат от секции № 5. – Во-первых, давайте согласимся, что все четыре модели реально действуют в нашем обществе и их вполне можно оформить в четыре партии. Во-вторых, мне показалось позитивным моментом, что секция № 1 уже пошла на какие-то компромиссы, сделала первый шаг по направлению к согласию. Чего я, к сожалению, не услышал от секции № 4: ее требования слишком радикальны. Ей бы надо согласиться на временной компромисс, чуть-чуть подождать.

С.Ш. Дзарасов. – Если считать, что первая модель дает выход из кризиса, то все остальные модели не нужны. Но, думаю, все остальные модели появились потому, что первая не дает выхода из кризиса. Поэтому компромисс должен быть найден в уступках со стороны первой модели.

Заканчивается попытка работы секций партклуба методом «круглого стола». Ведущий В.А. Чурилов обращается к участникам «круглого стола» с предложением оценить с помощью простой анкеты работу коллег с точки зрения степени готовности к компромиссам, проявленной делегатами каждой секции в попытке сблизить позиции.

86% набрала модель № 3. 78% – модель № 4. 74% – модель № 6. 72% – модель № 2. 70% – модель № 5. 64% – модель № 1.

Итак, от самой попытки сблизить позиции не отказался ни один из участников «круглого стола». Используя технологию компромисса, опираясь на предварительные консультации специалистов, на ходу обучаясь искусству диалога, вырабатывая правила политического этикета, участники «круглого стола», во-первых, создали модельный прецедент. А, во-вторых, смогли наработать «заделы» в общую платформу партклуба.

Делегаты «круглого стола» вернулись в ряды своих секций, чтобы работать над следующим заданием практикума.

А заключительные тезисы участников «круглого стола» об итогах их работы огласил ведущий В.И.Бакштановский.

«Тезис 1. Мы пришли на “круглый стол” с пониманием ситуации действительно важного выбора для обновляющейся партии. Выбора не во имя выживания партии любой ценой, но как условия выживания всей страны на критической фазе перестройки.

Тезис 2. “Круглый стол” для нас не просто способ выявить, предъявить и согласовать модели обновления партии, но и соотнести внутривнутрипартийный консенсус с задачей общественного договора, с “круглым столом” всех общественных сил, которые партия сможет объединить вокруг своей согласованной модели обновления.

Тезис 3. Отсюда стремление всех моделей к компромиссу, который демонстрирует создание на практикуме моделей № 5 и № 6. К компромиссу, который бы выстроил сегодняшнее движение партий от модели № 1 к модели № 4.

Тезис 4. Мы полагаем, что наш эксперимент с самой идеей “круглого стола” важен уже тем, что мы на него решились. Считаем необходимым обнародовать как сам прецедент “круглого стола”, так его открытия и заблуждения, – чтобы предложить будущему комитету по подготовке 28-го съезда партии модель работы этого комитета, его рабочую группу, метод работы этой рабочей группы, собственно команду для реализации моделей».

ВТОРОЙ день игры начался было *с предусмотренного сценарием задания* по технологизации моделей каждой секции в виде предложений к Платформе партии и ее Уставу – с намерением испытать возможность выработки интегральной платформы клуба.

Однако часть представителей секции № 1 – не без согласия своих делегатов за вчерашним «круглым столом»! – объявила о введении «чрезвычайного положения» как бо-

лее эффективном средстве партийной «дискуссии» (даже вчерашний имитированный митинг, который, естественно, показал свою абсолютную бесплодность при попытке выработать согласованные позиции, не давал оснований для прогноза о таком повороте событий). Разумеется, другие секции выдвинули предложение о принятии против сторонников ЧП строгих правовых санкций.

Тем не менее эта *игровая импровизация* не сломала общего алгоритма, и лидеры каждой секции вынесли на обсуждение «клуба» свои разработки.

В видеофильме мы видим уже доклады секций о результатах групповой работы.

* Принципы политической платформы секции № 1: Мы считаем необходимым восстановить коммунистические идеалы. В области экономики мы стоим за возвращение к марксистскому пониманию рыночной социалистической экономики. Считаем необходимым улучшить партийный устав: ужесточить требования к членам партии, особенно по части теоретической подготовки, ввести в устав механизм ответственности каждого коммуниста за выполнение уставных требований.

* Принципы политической платформы секции № 2: КПСС есть политическая организация, объединяющая граждан СССР, выступающих за обновление социализма, т.е. за гуманный, демократический социализм. КПСС сотрудничает со всеми политическими организациями, придерживающихся идеалов социализма как внутри страны, так и за рубежом. КПСС строится по территориально-производственному принципу. КПСС отстаивает свои интересы через своих представителей в органах власти. Широкий внутрипартийный плюрализм, предполагающий идейное богатство различных платформ и стоящих за ними групп. Прямые, тайные и альтернативные выборы.

* Принципы политической платформы секций № 3 и № 4: Нам удалось достичь соглашения двух секций. Мы выступаем за равноправие и многообразие всех форм собствен-

ности и переход к многоукладной смешанной экономике. Мы согласны с идеей широкого внутрипартийного плюрализма, допускающего существование в партии – в том числе в той партии, в которой, если произойдет размежевание, останутся демократы, – существование различных платформ и групп. Мы предлагаем от имени нашего блока обратиться ко всем демократическим силам страны – народные фронты, общественные организации, стачечные комитеты и т.д. – с предложением создать единый блок демократических сил «Гражданское согласие», который выступил бы сегодня гарантом недопустимости свержения результатов перестройки, достигнутых за последние 5 лет.

Секции № 3 и № 4 выработали общий проект положений устава партии. Мы предлагаем в преамбуле устава отразить три исходных позиции. КПСС – это партия реформ. Она ставит своей стратегической целью осуществление коренной перестройки всех сторон общественной жизни. Далее: мы предлагаем вместо принципа демократического централизма опираться на общедемократические принципы, известные из практики деятельности подавляющего большинства партий в цивилизованных странах мира. И, наконец, гарантирование прав меньшинства: никто не имеет права мешать выполнению решений большинства, но ни один член партии не обязан участвовать в действии, с которым он не согласен.

Реплика из зала: Мне кажется, что, убрав основу существования партии, а именно принцип демократического централизма, авторы этой концепции заранее запрограммировали развал партии.

Ответ докладчика от секций № 3 и № 4: Я считаю, что в сложившейся ситуации разделение КПСС неизбежно. Сегодня позиции групп внутри нашей партии настолько различны, их платформы настолько различны, что говорить о единой партии нет никаких оснований.

Прерывая по необходимости рассказ об этом этапе игры, подчеркнем, что сам факт попытки коллективного по-

иска не менее важен, чем его конкретные результаты: подлинная наука коллективного проектирования платформ была освоена пока весьма слабо.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ этап игрового моделирования был посвящен разработке технологии выборов делегатов съезда на основе платформ кандидатов.

Ведущий В.А.Чурилов предлагает, чтобы участники практикума, опираясь на свои выводы о достоинствах и слабостях предложенных докладчиками – они же и кандидаты в делегаты съезда – платформ провели условные выборы делегатов от партклуба на съезд КПСС.

Звучит метроном.

Объявляются итоги выборов. По результатам условного тайного голосования приоритеты распределились следующим образом:

Первое место – делегат от секции (модели, платформы) № 2.

Второе место – делегат от вновь образованной секции № 6.

Третье место – делегат от секции № 3.

Четвертое место – делегат от секции № 4.

Пятое место – делегат от секции № 1.

Итак, от смоделированного на игре «партийного клуба» на 28-ой съезд КПСС условно избран представитель модели № 2.

Говоря словами авторов газетного репортажа, «наиболее приемлемым для всех оказался представитель “умеренных”, за ним шли: сторонник “круглого стола”, “обновленец”, “радикал” и, наконец, “консерватор”».

Видеofilm завершается звучанием метронома.

5.5. Результаты практикума

ОДИН ИЗ результатов практикума зафиксировали авторы репортажа в «МН». «Проверка моделей, опробованных в игре, началась еще быстрее, чем можно было ожидать. 20-21 января в ДК Московского авиационного института прошла

Всесоюзная конференция партийных клубов и парторганизаций по выработке демократической платформы КПСС к предстоящему съезду. Организатором встречи, на которую прибыло более 250 делегатов из 102 городов, был Московский партийный клуб «Коммунисты за перестройку» – одна из первых организаций «партийных неформалов»...

На конференции обсужден и принят за основу проект Программы и изменений в Уставе КПСС, которые предполагается довести до широких слоев членов партии, поскольку главная стратегическая линия «Демократической платформы» – так назвала себя новая коалиция – передача власти от партийного аппарата рядовым коммунистам». Интересно, что лидер Московского партийного клуба Владимир Лысенко участвовал в деловой игре как убежденный сторонник модели № 4 и, защищая идею партии парламентского типа, был зачислен в «радикалы». Однако итог Всесоюзной встречи оказался ближе ко второй модели – «умеренного обновления» с изменением методов руководства и допуском внутри партии различных платформ».

САМИ авторы игры «по горячим следам» на вопрос журналистов «что из задуманного получилось, что можно считать позитивным багажом эксперимента, который пригодится партии, стране?» отвечали так:

Ю.Казаков. – В игре выявились искренние сторонники всех четырех предложенных моделей, и у всех нашлись серьезные аргументы. Но если участники практикума не смогли договориться даже в тепличных условиях эксперимента, вряд ли это легче будет сделать на митинге и уж тем более «объединиться» директивным путем. Нужна широкая дискуссия о партии.

В.Бакштановский. – Для меня главным было поставить участников игры в ситуацию нравственного выбора и ответственности за этот выбор. Мы говорим о необходимости утверждения общечеловеческих ценностей в мире, а здесь в одной стране, в одной партии объединены убежденные носители разных систем ценностей – не только политических,

но и моральных. Можно, конечно, выбрать путь «борьбы», но, как и в мировом сообществе, победителей здесь не будет. Остается одно – договариваться.

Деловая игра показала не только «антикомпромиссные» настроения большинства ее участников, но и то, что партия еще недостаточно «выговорилась», не все происходящее в ней осмыслила. Что полезнее на таком этапе развития: консолидация любой ценой или размежевание – ответить на этот вопрос игра, конечно, не могла, но она напрямую вывела на ответ.

ОПИРАЯСЬ на подготовленную разработчиками и ведущими практикума В.И.Бакштановским, Ю.В.Казаковым, В.А.Чуриловым «Записку о результатах научно-политического практикума и возможности использования метода моделирования политических решений в ходе подготовки 28-го съезда КПСС», распространенную среди всех учредителей практикума и заинтересованных инстанций, зафиксируем здесь выводы об итогах попытки ответить на вопросы программы практикума. Эти выводы свидетельствуют об эффективности практикума.

1. Участниками практикума была принята и реализована идея коллективной гуманитарной экспертизы ситуации выбора в жизни партии посредством нетрадиционной методологии – игрового моделирования.

подавляющим большинством участников признаны полномочными и принципиально важными для выбора модели обновления партии те критерии отбора, которые закладывались в идеологию игры: примат задачи выживания страны и ориентир на соответствие моделей партии ценностям и нормам правового государства.

2. По оценкам участников практикума, метод игрового моделирования позволил основательно прояснить отношение экспертов к идее сотрудничества сторонников различных подходов (моделей). Этот метод позволил опробовать приемы и способы сближения позиций и достижения согласия. В ходе практикума удалось установить – естественно,

лишь в первом приближении – те пределы компромисса, на которые могут в принципе решиться сторонники различных моделей обновления КПСС.

3. Весьма полезно рассмотрение различных моделей развития партии как сквозной «технологической цепочки» из моделей, перерастающих одна в другую в ходе становления правового государства, вплоть до модели партии, действующей при многопартийной политической системе.

4. Несмотря на то, что технология «круглого стола» позволила сблизить целый ряд позиций различных сторон, ход практикума достаточно четко выявил то обстоятельство, что достижение идейно-нравственного единства членов партии на основе консенсуса в современной КПСС крайне затруднено, а то и вовсе невозможно. Нынешнее единство во многом мнимое, связанное с непрявленностью у значительной части членов партии потребности в самоидентификации с той или иной идеологической платформой, с отсутствием достаточно основательных представлений о различных направлениях современной социалистической мысли. Очевидно, что единство такого рода в кризисной ситуации может существовать только как временное.

5. Экспериментальное испытание различных взглядов на обновление КПСС выявило в данном «лабораторном» варианте конкретные фрагменты моделей, которые могут быть в принципе приведены к консенсусу в случае применения технологии «круглого стола». Выявлены фрагменты, не поддающиеся компромиссу (на этом этапе трудно судить «пока» или «в принципе»).

6. Наиболее популярной оказалась модель партии, действующей в рамках многопартийности левого ряда. Выбор именно ее в качестве базовой значительным числом участников игры был обусловлен как компромиссным началом этой модели, так и тем, что компромисс определялся в границах именно социалистического выбора.

7. В ходе практикума испытана процедура выборов делегатов съезда по партийным избирательным округам, предусматривающая сопоставление платформ кандидатов.

В ходе игры подтвердила свою эффективность такая форма организации диалога, выявления позиций и наращивания элементов сотрудничества членов партии, как партклуб. Именно партклуб позволяет секретарям первичных партийных организаций наиболее плодотворно вести диалог, расширять возможности для согласования интересов разнородных партийных организаций, входящих в партийный округ, учитывать весь спектр мнений членов КПСС.

Два примечания из 2009 года.

* Естественно, что модели партии, которые стали объектом гуманитарной экспертизы в 1989 году, связанные с ними политическая лексика, мотивация выбора, а также механизмы претворения платформ кажутся во многом наивными. Но тогда они привлекали своей свежестью, злободневностью, смелостью постановки вопросов и предлагаемых решений.

И, разумеется, это было одним из важных этапов формирования политического этоса нашей страны.

А так же одним из этапов развития ноу-хау инновационной парадигмы прикладной этики.

* Все время работы практикума на столе ведущих стул метроном. Метафора простая: время требует безотлагательного выбора.

До краха КПСС оставалось полтора года. Многие ли могли предвидеть такую ситуацию в то время, когда проводился практикум?

Глава 6

Прогнозирование потенциала институционального освоения ценностей гражданского общества в ситуации старта рыночных реформ

Справка. Гуманитарная экспертиза вероятных последствий политического решения о либерализации цен, проведенная по заказу Правительства России Центром прикладной этики в технологии этико-прикладной игры, состоялась 8 декабря 1991 года в телецентре «Останкино». Авторы идеи и сценария игры: В.И.Бакштановский, В.А.Чурилов, А.Ю.Согомонов, Ю.В.Согомонов, В.Н.Дымарский. Ведущие игры: В.А.Чурилов и В.И.Бакштановский.

6.1. Проблемная ситуация, заказ на экспертизу, концептуальная позиция, рабочие гипотезы

6.1.1. События августа 1991 года и последующий вихрь перемен в духовной и политической жизни, соответствующие (хотя и не всегда своевременные) преобразования в политической системе радикально изменили всю обстановку в стране. Что было только расшатано, рухнуло: шлюзов, сдерживающих обновленческий поток, больше не существовало. Во всяком случае, так казалось. В повестку дня был поставлен вопрос стратегического плана: «Что делать?».

Но либеральный проект коренного реформирования новой политической и хозяйственной системы страны еще не получил своего идеологического обоснования и существовал в виде разрозненных идей, платформ, на уровне предугадывания и предчувствия. Были сделаны только первые шаги преобразования идей, живущих на уровне публицистических сюжетов, в более или менее стройную идеоло-

гию радикального либерального экспериментирования. Только позднее выяснилось, что идеология и практика либерализма, отменно «работавшие» на Западе, истолковываются у нас имитационно, скорее в духе вульгарного либерализма, и потому чуть ли не априорно были обречены на пробуксовывание в России (а заодно и в других странах только возникшего СНГ). Еще далеко было (но речь идет – напомним – о спрессованном историческом времени) до возникновения альтернативных проектов реформирования общества, до осознания необходимости скорейшего завершения жесткого экспериментирования над экономическими и политическими структурами страны, до появления национально-государственных проектов реформ и контрреформаторского проекта.

В возбужденной и неуправляемой ситуации в ноябре-декабре 1991 года по заказу Правительства России Центром прикладной этики и организованным им временным творческим коллективом была проведена гуманитарная экспертиза вероятных последствий политического решения о либерализации цен под условным названием «На следующий день». Игровое моделирование как метод гуманитарной экспертизы рассматривалось как способ «проживания» различных стратегий деятельности заказчика с целью коррекции вариантов реформаторской программы.

Подчеркнем: заказчик предполагал, что это будет первая из цикла гуманитарных экспертиз замысла и процесса либеральных реформ.

6.1.2. Общая установка заказчика данной экспертизы формулировалась как попытка заложить основы постоянного диагноза-прогноза действий Правительства России в связи с реакцией общества на рыночные реформы. Предполагалось инициировать рефлекссию своей деятельности прежде всего, чтобы избежать возможной утери общей оценки ситуации в условиях дефицита времени и множественности ежедневно возникающих проблем, не допустить решений «на авось», по принципу «любой ценой залатать си-

туацию, а потом куда-нибудь выбраться». При этом осознанно акцентировался заказ именно на *гуманитарную* экспертизу.

Решившись на рыночные реформы, правительство не ждало от этой экспертизы особых откровений в социально-экономической диагностике. Для формирующейся реформаторской программы значимым являлся прогноз морально-психологической готовности различных структур государства и общества к рыночным отношениям, их желание и умение принять и воплотить идеалы, ценности и нормы общества с рыночным механизмом – гражданского общества.

В заказе на экспертизу последствий либеральных реформ в целом и их первого шага особенно можно выделить два вида интересов и ожиданий: *социально-философский* и *организационно-управленческий*.

Первый из них концентрировался в тезисе о либерализации цен как *первом шаге* в направлении к либерализации экономики, жизни общества в целом. В свою очередь, этот тезис сопрягался с оценкой либерализации цен как «лучшего из худшего», что могут предпринять реформаторы в сложившихся обстоятельствах.

Второй вид фокусировался в тезисе о необходимости срочного испытания эффективности административных структур, созданных правительством России, и в случае их неэффективности, проведения опережающей управленческой коррекции.

Казалось бы, оба аспекта легко субординируются.

В *идеале*, в случае реализации намерения провести *цикл* экспертиз, акция «первого шага» задавала импульс, подразумевала подчинение *организационно-управленческого* видения первой из реформ *идеологическим* ориентирам общей программы реформ.

В *реальности*: в конкретной – «пограничной» для страны – ситуации, решение которой и подразумевала «шоковая» реформа, «либерализация цен», провоцировался приоритет *срочных* решений, т.е. второе направление.

Естественно, что предпочтение второму направлению заказа на экспертизу создавало предпосылки доминирования *технократической* стратегии моделирования ситуации «На следующий день». Ее гуманитарная «составляющая» в этом случае могла проявиться лишь в намерении учитывать «человеческий фактор».

Однако ситуация выбора, которую предстояло смоделировать участникам гуманитарной экспертизы, заключалась, с точки зрения авторов проекта, в том, чтобы смоделировать возможности и последствия двух альтернатив: в процедуре подготовки принимаемых субъектами власти решений в обстоятельствах после «Дня X» *учет* «человеческого фактора» как средства оптимизации управления экономической реформой – или *институционализованная гуманитарность* необходимых решений, мотивированных ценностями гражданского общества.

Именно для рефлексии и консультирования *такого рода* трактовки ситуации выбора в экспертную систему игры были включены две *условные* структуры: «Гражданская экспертиза» и «Центр прикладной этики».

Подчеркнем: ноу-хау *прикладной* этики в интерпретации предложенной заказчиком проблематизации экспертизы предполагало не отмену значимости *ситуативной прагматики* (об этом говорят уже такие обязательные элементы итогового отчета каждой из экспертных подсистем, как «рекомендации»), а выведение конкретных управленческих решений, продуцируемых в ходе игрового моделирования, в решения, ориентированные на институционализацию ценностей гражданского общества в пренатальной стадии его существования.

6.1.3. Положенная в основу проекта экспертизы авторская концепция этики гражданского общества формировалась в сравнении двух подходов к теме «мораль и рынок».

Речь шла, во-первых, о концепции моральной секуляризации рыночной экономики, исключении критериев морали из процесса принятия решений, о переходе к рынку и его

конкретных шагах. За моралью в этом случае остается лишь внешняя роль: «альтернативы рынку нет, переход неизбежен по очевидным соображениям целесообразности (выживание общества); но под вечным и неразрешимым моральным сомнением остается справедливость рынка». В рамках этой версии отрицается «протестантская этика-91» (с характерным для нее включением моральной аргументации в сферу рыночной экономики и организуемого ею общества, с ее внутренним моральным оправданием свободного предпринимательства) и остается лишь перманентная тотальная рефлексия по поводу цены перехода к рынку. Максимум – на что решается в этом случае моральный критик – оценка перехода к рынку как «меньшего зла».

Речь шла, во-вторых, о концепции перехода от тоталитарной системы государства к гражданскому обществу. Эта концепция связана с идеей социокультурной динамики морали, предполагающей необходимость для переходного общества выбора между разными системами моральных ценностей: моралью *традиционного* общества и моралью общества *современного*, с неизбежной сменой моральной веры, с принятием новой парадигмы моральной ориентации, в которой по-особому сочетаются два «кантовских» императива (категорический и условный): с одной стороны, свобода, с другой – справедливость. Рыночная экономика – базис гражданского общества – рассматривается как стимул плюрализма идеалов, санкция их сосуществования и диалога; при этом сам рынок – многообразие его форм, этапов, уровней цивилизованности – подразумевает, безусловно, и моральную критику, и ориентацию на внерыночные идеалы, но в любом случае является предметом морального оправдания.

Потенциальная гуманитарная экспертиза с позиций первой концепции стремится дать диагноз-прогноз отношения массового морального сознания к рыночным реформам: смирилось ли оно с неизбежностью («иного не дано»),

фаталистически приняв аргументы целесообразности, так и не «оснастив» их морально?

В соответствии со второй концепцией исследуется: самоопределилось ли сознание, морально освоив ситуацию, оправдало ли переход к гражданскому обществу («дорога к Храму»), причем не только как «свободу от», но и как «свободу для», оставив за собой обязанности нравственной стимуляции рыночных реформ и их моральной же критики?

Следует подчеркнуть, что принимая в качестве установки для сценария игры второй подход, ее авторы с необходимостью давали положительный ответ на вопрос о приемлемости и моральной допустимости идеи *намеренности* в отношении к формированию гражданского общества, т.е. известного *проектирующего* воздействия на этот процесс, который является *самоорганизующимся* в нормальных, естественных исторических условиях.

Однако эта *намеренность*, ее моральное оправдание и экспертное испытание – как идеи, так и технологии – предмет особой заботы гуманитарной экспертизы, так как переходный характер ситуации проявляет крайние формы «рынкофобии» и «рынкофилии» в виде бескомпромиссного противостояния морального догматизма и циничного прагматизма. И для той, и для другой позиции переходный период стимулирует и морально санкционирует чрезвычайные средства, меры, методы, фиксирующиеся в характеристике «вынужденные». Когда же практически все решения оказываются вынужденными, аргументы свободы и справедливости не могут быть взвешены и согласованы, а общественное сознание раскалывается не только с точки зрения различения прогнозов на выживаемость в условиях рынка разных групп интересов, но и с точки зрения убежденности в допустимости насильственного перевода противоположной стороны в свою веру или даже подавления-искоренения «противника». При «дурной наследственности» ведущего направления менталитета страны переход-

ный характер ситуации требует прогноза развития основных нравственных конфликтов.

6.1.4. Концепцию этики гражданского общества конкретизировали *рабочие гипотезы*, сформулированные в соответствии с авторской интерпретацией заказа в *аван-проекте* экспертизы:

- гуманитарная экспертиза исходит из несводимости характеристики «гуманитарная» к простому определению «*анти*технократическая», к элементарному противопоставлению "технологической рациональности" или утилитаристскому подсчету выгод и потерь. Гуманитарная экспертиза – приложение-конкретизация общеморальных ценностей, направленное на познание-понимание этоса становящегося гражданского общества;

- гуманитарная экспертиза вероятных последствий политического решения о либерализации цен требует знания-понимания *этоса* и практикуемых «правил игры» субъектов рыночных реформ. Способом выявления практикуемых правил и, что особо значимо, культивирования «честных правил» взаимодействия этих субъектов – политического этоса эпохи – является игровое моделирование поведения субъектов и структур государства и гражданского общества в ситуации либеральных реформ;

- гуманитарная экспертиза предполагает возможность и целесообразность самого процесса прогнозирования поведения субъектов либеральных реформ не в привычных как для правительственных заказов, так и для многих участников экспертизы – *социетальных* характеристиках (профессиональных ролях, социально-демографических параметрах и т.п.), а в морально-психологических, этико-культурологических *идеализованных* типах.

Авторы проекта исходили из тезиса о том, что освоение экстремальной ситуации, в которой окажется российское общество после «Дня X», массовая морально-психологическая ситуация схватываются двумя моделями поведения. Не «сторонники» или «противники» реформ, «инно-

ваторы» или «реваншисты», и даже не «рынкофилы» и «рынкофобы»; массовая ситуация может быть «схвачена» различением людей, склонных к переменам (а потому готовых рисковать), и людей, явно сориентированных на социальные гарантии, стабильность в обществе. Иначе говоря: «людей игры» – и «людей порядка».

6.1.5. Работа временного творческого коллектива, предваряющая собственно игру, включала:

- проведение двух «круглых столов»: прогнозистов (И.В.Бестужев-Лада, О.И. Шкаратан, М.Н. Топалов, Л.В. Степанов, Б.Г.Панков) и социологов общественного мнения (Г.С.Батыгин, С.П.Шпилько, А.В.Кингсбургский, Н.И.Бетанелли, Л.В.Зенькова, С.В. Колобанов) на базе газеты «Российские вести» и РИА «Новости»;

- специальное заседание Правительства России, посвященное подготовке экспертизы;

- «кастинг» потенциальных спикеров экспертных групп и подключение их к разработке игры;

- работу с руководством телецентра «Останкино».

6.2. Сценарный замысел

6.2.1. Замысел авторов идеи и сценария игры заключался в том, чтобы сконструировать для заказчика экспертную систему, которая должна была благодаря игровой технологии послужить своеобразным «зеркалом», стимулирующим и организующим рефлексию заказчика.

Предлагаемая заказчику экспертная система включала три основных элемента: модель «региона N», «экспертное правительство», «гражданская экспертиза». Каждое из этих «зеркал» должно по-своему отразить последствия решения Правительства России о либерализации цен: показать концентрированное выражение реакции различных структур общества и государства, типичную конфликтологию в масштабе региона; проявить общее и отдельное в последствиях либерализации, имеющееся или должное быть – в государственном и общественном подходах к реформам,

способность и того и другого подхода отразить возможность и меру переходного состояния к становлению гражданского общества. Взаимодействие с этими экспертными структурами должно было помочь участвующим в игре членам правительства (и отсутствующим министрам, которые будут ознакомлены с видеозаписью игры) уже в ходе процесса моделирования *испытать* предстоящее решение о либерализации цен и разработать его коррективы.

Вся экспертная система и ее структуры исключали менторскую позицию – никто не владеет ответом, спрятанным в конце задачника. Лишь игровое проживание ситуаций может дать поисковый эффект.

6.2.2. Основным «испытательным полигоном», репрезентирующим поведение государственных и общественных структур «на следующий день», или, как говорилось в сценарии, после «Дня X», должен был стать «Регион N» («администрация», «совет народных депутатов», «гражданская ассамблея», «региональные СМИ»). Именно этой экспертной структуре предстояло совершить в условных обстоятельствах *возможные ошибки и испытать разнообразные реакции на них*.

Задача «Региона N» заключалась в «проживании» ситуаций и решений, к которым бы «относились» как «заказчик» экспертизы, участвующий в игре, так и другие экспертные структуры. Иначе говоря, речь шла об «эксперименте на себе».

* Структура «экспертное правительство», своеобразный «теневой кабинет», «относилась» к событиям в «регионе N», моделировала конфликтность внутри самого «кабинета» с позиций условно выделенных в составе правительства «идеологов» и «прагматиков».

* Структура «гражданская экспертиза» моделировала идею «гражданского парламента», модифицированную из оппозиционной политической формы в чисто экспертную, выражающую прежде всего позицию нарождающихся институций гражданского общества. Соответствие и предста-

ительство в этой подсистеме определялось не личной принадлежностью к какой-либо из социальных групп («от рабочих», «от интеллигенции» и т.п.): в модельный «парламент» входили *эксперты по структурам* – журналисты и публицисты, известные своими профессиональными работами по проблемам фермерства, власти, учительства, предпринимательства и т.п.

* Особая роль отводилась группе «Центр прикладной этики»: «авторский контроль» хода игры в соответствии с базовой концепцией и рабочими гипотезами, заложенными в сценарий.

6.2.3. *Игровой* характер работы экспертной системы предполагал определенную *условность*.

* Экспертная структура «Регион N» действовала в условном режиме открытой радиостудии и тем технологизировала задаваемый сценарием фактор гласности в процессе подготовки решений. Второе условное обстоятельство поведения этой структуры заключалось в декларируемом «администрацией региона» намерении визировать все принимаемые решения у научных консультантов – психологов, социологов, этиков.

* Условный характер деятельности «экспертного правительства» определялся следующими факторами:

- ни один из исполнителей роли члена экспертного кабинета не является в реальной жизни политическим деятелем; каждый выступал лишь как «эксперт-экономист», «эксперт-социолог», «эксперт-политолог», «эксперт-журналист», примеряя на себя самого роль деятеля центральной администрации;

- экспертное правительство обсуждает все происходящее после объявления «Дня X» как наблюдатель за социальными последствиями своей реформы, но не участник собственно реформаторской деятельности;

- структура правительства строится не по принципу бюрократического повторения традиционной – ведомственной – структуры кабинета министров, а разделена на две под-

системы: «идеологов» и «прагматиков». Деление и наименование функций учитывает зрелищный (телевизионный) эффект: Министр реформы, он же глава кабинета; Министр социальных гарантий, социальной защиты и потребления; Министр манипуляции и информации; Министр стратегии и социальной политики; Министр тактики и быстрого реагирования; Министр порядка и законности; Министр-секретарь; Министр без портфеля.

6.2.4. *Алгоритм* игры концентрировался в проживании двух ситуаций, конкретизирующих последствия «Дня Х».

Первая из них имела название, прямо ориентирующее на гуманитарную проблематику экономических реформ: «Справедливые цены». Речь шла о предполагаемой морально-психологической реакции на «свободные цены», на способность государственных и общественных структур соотнести критерии распределительной и либеральной парадигм справедливости, разрешить или хотя бы правильно сформулировать неизбежный конфликт этих критериев.

Вторая ситуация – «Фиксированные цены». Здесь моделировалось забастовочное движение на предприятиях, связанных с фиксируемыми «сверху» ценами на свою продукцию (прежде всего нефтяные предприятия); особое внимание было уделено вопросу: фиксированные цены – дань популизму или экономическая и социальная целесообразность первого этапа реформ?

6.2.5. *Достоверность* гуманитарной экспертизы определяется не традиционными критериями репрезентативности (например, массового опроса), а потенциалом прогнозирования поведения различных морально-психологических типов внутри обычно выделяемых социальных и демографических структур общества. Соответственно, и рекомендации экспертизы относились к возможным реакциям именно этих, характеризующих почти тотальную амбивалентность менталитета советских рабочих и крестьян, предпринимателей и служащих.

6.3. Фрагменты игровой деятельности экспертных структур с краткими комментариями

6.3.1. «Технические условия» к характеристике ведения игры

Здесь мы подчеркнем особенность технологии игрового моделирования как способа гуманитарной экспертизы вероятных последствий политического решения о либерализации цен.

Технология представленных в главах 3, 4, 5 этико-прикладных игр заключалась либо в жестко алгоритмизированном *моделировании процедуры* («Окружное предвыборное собрание»), либо в *«испытании» разных моделей* решения проблемной ситуации с целью создания консенсусной модели («Партия в ситуации выбора»), либо в проектировании политического решения этноэкологического конфликта («Освоение без отчуждения»)

Прогнозирование потенциала институционального освоения ценностей гражданского общества в пограничной ситуации старта рыночных реформ (так, напомним, был переформулирован заказ на экспертизу) отличалось разработкой и применением *технологии системы «зеркал» – «экспертных подсистем»*, предназначенных стимулировать и организовывать рефлексию заказчика гуманитарной экспертизы.

В соответствии с замыслом игры, предусматривающим моделирование возможности и последствий двух альтернатив в подготовке решений, принимаемых субъектами власти в обстоятельствах после «Дня X»; учет «человеческого фактора» как средства оптимизации управления экономической реформой – или *институционализируемая гуманитарность* необходимых решений, мотивированных ценностями гражданского общества, *технология ведения этой игры отличалась созданием двух координационных ядер игрового моделирования*. Ведущие работали из позиции спикеров руководимых ими экспертных структур: «Регион

Н» и «Центр прикладной этики». «Регион N» – основной полигон экспертизы. «Центр прикладной этики» – координатор внутриигровой гуманитарной рефлексии поведения всех экспертных подсистем – во-первых, корректировки хода игрового эксперимента в сторону основных гипотез проекта – во-вторых.

Именно *такого* рода технология ведения игры создавала возможности для *проявления* практикуемых «правил игры» и *культивирования* этоса потенциальных субъектов рыночных реформ – государственных структур и институтов гражданского общества.

В свою очередь, задача демонстрации технологии ведения игры по *проявлению* этоса взаимодействия структур власти и структур гражданского общества конкретизирована сосредоточенностью нашего анализа на экспертизе их предпочтений. Для власти: между *реагированием* на стихийную активность «гражданской ассамблеи» – и обращением за экспертизой своих решений к потенциалу проектной «гражданской экспертизы»; для структур гражданского общества: между конфронтацией с властью – и сотрудничеством с ней ради решения проблем «Дня X».

6.3.2. Игровая площадка, установка на игру, правила игры

6.3.2.1. Большая студия в телецентре «Останкино» (в соседней студии идет запись новогодней передачи Влада Листьева). Студия превращена в игровую площадку проекта. Конструкция *играющей* экспертной системы: три «зеркала», в которые предстоит посмотреться заказчику: «Регион N: (“региональная администрация”, “совет народных депутатов”, “гражданская ассамблея”, “пресса”); «экспертное правительство»; «гражданская экспертиза».

Сам участвующий в игре заказчик экспертизы – еще одна структура конструкции игровой площадки, но виртуальная. Из трех предложенных заказчику вариантов «члены правительства»: (а) располагаются непосредственно на иг-

ровой площадке, (б) находятся в аппаратной телецентра и просто наблюдают за жизнью «испытательного полигона», (в) влияют на ход игрового моделирования, реагируя на деятельность экспертных групп по телефонной связи. Министры в самый последний момент выбрали вариант (в). В центре – структура «Центр прикладной этики».

Участники игры занимают отведенные для каждой из групп столы и распределяют внутригрупповые роли. Например, в группе «гражданская экспертиза»: «фермер», «предприниматель», «деятель власти», «партократ», «домохозяйка», «спикер группы».

Оба ведущих в период запуска игры – в группе «Центр прикладной этики».

6.3.2.2. *Игра открывается вступительным словом В.И.Бакштановского, характеризующего идею, предмет и задачи игры.*

– Коллеги! В напряженном состоянии, которым охвачена вся страна накануне начинающего цикл либеральных реформ «Дня X», нам необходимо представить себе ситуацию страны на *следующий день* – вероятные последствия первой из рыночных реформ, либерализации цен. И не только представить, но и смоделировать те решения, которые должны принимать как власти, так и граждане.

Все мы здесь на игровой площадке – временный творческий коллектив, работающий в технологии экспертной системы, предлагающей заказчику экспертизы, Правительству России, и ее гражданам своеобразный прогноз доселе неведомого в опыте многих поколений поведения в условиях первого шага рыночных реформ.

Сам предмет прогноза *нетривиален*. В соответствии с замыслом проекта, мы с вами беремся не за экономический прогноз, а за гуманитарную экспертизу отчаянных и, по моему, отважных решений Правительства России. Прежде всего, за экспертизу социально-философских оснований этих решений и их морально-психологической продуманности. При этом речь идет не об академических дискуссиях на

некоей кафедре прикладной этики, генерирующей концепцию гуманитарной экспертизы, но об испытании, скорее «проживании», этих решений в рамках деятельности, приближенной к жизни, достаточно реальной структуры – «Региона N». Это – самое близкое к реальности место на игровой площадке.

Мы не рассматриваем сконструированную для игры экспертную систему как репрезентативную с точки зрения представительства интересов основных классов общества или его демографических структур. Наши экспертные суждения и оценки, наши действия, «проживаемые» в условных обстоятельствах, в модельном режиме, призваны показать возможные поступки различных типов человеческого духа: «рынкофилов» – и «рынкофобов»; людей, склонных к риску, – и людей, ценящих гарантированные условия жизни; «людей порядка» – и «людей игры». Еще раз: это не просто политики и чиновники, рабочие или директора, домохозяйки или депутаты, молодые люди или пенсионеры, но люди с разной морально-психологической готовностью к необычным условиям жизни, возникающим после либерализации цен.

Прогноз их поведения и попытаются дать три экспертные структуры, три «зеркала», которые мы *выставляем* перед российским правительством реформ в надежде на то, что гуманитарные ориентиры, выработанные нашей экспертизой, дадут критерии для повышения компетентности реформаторских решений, для минимизации того неизбежного зла, которое несет с собой надвигающаяся либерализация цен, для моральной поддержки – и обязательной моральной критики – стратегии правительства.

Особое место среди работающих на этой игровой площадке экспертных структур занимают институты гражданского общества. Они лишь нарождаются в стране, но именно они покажут нам: на кого и в какой мере может опереться общество, осваивая непривычную роль автора своей

собственной жизни, постепенно выходящего из-под опеки государства.

Попытаемся же – вместе с заказчиком экспертизы – увидеть себя и других в этих «зеркала» и, узнав/не узнав себя, настроиться на перемены в лучшую, во всяком случае необходимую, сторону.

Полагаю важным прокомментировать термин «игра». У Владимира Даля в «Толковом словаре» *игре* посвящено несколько страниц убористого текста – столько смыслов это слово несет в себе. В нашей экспертизе оно применяется прежде всего для обозначения исследовательского метода, помогающего моделировать, «проживать» деятельность субъектов в условных обстоятельствах. И меньше всего нам бы хотелось сейчас убеждать будущих аналитиков и потребителей результатов нашей экспертизы в том, что мы отлично знаем весь негативный спектр смыслов, связанных со словом *игра*, и все опасности игрового метода в виде манипуляторства, бюрократических игр, фальшивых имитаций или просто впадения в детские забавы. Мы серьезны и ответственны. Но, конечно, не отказываемся ни от иронии, ни от улыбки и постараемся не впасть в гордыню ложной серьезности.

В соответствии со способом ведения игры, практикуемым дуэтом В.И.Бакштановского и В.А.Чурилова, сейчас я должен передать Валерию Андреевичу вторую часть вступительного слова. Согласно сценарию, в течение всего дня В.А.Чурилову предстоит вести игру *с позиции главы администрации «Региона N»*. Но пока он еще «только ведущий», определяющий алгоритм и технологию игры.

6.3.2.3. В.А.Чурилов в роли ведущего характеризует конструкцию игровой площадки, алгоритм игры, предусмотренные сценарием игры задания-роли каждой из экспертных групп, их «игровые правила» – способы их взаимодействия в решении общей задачи игры, представляет спикеров каждой из групп.

Представляя структуру «испытательного полигона», ведущий особо подчеркивает, что в центре экспертизы – «Регион N», к жизни которого относятся другие экспертные группы (подсистемы). И метод работы «Региона N» – «эксперимент на себе» – вполне реалистичен: многие участники этой группы будут представлять самих себя.

Затем В.А. Чурилов формулирует правило, общее для работы всех экспертных структур: игра создает условную ситуацию, отличающуюся от реальной как сжатием времени для решения задач, так и экспертным способом их проживания. Прогнозный потенциал экспертизы адресован прежде всего саморефлексии заказчика: его представители участвуют в игре.

Затем координаторы-спикеры экспертных групп декларируют «правила игры» каждой из них.

После вступительных слов, ведущие в соответствии с особенностями технологии ведения этой игры, уходят в свои экспертные структуры: «Регион N» и «Центр прикладной этики».

6.3.3. «Регион N» накануне «Дня X»: технология ведения игры в алгоритме «плановых возмущений»

6.3.3.1. Первое представление об организации игры может дать алгоритм ее начального этапа на площадке «Регион N».

** В.А. Чурилов в роли главы администрации представляет свою команду. Наряду с тривиальностью управленческой структуры: «зам. по экономике», «зам. по социальным вопросам», «зам. по связям с общественностью», администрация работает на нетривиальных основаниях: в соответствии с игровой «составляющей» сценария, «Регион N» действует в двух условных обстоятельствах – в режиме открытой радиостудии и в намерении «администрации региона» визировать принимаемые решения у научных консультантов.*

* «Глава администрации» дает «вводную» в режиме открытого эфира: всем известно о приближении реформы, связанной с либерализацией цен; идет ее обсуждение в парламенте, в прессе; напряженное ожидание и даже стресс в массовом сознании. Часы пошли. Что можно и нужно сделать региону к моменту публикации Указа?

* Экспертная система «Регион N» работает над анализом ситуации и разработкой плана первоочередных мер.

- «Глава администрации» организует мозговой штурм для разработки плана подготовки ко «Дню X».

- «Глава администрации» по телефону собирает информацию для своего собственного прогноза событий. Его телефонные переговоры с деятелями правительства, главами соседних регионов, знакомыми журналистами, предпринимателями, лоббистами и т.д. благодаря открытому эфиру становятся достоянием всех участников экспертизы.

- Поступают сообщения от структур «Региона N».

- Ближайшие мероприятия: вечернее выступление представителя администрации по местному телевидению (прямая трансляция, обратная связь со зрителями, критика плана); встреча главы администрации с «субъектами гражданского общества» – попытка выяснить возможности их взаимопомощи вне мероприятий администрации; создание группы быстрого реагирования, включение в ее состав людей, организационно и психологически способных к решению чрезвычайных ситуаций в массовом поведении; передача этой группе вторых телефонов чиновников, просмотр фильма специалистов по ненасильственной этике о голодных бунтах.

* «Редактор региональной газеты» Л.П. Скопцов информирует о сообщении администрации для прессы.

- ...Поручено отделу социального обеспечения, пенсионному фонду совместно с общественными организациями.

- Общество ветеранов Отечественной войны, Ассоциация многодетных матерей, Клуб воинов-афганцев и др. – подготовить списки граждан, требующих попечительства

и опеки, неспособных обеспечить свое существование в данных условиях. Через службы социальной защиты закрепить за нуждающимися обслуживающий персонал, в том числе из числа добровольцев. Приступить к выдаче бесплатных обедов и обслуживанию нуждающихся со дня введения свободных цен...

* «Глава администрации» зачитывает в эфир докладную записку правительству о готовности региона к «Дню X». Приведем ее фрагменты по расшифровке видеозаписи игры.

- ...Поздний выход пакета законодательных документов, прогрессирующий экономический кризис не позволили администрации региона провести ряд необходимых мер, которые должны были предшествовать либерализации. Не проведена в полной степени коммерциализация предприятий торговли, общественного питания, службы быта. В регионе в течение двух последних месяцев нарастал дефицит наличных денег. Не получает заработную плату за ноябрь половина населения. Не сформирован механизм реализации прав коллективов добывающих отраслей и территорий на продажу 10% сырья и продукции, что при фиксированных ценах на энергоносители практически замораживает заработную плату в этих отраслях, порождая угрозу неуправляемых забастовочных акций. В регионе нет необходимого товарного и денежного запаса для помощи той части населения, которая нуждается в защите, нет необходимых средств для выплаты компенсаций предприятиям, цены на продукцию которых фиксированы.

* *Следующий шаг алгоритма игры связан уже с публикацией Указа о свободных ценах.*

- «Глава администрации» собирает пресс-конференцию и дает «вводную» в виде одной из конфликтных ситуаций, порождаемых либерализацией цен. Речь шла о возмущенной реакции населения на цены, обнаруженные в магазинах «на следующий день». Для экспертной системы «Регион N», особенно для ее административной структуры,

важно было правильно сформулировать основные вопросы, связанные с этой ситуацией. Является ли конфликтная ситуация, возникшая из-за сомнения в новых ценах с точки зрения их справедливости, объектом чисто административного решения? Или за ней есть – и это предстояло показать – внеадминистративные проблемы и способы решения?

- Моделируются два возможных типа действия администрации: а) обнаружение возможного монопольно-мафиозного источника сверхвысокой цены и б) пропагандистская акция на тему подлинной природы свободных цен.

В первом случае вставал вопрос о совместимости антимонопольных действий администрации регионального уровня (применить распределительную практику в форме талонов, купонов, карточек, раздач по месту работы или жительства) с самой идеей либерализации цен, о реальной альтернативе «административному рвению». Во втором – кто и как может и должен заниматься «идеологической работой» по убеждению населения в законности и справедливости именно свободных цен?

Самое трудное – сориентироваться в новой ситуации, проблематизировать возможность оценивать рыночные реформы в терминах патерналистской психологии, морали уравнительности. Эта трудность обнаружилась уже в искренней готовности большинства членов экспертной группы «Регион N» принять именно то название ситуации, которое было предложено ведущим, даже не поставив под сомнение соответствие рыночному мышлению саму постановку вопроса о «справедливости цен». Адекватность такой постановки вопроса администрация и сама не проблематизировала, и не обратилась по этому поводу к консультантам, способным рефлексировать разные парадигмы справедливости.

- Группы экспертной системы «Регион N» работают над предложениями по решению ситуации.

- «Глава администрации» по телефону говорит с «членом правительства» о запасах хлеба. На вопрос члена пра-

вительства о резерве доверия региона к главе администрации последний заявляет о своей ответственности.

6.3.3.2. Сессия «Совета народных депутатов» (одна из групп в «Регионе N») пытается принять решение о своих задачах в условиях либерализации цен.

И почти сразу обнаруживается неэффективность решения предложенной для моделирования ситуации при традиционном варианте распределения функций между двумя органами власти. И после “Дня X” Совет народных депутатов по привычке продолжал брать на себя заботы, отошедшие к исполнительной власти: «заслушивал» заместителя администрации, не выработав при этом упреждающих – по отношению к программе мер, принимаемых администрацией – законодательных стимулов и санкций, не очертив их условия. Более того, внеочередная сессия Совета состоялась не в процессе подготовки ко “Дню X”, а лишь в первый день после Указа.

- Осознав неэффективность работы в формате «большого совета» сессия переходит в режим заседания «малого совета».

- Часть депутатов организуют «Гражданскую ассамблею».

Приведем по расшифровке фрагмента видеозаписи игры заявление учредителей «Гражданской ассамблеи», с которым выступил А.Я. Малыхин.

– Мы, представители различных слоев населения региона, объединились на добровольной основе и представляем независимое сообщество граждан нашего региона. Цель объединения – достижение гражданского мира и согласия. Мы открыты для диалога с каждым человеком, трудовым коллективом, государственными органами, политическими, общественными, религиозными организациями, всеми слоями населения. Наши действия: честная оценка происходящих событий, решение проблем без применения насилия, путем терпимости, мудрости и деловитости. Наши усилия направлены на создание гражданского общества,

развитие систем общественных договоров различных групп населения с властью и этих групп между собой. Нам чуждо стремление к власти. Наша воля питается человеческим желанием прожить трудное время в мире и согласии. Обращайтесь к нам и мы найдем способ помочь друг другу.

6.3.3.3. Для характеристики технологии ведения игры в рамках экспертной системы «Регион N» важно подчеркнуть, что «возмущения», вводимые в ход игры от имени правительства, прессы, самого «главы администрации», *плановые*. Плановые в рамках одного из двух «заданий» от заказчика. Фактически этот весьма строгий алгоритм отвечает требованиям *организационно-управленческого* аспекта заказа на экспертизу, который фокусировался в тезисе о необходимости срочного испытания эффективности административных структур.

Подчеркнем, что представленный выше алгоритм ведения игры весьма *строг*. Даже (или тем более) и в тех моментах игры, когда в ее *плавную* процедуру вводятся определенные «возмущения». Так, например, именно в соответствии с таким алгоритмом «гражданская ассамблея» возникла в жизни «Региона N» *планово*. Стремление прямо выйти «на народ» – смоделированный популистский прием, призванный показать, что демократия невозможна без создания посредников между «государством» и «народом», общественных институтов, которые компенсировали бы неэффективность нынешних органов представительной власти. И как только в общение с «администрацией» включалась «гражданская ассамблея», диалог становился более эффективным (прежде всего за счет уменьшения количества и повышения качества подобных обращений к «администрации»).

Сосредоточенный на следовании *организационно-управленческому* аспекту заказа на экспертизу, фокусировавшемся на необходимости срочного испытания эффективности административных структур, «глава администрации» показал максимум возможного от применения

строгого алгоритма игры. В *послеигровом* отчете, написанном «главой администрации» уже из позиции соавтора игры, мы видим анализ эффекта такого варианта алгоритма игры.

С одной стороны, и в новых обстоятельствах проявилась инерция старых – командных – методов принятия решения (как «вверх», так и «вниз»): «руководство» частными, коммерческими структурами; «забывалось» решение о визуировании всех проектов научными консультантами. Наглядно обнаружилось: хаотическое метание всех структур региональной модели в поисках своего места для решения нестандартной ситуации (это касалось, прежде всего, «совета народных депутатов»); осознанная или неосознанная апелляция всех структур региональной модели к «администрации» (даже «предприниматели» поддались патерналистским настроениям); «советская власть» инициировала действия по сплочению всего населения, руководствуясь традиционной технологией тоталитарного периода (опираясь на отмершие структуры общественности); «население» спланивалось не вокруг «администрации», рассматривая «советы» как «свои», а «администрацию» – как чужих, «назначенцев».

С другой стороны, в *послеигровом* отчете мы видим аргументы уверенности в том, что «региональная администрация» «экспериментом на себе» смогла зафиксировать те «болевые точки», которые прямо повлияют на принятие решений после «Дня X»: неумение работать в режиме единоначалия при принятии решений (перенос с привычки к коллективной подготовке решений); отсутствие механизма сбора информации о нетрадиционных, альтернативных вариантах решения (открытый микрофон «утопил» «администрацию» своими предложениями); отсутствие механизма причастности «региональной администрации» к подготовке принятий правительственных решений. Важное «открытие» «администрации» для самой себя: «предприниматель» – это не просто «денежный мешок», но и интеллектуальный

потенциал, который должен участвовать непосредственно в подготовке рыночных реформ.

Моделирование взаимоотношений региона и Центра наглядно продемонстрировало последствия не разработанности системы и технологии перераспределения прав и ответственности, на деле провоцирующей безответственность региональной власти. Так, «администрация» получила от участвующих в игре «членов правительства» прежде всего такие «вводные», как аварии, «ЧП» и т.п., которые предписывали ей лишь роль «пожарников» и не позволяли действовать в качестве самостоятельных органов власти. Такого рода «вводные» игнорировали наличие у «региональной администрации» собственного опыта решения проблем (в том числе и в чрезвычайных ситуациях), порождали подозрения в недоверии Центра к позитивному опыту управленцев региона, накопленному ими на прежних ступеньках карьеры. В итоге «администратор» был не только распят между «молотом» и «наковальней» (властью Центра и населением), но больше всего озабочен неполным доверием правительственных структур назначенцу президента, давлением «сверху».

6.3.4. «Регион N» в ситуации «День X»:
технология ведения игры в режиме взаимодействия
управляемой экспертной структуры
со структурами самоорганизующимися

Означает ли представленный выше *жесткий* алгоритм игры, что деятельность «встроенных» в игровую площадку структур «гражданская экспертиза» и «экспертное правительство» не была предусмотрена сценарием игры и они были обречены лишь на *стихийное* вмешательство в ее ход?

Разумеется, сценарий поведения *испытательного полигона* в целом предусматривал координацию поведения «Региона N» и других экспертных систем. Но это была координация в режиме *мягкого алгоритма*, не только допускающего, но и предполагающего как самоорганизацию этих

структур, так и инициативность их включения в разные моменты работы «Региона N».

6.3.4.1. Экспертная структура «Гражданская экспертиза», моделирующая деятельность активно обсуждаемой в обществе идеи-институции *гражданского парламента*, была сформирована исходя из двух принципов: (а) в условный «гражданский парламент» входят не сами представители гражданских структур, а *эксперты, способные смоделировать деятельность этих структур*; (б) «гражданский парламент» ничего сам не предлагает, его участники лишь *относятся* к тому, что происходит на игровой площадке, предъявляя свою позицию в режиме документов «Римского клуба».

Как было сказано выше, ролевой репертуар «гражданской экспертизы» – «фермер», «кухарка», «партократ», «учитель», «власть», «предприниматель». Метод работы: *на каждое новое действие других экспертных структур организовывалась реакция. Каждый эксперт выстраивал свое отношение, а затем осуществлялась попытка обобщения и составление меморандума.*

Технология вступления этой группы в игру: сначала – заявление «спикера» группы, затем – ее членов.

* «Спикер» А.И.Адамский.

– Цель «Гражданской экспертизы» не сводится к выработке согласия между собой и созданию единого документа. В нашей экспертной системе представлены все гражданские структуры, которые захотели, чтобы их голос был услышан. И эти голоса мы не будем сливать в один общий хор. Поэтому в меморандуме звучат разные точки зрения.

От имени «партократов»: Мы очень давно ждали этот Указ. Наконец-то так называемая «демократическая власть» себя разоблачила антинародной политикой. Надо дать им отпор, народ нас поддержит.

Точка зрения «предпринимателей»: Правительство России может уничтожить предпринимательство этим Указом, а также пакетом Указов, которые ему соответствуют;

теми налогами, которые там прописаны; непредсказуемой сменой экономических координат, а также фактическим замораживанием роста заработной платы.

Фермер: Если вам не хватает денег в бюджете, продайте мне землю. Новыми налогами вы лишаете меня надежды вернуть кредит в банк. Если вы освобождаете цены, дайте мне торговать. Где хоть один частный магазин, оптовая база с холодильником, мясокомбинат?

Точка зрения тех, кто представляют «власть»: Мы давно ждали этот Указ. Он, как всегда, пришел в самое неудачное время и подготовлен не самым лучшим образом. Но главное, что этот Указ есть, и неподвижное ожидание закончилось.

От имени домохозяек: Не трогайте цены на хлеб, молоко и овощи. Остальные – хоть подавитесь.

От имени учителей: Дайте детям возможность ходить в школу и учиться. Указ – угроза образованию.

* Видеозапись дает возможность представить развернутое выступление «фермера» А.Ю. Черниченко.

– К вашим услугам стеснительный человек, долго молчавший, все думавший о том, чем он может быть полезен и сколько здесь еще нужно сидеть. Ведь на ферме у меня прошла уже половина рабочего дня, не доены коровы и масса всяких проблем. Я думал, что либерализация цен коснется в первую очередь меня. И, собственно, в первую очередь о ней надо было сообщить мне и моему соседу по этому столу – «предпринимателю», потому что напрямую это касается нас, товаропроизводителей.

Нам теперь вроде бы разрешается торговать по ценам, нас устраивающим. Вместо этого я слышу в эфире, что «глава администрации» уже договорился со своим коллегой из соседней области, что цены будут щадящими. Как он мог договориться, когда меня никто даже не спросил? Если реформы – это свобода, то свобода должна быть, видимо, для меня.

В этом же Указе я увидел цифру налогообложения. Значит, если я буду производить больше сорока килограммов мяса в месяц по цене десять долларов (это нормальная мировая цена), то с меня начнут брать налог в 90%. При мизерном производстве на моей ферме такой налог лишает меня всякой надежды вернуть кредит в банк, обрекает на банкротство. Эта либерализация цен для того, чтобы правительство, которое называет себя «правительством народного доверия», само как-то «свело концы с концами», наполнило свой бюджет, свою кассу.

Если вам нужны деньги, вы просто продайте мне землю. Пока этого никто не сделал. Шестая часть суши (пока шестая), ну минус какие-то республики, в распоряжении этого правительства. Как сказал сам же Ельцин, это большая закладная касса. Но пока этот заклад никто не использует. Пусть даже золотой запас разворовали, но ведь каждый шестой квадратный метр планеты пока никто не утащил? Значит, можно было бы его мне продать. А я бы заплатил деньги в бюджет.

И, наконец, последнее. Меня опять отдают на расправу торговой мафии. Если я товаропроизводитель, если мне освобождают руки в определении цен, то дайте мне возможность самому продавать мою продукцию. Где хоть один частный магазин, хоть одна частная база с холодильником, которого у меня нет, хоть один мясокомбинат? Я не знаю.

* Видеозапись дает возможность представить развернутое выступление *эксперта, моделирующего рефлексию человека «власти»*: группа «гражданская экспертиза» предложила *понимающую* реакцию на деятельность «главы администрации». Л.А. Радзиховский рассуждал «как администратор», представляя его образ мыслей, мотивы и интересы в ситуации после «Дня X».

– Меня абсолютно не интересует ни мнение «фермеров», ни мнение «предпринимателей-спекулянтов», ни мнение тех демагогов, которые пытаются говорить от имени «народа». Моя цель вовсе не состоит в том, чтобы кого-то

кормить, одевать, обувать и делать тому подобные вещи. Это вне реальной сферы моих интересов. Моя реальная цель заключается в одном – удержать свою власть в течение того времени, в которое вводятся эти так называемые либеральные цены, на которые, вообще говоря, мне тоже глубоко наплевать.

В чем я вижу задачу «главы администрации»? Балансировать между теми разнообразными эгоистическими силами, которые реально существуют в обществе. Есть «фермеры», которые требуют одного. Есть торговая мафия, которая требует другого. И я знаю, что если обижу торговую мафию, то завтра она поднимет полгорода, и эти полгорода устроят восстание. С другой стороны, у меня нет особых причин обижать тех же самых «фермеров». Масса противоречивых, быстро меняющихся интересов, каждый из которых, если его сильно ущемить, может привести к перекоосу власти, к взрыву.

Моя задача – имитировать максимальную активность, чтобы как-то насытить информационный голод населения и спокойно ждать дальнейшего развития событий. И до сих пор ничего ужасного не происходит. Все психуют, все бегают, все волнуются, все дергаются, то есть идет нормальная обыденная советская жизнь. Я не планирую на год, на месяц, или на полгода, я планирую лишь на несколько дней. В течение этих дней все хорошо: свободные цены отчасти введены, «народ» отчасти дергается, все недовольны, но это недовольство в пределах нормы. Если все будет и дальше так развиваться, то моя задача как «администратора» выполнена.

ИТАК, два типа алгоритма ведения игры – *жесткий* и *мягкий* – работали на два аспекта заказа на экспертизу. Но *самое трудное в технологии ведения этой игры* – осуществить сочетание первого и второго аспектов заказа, намеченное сценарным замыслом: выведение конкретных управленческих решений, продуцируемых в ходе игрового моделирования, в решения, ориентированные на институ-

ционализацию ценностей гражданского общества в пренатальной стадии его существования.

Именно в расчете на этот эффект группа «Центр прикладной этики» предприняла попытку коррекции хода экспертизы. Обратимся к соответствующему фрагменту видеофильма.

В.И. Бакштановский.

– Наверное, большинству из присутствующих показалось, что второй тур нашей экспертной работы намного полезнее, чем первый. Ведь в первом туре мы смоделировали ситуацию хаоса – развала власти и анархических настроений в «народе». И вот, кажется, сейчас мы стали работать по-новому. Но действительно ли по-новому? Помоему, нет.

То, что «администратор» стал более волевым, у него появились жесткие нотки в голосе (очевидно демонстрирует авторитарный стиль руководства) – само по себе еще не плохо. Все мы, казалось бы, заработали более организованно. Но с какой целью? Мы все равно остались исполнителями *им* поставленных задач. В нас не проснулось даже капли чувства, что мы свободные люди. Даже «предприниматели», начавшие строить альтернативные подходы к решению проблемной ситуации, все равно если и не прислуживали (не обижайтесь), то обслуживали поставленную «администратором» задачу. А не сформулировали в ответ на ситуацию свою собственную задачу.

«Администрация» предложила нам очень четко налаженную работу? «Экспертные группы» заработали, принесли свои решения? Но мы поддались обаянию этого авторитарного стиля руководства и забыли, что хотели провести *гуманитарную* экспертизу. А собственно *человека* в нашей экспертизе нет – ни в наших оценках, ни в наших планах. Только денежные потоки, только экономические структуры. В лучшем случае, так называемый «человеческий фактор». Не обидно, что все мы по доброй воле остаемся на уровне *фактора*?

* Психолог Е.И.Головаха.

– Я думаю, что авторитарный стиль это не худший вариант поведения «администрации», которая на протяжении первого периода игры успела утратить доверие. Здесь сказались три фактора.

Первый – непредсказуемость поведения «администрации»: решения менялись очень часто, и не было ощущения, что очередное решение является окончательным. Хотя заявка на такой подход была сделана. Вторым фактором – характерная для «администрации» пессимистическая интонация. Но она должна быть абсолютно исключена из деятельности любых властных структур. Их пессимизм, обращение к «народу» с заявлением типа «хлеба в городе на два дня», моментально подрывает доверие к власти. В основном поведение «администрации» было больше похоже на попытку отбиться от нападков. И третий фактор – на первом этапе игры преобладал анархический стиль, который должен быть полностью исключен в критических ситуациях.

Что касается поведения «народа», то его спонтанность не случайна: такова в стране политическая ситуация. Никто даже не вспомнил о политических партиях, которые должны представлять интересы тех или иных слоев населения. Выступают совершенно фантастические структуры, названия которых я даже, честно говоря, не могу запомнить. И «администрация» должна четко заявить свою политическую позицию: они – не сатрапы, наместники правительства в данном регионе, а люди определенных политических ориентаций. Лишь так может быть согласована деятельность ответственности и «администрации».

* Философ Ю.В.Согомонов.

– У меня возникло впечатление, будто на площадке проводится не гуманитарная экспертиза, а «деловая» игра: настолько механистичны, бездушны принимаемые здесь решения. А ведь в ситуации старта реформ перед нами встает проблема глубокого внутреннего раскола в сознании «народа».

С одной стороны, либерализация открывает путь к поддержке людей риска, людей призвания. Реформа создает экономическую мотивировку поведения, дает ощущение, что люди сами себя спасают. А это самая лучшая основа человеческой гордости: когда я сам себя спасаю, а не меня спасают.

Но, с другой стороны, существует огромная масса людей, которых мы условно назвали «люди порядка». Эти люди в ситуации реформ оказываются в положении страдающих. Две трети населения – такие люди. И у всех остальных не может не возникнуть ощущение вины перед ними, глубокой вины. Чем искупить это чувство? Обсуждения этих вопросов мы не слышали.

Для демонстрации *особенности ведения этапа игры, моделирующего попытку сочетания первого и второго аспектов заказа на экспертизу в режиме мягкой алгоритмизации сценария*, обратимся к двум сюжетам игры.

6.3.4.2. Сюжет «Где взять деньги?».

СНАЧАЛА – хронометраж соответствующего фрагмента видеозаписи.

1.00 – 1.04: «Глава администрации» В.А.Чурилов говорит о завершении семи дней работы в условиях хаоса и объявляет об изменениях в руководстве региона.

1.04 – 1.06: «Фермер» Черниченко: «последние слова правды» – землю ему не продали и потому он прекращает «игру» с этим «обновившимся» кабинетом.

1-07: «Глава администрации» ставит перед всеми экспертными группами вопрос: «где взять деньги?».

1.07 – 1.10: Работа в группах над этим заданием. «Глава администрации» проводит консультации с экспертами. Возникает взаимодействие между группами «гражданская экспертиза» и «малый совет».

1.10 – 1.12: Член правительства по телефону анализирует ситуацию в регионе. Его вопрос: почему «администрация» не требует от президента дополнительных указов?

1.12 – 1.16: «Спикер» группы «Экспертное правительство» А.Ю.Согомонов предлагает концепцию приватизации как ответ на вопрос «где взять деньги?».

1.16 -1.18: «Фермер» А.Ю.Черниченко: «это уже не игра! Если вам нужны деньги, продайте землю».

1.18: «Спикер» «гражданской экспертизы» А.И.Адамский предлагает меры, которые помогут добыть деньги.

1.18 – 1-22: Член «экспертного правительства» В.Гуревич анализирует три варианта ответа на вопрос «где взять деньги?»

КОНКРЕТИЗАЦИЯ этого сюжета.

* «Журналист» П.В. Астахов.

– Уважаемый «глава администрации», ваш рейтинг начал резко падать. Причины: по имеющимся сигналам, поступающим по различным каналам от населения, от трудовых коллективов, с которыми мы поддерживаем постоянную связь, продолжается вывоз из нашего региона промышленной и сельскохозяйственной продукции. И вы начинаете ограничивать ряд демократических институтов, урезаете гласность и т.д.

* «Глава администрации».

– Мы обсуждаем не мои действия, а вопрос «где взять деньги?».

* «Фермер» А.Ю.Черниченко.

– По поводу ваших вопросов: где взять деньги? где взять продукты? Ряд мер, которые предложила «гражданская экспертиза», мы поддерживаем. Кроме того, необходимо освободить цены на сырье, имеющееся в регионе. Пойти на ряд крупных бартерных сделок, чтобы поставить в наш регион продукты питания и получить деньги для обеспечения более долгосрочных программ. Дать возможность «фермерам» и всем сельскохозяйственным предприятиям на льготных условиях продать свою продукцию населению на территории нашего региона. Создать льготные условия в налоговой политике: она очень больно бьет по «предпринимателю».

Далее. Мы считаем, что предложенные «правительством» и «администрацией региона» меры – частичные: вместо обещанной технологии пошива нового модного костюма нам обещают латать старые заплатки. Необходима комплексная программа перехода к рынку. Эту программу мы требуем изложить на пресс-конференции с участием представителей «гражданской экспертизы» и других организаций. Провести эту конференцию в ближайший период, как можно быстрее.

* «Партократ» Г. Целмс.

– Деньги найти очень легко. Надо просто заморозить вклады и не выдавать, скажем, больше пяти тысяч рублей. Больше пяти тысяч рублей честный человек заработать не мог. Это первая мера. Вторая мера – найти продукты. Это тоже очень просто. У моего запасливого соседа продуктов полно. Революция дала нам опыт продотрядов, нужно взять эти продукты и накормить «народ». И, наконец, надо разбить южную мафию, которая все скупает и продает, ввести крутые меры, вплоть до расстрела.

Спикер «гражданской экспертизы» А.И. Адамский.

– Я хотел бы развернуто представить позицию «фермеров» и «предпринимателей», обращенную к «администрации». Первое: распродайте свою собственность. Второе: умерьте налоги так, чтобы стимулировать развитие предпринимательства – не 40%, а хотя бы 27 %. Третье: демонополизируйте фонды социального страхования. Снимите с государства монополию на пенсионное обслуживание.

Последняя фраза, которую мне поручили сказать гражданские эксперты, следующая: «если вы хотите обнищания народа, действуйте по Указу. А если хотите процветания народа, действуйте по той программе, которая опубликована в газете “Гражданская экспертиза. Демократическая Россия” и которую мы только что здесь изложили».

* Ответ на вопрос «главы администрации» готовился и в группе «экспертное правительство», предложившей *концепцию приватизации*.

Анализируя ситуацию, которая характерна не только для данного региона, но и для всех остальных административных единиц Российской Федерации, мы пришли к выводу, что проблема физического наличия денег постепенно превращается в одну из катастрофических. Взвинченные цены и отсутствие денег (станок не успевает их печатать) могут привести к очень серьезным социальным последствиям. Наше предложение: «администрация региона», приступайте к приватизации.

1. Мы считаем, что обвальная приватизация, которой требуют товаропроизводители (и не только они, а всевозможные «собственники», потенциальные собственники торговых точек), пока неуместна, и предлагаем концепцию приватизации как процесса. Первый этап – «обвальная коммерциализация» всех торговых точек, в том числе оптовой и розничной торговли.

2. Мы полагаем, что необходимо срочно приступить к дроблению монопольных собственников. В первую очередь это касается оптовых и закупочных баз.

3. Мы предлагаем демонополизацию и коммерциализацию, в том числе частичную приватизацию, средств массовой информации, включая радио и телевидение.

4. Мы предлагаем введение во всех городах магазинов-распределителей. Магазины они являются условно, потому что в них существует только товар, обеспечивающий группу лиц, не имеющих возможности к самообеспечению. Это не только инвалиды, но все, кто находятся далеко за чертой бедности: в обязанность местной «администрации» входит выработка этого критерия и четкое следование ему в распределении продуктов и прочих товаров.

По представленному выше фрагменту игры можно увидеть значимость включения в ее ход еще двух экспертных структур. «Регион N», а вместе с ним и представители заказчика экспертизы, получили возможность моделирования эффекта взаимодействия администрации со структурами гражданского общества и независимой экспертизой

профессионалов, предложившей еще не декларированную в реальности серию рыночных реформ.

6.3.4.3. Ситуация «Фиксированные цены». Этот момент игры был посвящен моделированию поиска решений в отношении вспыхнувшего через неделю после «Дня X» забастовочного движения на предприятиях, действующих в условиях фиксированных цен на нефть.

СНАЧАЛА – хронометраж соответствующего фрагмента видеозаписи.

1.37 – 1.39: «Глава администрации» предлагает всем экспертным структурам смоделировать ситуацию: нефтяники перекрыли вентили.

1.40 – 1.43: Член «гражданской экспертизы» Л.А. Радзиховский выступает с предложением о смене «главы администрации»: «Никакие меры не дадут эффекта, пока во главе стоит “администрация”, не пользующаяся доверием населения».

1.43: «Глава администрации» заявляет: «кто против меня, тот против президента».

1.44 – 1.45: Объявление об образовании из представителей «гражданской экспертизы», «гражданской ассамблеи», «регионального совета народных депутатов» новой группы «Региональный совет».

1.45 – 1.46: «Член Правительства» – «главе администрации»: «Правильно поставлен вопрос о понимании цели либерализация цен. Ради либерализации всей экономики мы начали реформы».

1.46 – 1.47: Заявление первого заместителя «главы администрации» о своей отставке в связи с тем, что в сложившихся экстремальных условиях работы «администрации» и при наличной законодательной базе не удастся создать программу, которая бы позволила региону выжить.

1.47: «Спикер» вновь образованной группы «Региональный совет» А.И. Адамский приглашает отставного заместителя в эту группу.

1.48 – 1.50: «Предприниматель» рассказывает о своих переговорах с «администрацией региона»: «если налогообложение будет приведено в соответствие с нашими представлениями, то мы берем на себя обеспечение больных и пенсионеров».

1-53: «СМИ», ссылаясь на образование «регионального совета», предупреждают об опасности переворота в регионе: «"главу администрации", представляющего законно избранного президента, невесть откуда взявшиеся "региональные советы" и "гражданские эксперты" пытаются сместить, перетащив на себя властные полномочия».

1-53: «Глава администрации» предлагает всем участникам экспертизы вернуться к ситуации «Фиксированные цены».

1.55 – 1.57: От имени новой группы зачитывается решение, принятое на сессии «Регионального совета».

1.57: «Предприниматель» А.И. Григорьев: «Сессия приняла решение создать инвестиционный фонд развития региона. Акционерное общество "Тюменьэтносинвест" готово взять на себя функции по аккумулярованию денег, которые бы в дальнейшем дали возможность развиваться региону».

1.58 – 2.01: Член «экспертного правительства» В.Гуревич: «Фактически один фонд скупит все ресурсы этого региона. Такая монополизация абсолютно недопустима. Мы сделаем все, чтобы ее не допустить».

2.01: «Региональный совет» передает решение сессии в «администрацию региона».

2.02 – 2.04: Представитель «профсоюза работников нефтедобывающей промышленности» предлагает перезаключение коллективных договоров, в которые могут быть включены и предложения правительства о передаче одной пятой части добытой нефти в собственность тех или иных работников.

2.06: «Глава администрации» объявляет об образовании «Народной нефтяной национальной компании» – НИ-ПЕК.

2.07 – 2.15: «Центр прикладной этики» комментирует завершившийся этап игры.

2.15: «Глава администрации» в открытом эфире докладывает «членам правительства», что забастовки нефтяников не будет.

ПРОДОЛЖАЯ характеристику технологии ведения игры, обратим внимание на то, каким образом была введена моделируемая ситуация.

* Обращение «члена правительства» к «главе администрации» по телефону. «Правильно один из участников экспертизы сказал, что важно иметь в виду цель, во имя которой проводится либерализация цен. Эта реформа – составная часть в целом либерализации экономики. Экономические реформы предполагают и демонополизацию, и приватизацию и т.д. И нам важно увидеть, как регион реагирует на идею реформаторского прорыва».

* «Глава администрации».

– Как раз сейчас я намеревался проинформировать граждан о ситуации, несущей в себе самые тяжелые последствия как для страны, так и для нашего региона.

Я только что получил телеграмму об образовании стачкома нефтяников. Его жесткие требования связаны с фиксированными ценами на нефть. Нам предстоит рассмотреть вопрос о том, чтобы за либерализацией цен на продукты, товары первой необходимости провести либерализацию цен на рабочую силу. У нас до сих пор не являются товаром не только нефть и газ, но и рабочая сила. Да, вы можете потребовать моей отставки. Пожалуйста, садитесь на мое место, но ведь и любой другой окажется в той же ситуации: у граждан нет права на свободную продажу своего труда, своего ноу-хау, своих знаний, своих сил. Сплошная эксплуатация.

Я прошу в течение 15 минут обсудить во всех экспертных группах варианты решения ситуации, возникшей в связи с предстоящей забастовкой энергетиков. К каждой скважине поставить по автоматчику? Мгновенно отменить фиксированные цены? Какие еще варианты возможны?

ОТМЕТИМ, что в рамки намеченного сценарием алгоритма экспертизы вполне вписывались упомянутые в хронометраже игры выступления СМИ, кадровая перестановка в «администрации», требования отставки ее «главы», конфликтное поведение профсоюзов, предложение «экспертного правительства» и т.д. Представим некоторые из этих игровых действий по видеозаписи.

* «Представитель СМИ» Л.П. Скопцов.

– Наши читатели приходят к выводу (на взгляд работников прессы, совершенно справедливому), что 450 тысяч рабочих региона производят ценности на десятки миллиардов рублей, причем, ценности, за которые можно получать свободно конвертируемую валюту, а не деревянные рубли. А что они имеют от Москвы, от Ельцина взамен? Они имеют 30-40% наполнения обещанных фондов. Поэтому вполне резонно наши читатели ставят вопрос о том, что надо бы перекрыть Москве кран, если Москва не поможет нам.

* Выступление представителя «гражданской экспертизы» Л.А.Радзиховского.

– Не надо отведенных «главой администрации» пятнадцати минут на обсуждение. Дело в том, что он просто тянет время, занимается самоспасением. Реально никакие меры не дадут эффекта, пока во главе стоит «администрация», не пользующаяся доверием населения. Первое предложение группы заинтересованных граждан: немедленная смена «главы администрации». Второе: группа заинтересованных и озабоченных граждан не считает, что демократия является неким фетишем и сверхценностью. Мы обязаны немедленно отменить в пределах нашей области те или иные демократические процедуры, установив режим чрезвычайного положения. Нет, мы не коммунисты. Более того,

наша группа ориентирована антикоммунистически. Мы считаем, что областью должен руководить комитет в составе представителей военных, свободных «предпринимателей» и «фермеров», а также представителей заинтересованных граждан. Комитет имеет право отменять любые установленные законом правила, вредящие жителям нашей области. В том числе запретить вывоз товаров за пределы нашей области. Третье: пусть будут свободные цены. Мы уверены, что в пределах тех требований, которые выдвигали уважаемые нами «фермеры», «народ» поймет это требование. Но либерализация должна быть только для производящего капитала, а не для спекулирующего, не для торгового, не для коррумпированного. Эти требования «народ» поддержит. «Народ» с нами, мы это знаем твердо.

* «Глава администрации».

– Для всех желающих снять меня сообщаю, что результаты голосования за президента Российской Федерации по нашему региону – 86%. Президент своим Указом назначил главой администрации меня. Кто против меня, тот против президента.

* «Экспертный кабинет»: В ситуации перекрытого крана, с учетом положения в стране, колоссального дефицита валюты, ресурсов и т.д., мы готовы пойти на прямые переговоры с нефтяниками, предложив в качестве нашего варианта оставлять в собственности нефтяников каждую пятую тонну нефти. Мы подчеркиваем: не 10% после выполнения госпоставок, а каждую пятую тонну нефти, которую они могут реализовать по своему усмотрению, либо «правительство» может оплатить каждую пятую тонну нефти по рыночному курсу в рублях.

ОДНАКО мягкий алгоритм ведения игры с участием всех экспертных систем обернулся внесением в структуру «испытательного полигона» конструктивной новации. Речь идет об упомянутой в хронометраже этого этапа игры интеграции представителей двух экспертных групп из «Региона N» и «гражданской экспертизы» в новую группу.

* *Заявление*: группы «Гражданские эксперты», «Гражданская ассамблея» и «Региональный совет депутатов» объединились в группу «Региональный совет». Мы открываем сессию вновь организованного «Регионального совета», чтобы выработать свои решения по ситуации «Фиксированные цены». Предлагаем группе «Экспертный кабинет» выступить в качестве консультантов нашей сессии. Приглашаем всех желающих, в том числе и «администрацию», принять участие в сессии. Подчеркиваем: наша сессия полагает, что ее решения являются не консультативными, а законодательными.

* *Решения сессии «Регионального совета»*: 1. Установить на полгода свободные цены на нефть, срочно заключить договоры с республиками, производящими продукты питания. 2. Установить налог на прибыль производящих предприятий не выше 25%. 3. Начать немедленную продажу земли и освободить от налога сельскохозяйственные предприятия на два года.

Для характеристики *технологии ведения этой игры* обратим внимание на такой способ *выстраивания игры в модели экспертной системы*, как «экспертиза экспертизы».

*Позиция «Экспертного кабинета»
о решении сессии Регионального совета*

Свободные цены на нефть не могут быть применены только одном регионе: кроме Тюмени добывают нефть Волго-Уральский район, Сахалин и т.д.

Вы должны прекрасно понимать, что отпустить изолированно цены на нефть невозможно, нужно будет отпустить цены на все виды энергоресурсов и все сырье. При отмене фиксированных цен надо быть готовыми к тому, что в конце года инфляция составит 15000 процентов.

Вариант, который выдвинули мы – отдать каждую пятую тонну нефти в собственность нефтяников, т.е. свободные цены на нефть, свободный экспорт и т.д., – это компромисс. В принципе это тоже плохое решение, принято оно только в результате нажима, который оказывается неф-

тяниками. Сочетание свободных и твердых цен – губительно. Вам не удастся удержать стабильную поддержку здравоохранения, стабильность цены на горячую воду в домах. Это открытый инфляционный вариант.

* Спикер «Регионального совета»: Уважаемые члены сессии! Мы приняли решение, выслушали консультацию «экспертного правительства». Не следует ли нам сейчас передать эти материалы пока работающему «главе администрации» для принятия решения?

* «Глава администрации».

– Сообщаю всем о решении Правительства России в связи с ситуацией «Фиксированные цены»: увеличить до 30% объем продукции, реализуемой предприятиями в целях самофинансирования по свободным ценам. Докладываю о своем решении, которое тоже состоит из одного пункта: в целях повышения заинтересованности населения в увеличении добычи энергоносителей образовать «Народную нефтяную национальную компанию». Полагаю, что таким решением мы снимем многие проблемы региона.

И снова обратим внимание на применение технологии «экспертиза экспертизы».

* Позиция «экспертного правительства»: Стремление к монополизации – так мы увидели создание «Народной нефтяной национальной компании». Такое решение не относится к функциям «региональной администрации».

Какое место в игре занимает моделирование ситуации «Фиксированные цены»? Решение «администрации» о выпуске акций «Народной нефтяной национальной компании» моделировало рабочую гипотезу о намеренности государственного института стимулировать – идейно и материально – формирование субъектов гражданского общества.

6.3.4.4. Игра идет к завершению и «Центр прикладной этики» комментирует события второго этапа экспертизы.

* В.И.Бакштановский.

– Прежде всего напомним, что наша задача, конечно, трудно решаемая, и потому мы предприняли лишь попытку над чисто экономическими и политическими решениями надстроить «человеческое измерение», увидеть в ситуации либерализации цен в целом и в той конкретной ситуации, которая сложилась в нефтяной области, мотивы поведения людей и возможные способы разрешения ими возникших конфликтов.

Рассуждая о том, что произошло во время моделирования ситуации с фиксированными ценами на нефть, мы обнаружили, что «правила игры», которые практикуются субъектами рыночных реформ, пока неполноценные правила. Это скорее правила взаимоотношения *субъектов* и *объектов*, а не равно свободных субъектов.

Если «заказчик» экспертизы решил планировать стратегические решения, а не только рассматривать последствия либерализации цен на завтра и послезавтра, то ему никак не уйти от создания нравственной философии рыночных реформ, от формулирования тех идеалов и ценностей, которыми будут руководствоваться участники этих реформ.

Мы с нетерпением ждали, когда же вновь образовавшаяся структура гражданского общества пригласит нас к себе. Но, как выяснилось, предел мечтаний для нее – увидеть в своих рядах администратора. Структура гражданского общества вроде бы новая, но... завлечь к себе администратора – и все проблемы были бы решены.

Ю.В.Согомонов.

– Наблюдение за интенциями и поведением участников экспертизы дает некоторые основания предположить, что в общественном сознании закрепляется устрашающий образ либерализации цен, тем более, когда она идет в неклассическом виде, опережая процессы демонополизации и приватизации. Этот образ прочно связан с тем, что в реальной практике мы видим не освобождение цен, а их повышение. Здесь – психологическая основа для фрустраций,

нервных ожиданий худшего, воспаленного воображения, возможной паники и социальных взрывов.

Вместе с тем выявилась различная степень готовности перенести тяготы либерализации, различные степени решимости пойти на моральные и психологические усилия по адаптации к дискомфортным ситуациям, по приспособлению ко все изменяющимся по времени и основательности фазам рыночных реформ. Это углубляет раскол в общественном сознании,

Е.И.Головаха.

– Смоделированная ситуация не выходит из общего настроения на худшее обстоятельство. И этот настрой, наверное, не случаен. Я думаю, что никто не задумывался над вопросом: почему, собственно говоря, правительство, принимая решение о либерализации цен, пошло по пути лишь частичной либерализации, создавая некоего кентавра, который соединяет в себе свободные цены и цены фиксированные? За этим, мне кажется, стоит вопрос: какого экономического строя хочет то самое население, во имя которого осуществляется реформа? Многие исследования показывают, что массовое сознание (я бы сказал сознание базового типа личности) в нашем обществе – амбивалентное сознание. Разорванное, двойственное сознание человека, который наполовину еще в прошлом, а наполовину уже в будущей рыночной экономике.

Причем эта амбивалентность количественная. Скажем, на Украине население приблизительно поровну распределено между теми, кто предпочитают высокие, неограниченные цены – при отсутствии дефицита и риске, и теми кто выступают за карточную систему распределения, за отсутствие риска и гарантированный минимум. Но эта же амбивалентность, эта двойственность, раздирает сознание каждого из нас.

Отсюда и наша установка – я видел ее в поведении участников экспертизы – готовиться к худшему. На этом этапе жизни страны в общем-то правильный подход. И ре-

шения, которые мы здесь принимали, по-видимому, лучшие из худших решений.

К сожалению, мы не пошли дальше, не смоделировали ситуацию перехода к собственно рыночным отношениям. А в ней будут возникать уже совсем другие гуманитарные проблемы.

ВПОЛНЕ серьезная процедура игрового моделирования никак не исключает «несерьезного» поведения его участников, в том числе и ведущих.

«Глава администрации» В.А.Чурилов.

– Я хочу доложить «правительству», что забастовок не будет. Дело в том, что наши женщины, купив акции нефтяной компании, уговорили своих мужей, братьев, отцов отказаться от забастовки как способа решения своих проблем.

ЧЛЕН реального правительства из аппаратной «Останкино»: Мы так понимаем, что экспертиза закончена. Благодарим всех участников за работу. Полагаем, что она будет полезна для нас. Конечно, не все проблемы, ожидающие нас с началом реформ, мы смоделировали. Но это было и невозможно за отведенное на игру время. Эта экспертиза – лишь начало большой работы.

В.А.Чурилов переходит в позицию ведущего игры. Спасибо за теплые слова. Вы фактически начали последнюю процедуру – рефлексию прошедшей игры.

Прошу режиссеров, телевизионных операторов не пожалеть еще десяти минут времени для того, чтобы записать этот момент.

6.3.5. Заключительная рефлексия участников игры

1. * От группы «народ» в «Регионе N» выступает М.М.Метаков.

– В самом начале игры прозвучала реплика, что если это и игра, то игра в жизнь. Конечно, мы сейчас можем говорить о неудовлетворенности какими-то конкретными результатами, нашими подходами, находками. Но, мне кажется, игра – метод, достойный внимания. В сегодняшней не-

определенной ситуации этот метод позволяет любому лицу, принимающему решение, перебрать различные варианты своего поведения.

* От «предпринимателей» «Региона N» берёт слово В.Боруховский.

– Ситуация, которая здесь моделировалась, еще раз показывает, что занятие бизнесом у нас в стране остается крайне рискованным – во всех смыслах. Если реальная ситуация будет развиваться так, как она развивалась на игре, совершенно неизбежен, как минимум, спад деловой активности.

С самого начала игры случилось разделение: вроде бы все входили в одну команду – «народ», но сразу резко разделились: мы остались, «население» ушло от «предпринимателей». Игра показала, что ни «администрация», ни «население» не понимают реальной роли «предпринимателей». Двигаясь к рынку, который создают именно «предприниматели», все о них забывают. Говорят: «Рынок, рынок, рынок», а «предприниматели» при этом выпадают из ситуации. Это недопустимо.

Мы считаем, что пропаганда предпринимательства, объяснение его роли должно быть для правительства одной из первоочередных задач. Надо объяснить людям, что мы не мироеды какие-то, которые просто хотят нахапать. Мы создавали и будем создавать рабочие места, будем заботиться о старых и больных. Государство показало, что в том виде, в котором оно сейчас существует, эти задачи оно решить не может. А мы можем. И доказываем это каждый день. Правда, сил пока мало, и нам мешают.

В конце игры оказалось, что наши цели полностью совпадают с целями «населения», всех устраивает то, к чему стремимся мы. Нас очень обрадовало (чисто профессионально), что этот результат мы точно спрогнозировали в своей группе.

2. * От «гражданской экспертизы» выступает А.И.Адамский.

– Недостатки видны всем, а я хочу сказать о достоинствах, о том, что удалось, на мой взгляд, смоделировать.

Сейчас ситуация уже ушла, а несколько минут назад возникла выразительная картина. Слева – «глава администрации» в полном одиночестве, справа – весь «Регион N», все, кто раньше был более-менее равномерно распределен по игровой площадке. Хотели мы или нет, но здесь смоделирована ситуация консолидации «против». Все – «предприниматели», «население», «депутаты» – консолидировались против тех, кто старается администрировать, командовать. Задача на следующие этапы экспертизы: как избежать этой модели и создать модель консолидации «за», «за» прогрессивные реформы с прямым участием гражданского общества.

Мне кажется, удалось смоделировать (не хочу обижать никого из присутствующих, мой вывод и ко мне относится), как вслед за авторитарными действиями «администрации», неотвратимо идут охлократические действия «населения». Авторитарность рождает охлократию. Это было здесь продемонстрировано, а если так будет и в реальной жизни – это страшно.

Л.А.Радзиховский.

– Ход игры моделировал вполне реальные жизненные процессы. Например, до перерыва мы часто теряли проблему, с обсуждения которой начали игру. Но так и в жизни бывает: часто проблемы по дороге теряются, вернее, уходят куда-то, вроде бы рассасываются, потом возникают снова. Так что хаотичность и незавершенность первого этапа игры была реалистична.

Но есть и разница между этой игрой и жизнью. Нам была предложена благополучная ситуация – все условия заданы заранее. Лишь одна трудность: «понял» – «не понял». Как бы решение познавательных задач.

Здесь говорили, что беда нашей игры в том, что в «Регионе N» не было взаимопонимания. Но понимания было слишком много: позиции «администрации» и представите-

лей общества прозрачны друг для друга, идет диалог... В жизни такого не бывает. Если бы в жизни было все так ясно, то не было бы никаких конфликтов, не было бы никакой нужды ни в милиции, ни в этих играх.

В жизни есть очень драматические обстоятельства – не только такая очевидная ситуация, как забастовка нефтяников. Например, в нашем моделировании совершенно недоучтены реальные социальные силы. В одном из своих выступлений от структуры «гражданская экспертиза» я пытался говорить от имени фашистских групп. Почему-то все до сих пор считают их какими-то последышами «партократов». Это неправда. Они часто выступают с антикоммунистических, радикально антикоммунистических позиций. Но мое выступление было абсолютно впустую. Может быть, я плохо выступил? Но надо учитывать баланс разных политических сил, каждая из них имеет свой вес, некоторые из них достаточны для того, чтобы пустить под откос любое решение. А у нас на игре было больше чисто познавательных ситуаций.

* «Домохозяйка» Н.Логинова.

– В этом высоком собрании я как «собака Павлова» получила две команды: и встать, и лечь одновременно. Результат может быть только один – невроз. А ведь в ситуации реформ «домохозяйка» представляет собой грозную силу, потому что она тоже может выйти на улицу, т.е. за мной стоят миллионы.

Почему я получила сразу две команды? Потому что в перерыве игры самый настоящий российский министр (не поддельный, не игровой, а настоящий) сказал мне, что я имею право выйти на улицу и продавать все, что угодно, и никто не может мне препятствовать. Вслед за ним подошел человек, который не назвался, и сказал, что мое рабочее место обязана проверить санэпидстанция, пожарная команда, и без взятки они не уйдут. Кроме того, место, где я буду продавать, куплено. Вся улица куплена, угол, подземный переход куплены и т.д.

Или не призывайте «население» самим выкручиваться, кто во что горазд, или дайте в своих указах нужную строку, чтобы было ясно: «разрешальщики» и «запрещальщики» у нас мифические или реальные? Кто они? Как их свалить? Указом? Силой?

3. * От «экспертного правительства» выступает Е.Ш.Гонтмахер.

– Если говорить о кратком итоге, то нам бы хотелось выделить, прежде всего, поведение «региональной администрации», на плечи которой, как нам представляется, в основном и ляжет вся тяжесть работы по либерализации цен, в том числе работы с «населением». Однако в течение всех часов нашей игры мы видели, что «региональная администрация» занималась вопросами, которыми не должна заниматься, и, в то же время, оставляла в стороне те вопросы, которыми должна заниматься по своему определению. Например, «администрация» создавала «Народную нефтяную национальную компанию», что совершенно не входит в её функции, но не занималась поиском каких-то амортизаторов, особенно для тех групп «населения», которые оказываются под наибольшим ударом в связи с ростом цен. Нам представляется, что если в реальной действительности в регионе будет проводиться такого рода политика, мы столкнемся с тем, что здесь проигрывалось гипотетически, – с большими социальными волнениями и беспомощностью «администрации», совершенно не готовой к такому повороту событий.

А. Виноградов.

– Я хотел бы сказать несколько слов о чем сегодня не говорилось вообще – о средствах массовой информации. Мне показалось изначальной ошибкой «администрации региона», что ей не удалось через средства массовой информации объяснить, что она знает о нуждах, испытываемых конкретными группами «населения», что она объективно не способна сбалансировать все интересы, что есть группы «населения», которые должны будут в процессе либерали-

зации цен защищаться сами – у государства нет для этого средств.

«Администрация» с прессой не работала, пресса тотально не информирована о действиях «администрации». Не только о том, что предполагается, но и о том, что предпринимается. Правда, когда «предприниматели» (дабы лишить «администрацию» рупора, которым она не пользуется) покупают прессу и закрывают ее, «администрация» спохватывается и ...монополизировать прессу. Итак, пресса не работала ни как контролер, ни как эксперт, ни как связующее звено общественности с «администрацией». Масса недопонимания, масса проблем, которые сегодня обсуждались, возникли именно в силу того, что пресса оказалась выключенной из игры.

В рамках игры это вполне естественно, поскольку все структуры напрямую представляли друг другу свои позиции. Но представим себе ситуацию в реальном регионе. Если пресса не получает информации, это приведет к еще большим социальным коллизиям в регионе в момент либерализации цен.

* От группы «народ»: Находясь далеко-далеко, в северных районах, мы, конечно, даже не предполагали, что какая-то игра может принести реальную пользу. Я надеюсь, что телевидение смонтирует хороший фильм и другие «администраторы» увидят, с кем и с чем им придется столкнуться. Спасибо тем, кто организовал эту игру.

В.А.Чурилов: Дорогие участники нашей коллективной экспертизы, благодарю всех за ту интеллектуальную энергию, которую вы вложили в наше общее дело. Я уверен, что затраченное на игру время не пропало даром для каждого из нас. Думаю, что мы принесли известную пользу тем, на чьи плечи действительно лягут очень серьезные решения, связанные и с либерализацией цен, и с установлением нового порядка в нашей стране.

6.4. Результаты игры:

рабочие гипотезы в «зеркале» экспертизы

Как и предполагалось еще на стадии разработки аван-проекта, было бы недооценкой потенциала игры, если бы моделирование последствий «Дня X» свелось к демонстрации «заказчику» неработоспособности представительных органов власти; слабой эффективности попыток новой исполнительной власти принять всю ответственность за ситуацию на себя; неразвитости предпринимательства, структур гражданского общества в целом; нежизнеспособности позиции консервативных сил.

Игра могла оправдать себя прежде всего своей сосредоточенностью на *технологии намеренности* в процессе делегирования ответственности за либерализацию общества от государства самому обществу. Выведением на первый план идеи коэволюции политической этики и этоса гражданского общества.

Разумеется, экспертиза наглядно проявила предрыночную ситуацию «еще раз», дав чувственное подкрепление очевидному требованию момента: делегировать ответственность – и свободу – в деле либерализации общества самому обществу, сохраняя за государством контроль за соблюдением законов. Рыночное сознание не возникнет по Указу к «Дню X», и кроме самого опыта жизни в становящемся рыночном обществе нет учителей и опыта готового к передаче.

Другое дело – как перейти «Рубикон», как обеспечить процесс такого делегирования, даже если оно и добровольно со стороны государства. В этом ключе – для характеристики ситуации «предмостья» и поиска средств конструирования технологии намеренности – и следует рассматривать предложенные здесь выводы относительно реализации рабочих гипотез игры.

Образ «следующего дня» отнюдь не является чистой ассоциацией с библейским днем Апокалипсиса; «день» серьезен, а образная условность отражает метод эксперти-

зы – игровое моделирование. Моделирование, экспертный потенциал которого существенно отличается от привычных методов прогнозирования социальных последствий планируемых социальных, экономических или политических реформ.

Стремление «заказчика» с опережением сконструировать вероятные сценарии взаимодействия «власти» и «народа» в ситуации либерализации цен с целью выработки упреждающих моделей поведения организаторов реформ, его надежда выявить те структуры и группы в обществе, на которые правительство может опереться в процессе передачи своих патерналистских функций, не могут не учитывать объективного разрыва между *гуманистическими* и *прагматическими* ценностями в жизни общества.

Вряд ли стоит с моралистическим пафосом упрекать тех участников экспертизы в группе «Регион N», чьи поиски сосредоточились прежде всего на прагматических целях: трудно думать о высших потребностях, когда под угрозу поставлены первичные. Этим же, вероятно, объясняется и тенденция части экспертов к пессимистической оценке способности властей обеспечить тот минимум социальной защиты, без которого рискованна любая намеренность в модернизации общества.

Региональный истеблишмент разного калибра мало готов к возмущениям в силовом поле перемен: он более склонен либо к инертности, либо к импровизационным решениям в контролируемых секторах жизни общества. Доминирует нацеленность на оперативные решения в ущерб стратегическим целям и ценностным основаниям рыночных реформ.

В моделировании проблемной ситуации «Справедливые цены» региональная команда продемонстрировала нереальность для многих участников рыночных реформ позиции собственно субъектов – ушедших от патерналистских идеологии и психологии. Это обнаружилось уже в искренней готовности большинства членов данной экспертной

группы принять именно то название ситуации, которое было предложено, даже не поставив под сомнение соответствие рыночному мышлению само вопрошание о «справедливости цен».

Совсем не случайно из группы «Центр прикладной этики» прозвучал основанный на наблюдении за ходом экспертизы тезис о закреплённости в сознании значительной части общества устрашающего образа либерализации цен, образа, соответствующего практике повышения – а не освобождения! – цен.

И тезис о наглядности разных степеней готовности переносить тяготы либерализации цен и пойти на морально-психологические усилия по адаптации к дискомфортным ситуациям, по приспособлению к изменяющимся по времени и основательности фазам рыночных реформ.

С одной стороны, тает доверие властям, истощается народное терпение, происходит износ ожиданий. Это порождает предчувствия личной и общественной катастрофы, грозит вспышками массового стихийного недовольства с плохо предсказуемыми формами социальной паники тех слоев, которые не воспринимают грядущее как судьбу и уже привыкли к отсутствию страха за завтрашний день.

С другой стороны, нормально, что либерализацию как неизбежную систему мер перехода к рыночной экономике принимает лишь меньшинство, те, кто полагаются на собственные силы. Но как сделать, чтобы это меньшинство не стало незначительным?

Трудности возникают уже в определении размеров тягот, которые понесут разные слои и группы населения. На этой основе убыстряется положительный процесс формирования интересов групп, но вместе с тем и обостряются конфликты по поводу тягот: каждая группа или слой стремятся минимизировать их, переложив на чужие плечи, чтобы занять максимально благоприятную для себя позицию на всю переходную эпоху. До гуманизма ли в этой ситуации? Даже когда речь идет о благотворительности, сталки-

ваются разные интересы субъектов этой деятельности, в ущерб налаживанию экспресс-помощи слабо защищенным слоям населения.

До гуманизма ли в ситуации тотального конфликта по поводу тягот либерализации цен между всеми слоями и группами, стремящимися переложить эти тяготы на чужие плечи? Можно ли согласовать «правила игры» разных субъектов рыночных реформ, облагородить, гуманизировать эти правила? Где и как отыскать тот заветный или злополучный консенсус? Кто отрегулирует шаткий баланс интересов?

Вероятно, необходим информационно насыщенный диалог инициативных групп интересов как основа смягчения конфликтов, поиска здравых смыслов, а в перспективе – создание гибких структур, ответственных за организацию диалога интересов. Возможно, это будет предложенный для эксперимента на игре «гражданский парламент»?

Как подчеркнули авторы итогового доклада об экспертизе, главная проблема становления гражданского общества – соорганизация разнонаправленных интересов его структур. Но они сегодня глухи друг к другу, а для разрешения внутренних конфликтов обращаются только... к власти. Вероятно, реализация идеи намеренности предполагает взаимодействие государственных структур не с «населением», «массами», а с малыми группами гражданского общества, наиболее расположенными к риску, негарантированным результатам. Такого рода адресности каждого шага государства будет способствовать определению сферы, в которой даются гарантии, и сферы, в которой стимулируется гражданская ответственность.

Проведенная без апологии и предубеждений экспертиза выявила глубокий провал в «идеологическом обеспечении» реформ в целом, либерализации цен – прежде всего, убеждая в необходимости срочных мер по снятию устрашающих имиджей рыночной экономики, применив для этого все имеющиеся влияния и авторитеты. Нехватка времени и сил у правительства не должна распространяться на этот

предмет: морально-психологическая готовность-неготовность к реформам вполне материальная сила. Не разворачивание знамен казенного оптимизма, а преодоление зияющего незнания хотя бы на уровне прописных истин, воскрешение веры в ненапрасность жертв, создание перспективы – не «светлого будущего», но просто будущего, формирование понимания, что выход не позади, а впереди. Но средства массовой информации пренебрегают терапевтическими задачами.

Среди проявившихся в процессе экспертизы задач конструктивного плана – не допустить обращения потенциальных союзников либерализации цен, слоев и типов людей, ориентированных на перемены, в реальных противников (на что мы все мастера). Важно укрепить позиции такого рода групп, причем тех в первую очередь, кто готов не к дикому, а к цивилизованному рынку. Короче говоря, нужно непрестанно подкреплять – морально и материально – рыночную мотивацию, стремление к успеху.

Другая задача – нейтрализация тех групп, слоев, которые стремятся «погреть руки» на ситуации, которые со злой радостью, с ухмылкой предсказателя бед толкают люмпенизирующиеся массы на антирыночные авантюры, кто провоцирует не только уличные, но и заводские конфликты, кто готов к тихому саботажу реформ. Нужна социальная воля в противостоянии и правому, и левому популизму, культивирование социального партнерства с учетом преобладания дорыночного менталитета.

Акцентируя проблему «правил игры» субъектов рыночных реформ, отметим, что проявившиеся на экспертизе «правила» оказались весьма старомодными: в кардинально изменяющейся ситуации и органы государства, и структуры гражданского общества отягощены менталитетом и инструментарием предшествующей системы.

Дальнейшая работа над «идеологическим обеспечением» либерализации потребует не только прогнозов несомненных конфликтов по поводу этих «правил игры». Заказ-

чику экспертизы было рекомендовано участие в *арбитраже и в предоставлении форума* по определению этих правил – трактовке правил и обеспечению их соблюдения.

На игру не пришли несколько министров реального Правительства России. Только через несколько дней стало известно, что день проведения игры – 8 декабря – был еще и днем принятия известных политических решений в Беловежской пуще.

У заказчика экспертизы появились неотложные заботы.

Затем в составе Правительства произошли персональные изменения.

Намеченного продолжения наша экспертиза не получила.

В то же время ее результаты мотивировали Центр прикладной этики на исследовательский проект «Этика гражданского общества», материалы которого представлены в коллективной монографии «Будь лицом: ценности гражданского общества» (под ред. В.И.Бакштановского, Ю.В.Согомонова, В.А.Чурилова. Томск: Изд-во Томского госуниверситета, 1993).

Заключение Обществу. «До востребования»

Наиболее трудный вопрос, который мы ожидаем от читателя этой книги: насколько актуальна технология этико-прикладных игр, если учитывать, что игры, представленные в рамках мастер-класса, принадлежат эпохе Перестройки как ситуации выбора и первым постсоветским годам?

Конечно, можно «оправдаться» тем, что в завершающей главе 2 панораме указаны игры и 1996-го, и 2005-го годов. Оправдаться-то можно. Но никак не уйти от объяснения, связывающего востребованность технологии игрового моделирования с вполне определенной общественной ситуацией, обстоятельствами социально-политического и социокультурного планов. Прежде всего с ситуациями напряженного морального выбора, встающего перед субъектами общественного масштаба. Ситуациями, которые общество активно рефлексировало как перепутье. Когда *встречаются* инициативы владеющих игровой методологией исследователей и практиков – и запросы социальных групп, профессиональных сообществ, гражданских структур, партий и других институций. Встречаются как *взаимно* заинтересованные в совместном продуцировании проектно-ориентированного знания-умения для освоения проблемных ситуаций.

Сегодня наш лаконичный ответ на ожидаемый вопрос дан уже в заголовке заключения: «Обществу. До востребования». Означает ли этот ответ *приговор* этическим прикладным играм? Предполагает ли он длительный анабиоз потенциала игрового моделирования?

Скорее, нет. Уже потому, что обществу, решающемуся на модернизацию, предстоит осваивать ценности, нормы и правила жизни в ситуациях нового выбора. В том числе и с помощью игрового моделирования. Тем более *нет*, потому что освоение ситуаций выбора возможно, необходимо – и вполне по силам – локальным общностям и конкретным институциям.

Научное издание

Бакштановский Владимир Иосифович
Согомонов Юрий Ваганович

ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА: ЛАБОРАТОРИЯ НОУ-ХАУ

Том 1.
ИСПЫТАНИЕ ВЫБОРОМ:
ИГРОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК НОУ-ХАУ ИННОВАЦИОННОЙ
ПАРАДИГМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

Редактор выпуска *И. А. Иванова*

Подписано в печать 29.12.09. Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 18,25.
Тираж 250 экз. Заказ № 442.

НИИ прикладной этики ТюмГНГУ.
625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38.
Контактный телефон: (3452) 46-92-44.
E-mail: priclet@tsogu.ru.

Отдел оперативной полиграфии издательства ТюмГНГУ.
625039, г. Тюмень, ул. Киевская, 52.